Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

Д. П. ЛОГИНОВ

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ОСТРОГ

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2012

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)
Л69

Редакционная коллегия:
О. В. Ефимова, С. В. Графская, Н. А. Конышева,
С. В. Гаврилов

Логинов Д. П. Большерецкий острог. — Петропавловск-
Л69 Камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга», 2012. —
240 с., ил.

ISBN 978–5–87750–221–5

Изданием рукописи «Большерецкий острог» уроженца Камчатки, потомка коренных жителей полуострова — ительменов и пришедших сюда русских казаков, Дмитрия Павловича Логинова Камчатский краевой объединённый музей открывает серию публикаций уникальных материалов, хранящихся в его фондах.

Издание осуществлено с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края. Рассчитано на специалистов-историков, краеведов, музейных работников, лиц, интересующихся историей Северо-Востока России.

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)

Ответственная за выпуск О. В. Ефимова

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Книга издана на средства Министерства культуры Камчатского края, КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и президента холдинговой компании «Новая книга» С. П. Кожана

ISBN 978–5–87750–221–5

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2012
© КГБУ ККОМ, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В фондах Камчатского краевого объединённого музея хранится рукопись камчатского уроженца Дмитрия Павловича Логинова, названная им «Большерецкий острог» и посвящённая малой родине — старинному селу Большерецку (единица хранения ККМГИ 17111). Над этой рукописью автор, понимавший, что является одним из последних очевидцев жизни населения Камчатки первой четверти бурного XX века, трудился не один год. Основную часть работы он завершил в декабре 1978 года, но на протяжении нескольких последующих лет совершенствовал свой труд и пополнял его новыми сведениями, в том числе уникальными, не встречающимися в трудах других исследователей, не только краеведов, но и профессиональных учёных, а также в воспоминаниях старожилов полуострова.

С самого начала своей, без всякого сомнения, титанической работы Д. П. Логинов предполагал сделать её достоянием камчатского музея, а затем с его помощью — широкой общественности. На склоне лет, 30 января 1982 года, он писал руководству музея: «Ваша организация является хранителем истории народов Камчатского полуострова. Я проживал в родном селе с 1910 по 1928 год. Незабываемая сторонушка дорога мне. Хочется, чтобы о ней больше знало теперешнее и будущее поколение. Ведь это духовная пища для патриотизма... Я так много затратил труда, сил и денежных средств, “копаясь” в исторических книгах библиотек, опрашивая земляков. Совершил для этой цели специальную поездку в 1970 году из Хабаровска в Большерецкий совхоз и его районный центр. В части пользования рукописью я заинтересован в наибольшем числе...»

Со времени написания этого письма прошло тридцать лет, и только теперь музею представилась возможность опубликовать рукопись, по сути, выполнив завещание автора, потомка первых русских поселенцев, прибывших на Камчатку на рубеже XVII—XVIII веков, и ительменов — исконных обитателей этой удивительной земли.

Но прежде чем предоставить слово Д. П. Логинову, попытаемся восстановить основные вехи истории Большерецка, используя накопленные статистические данные и опираясь на материалы классических трудов нескольких поколений исследователей Камчатки — С. П. Крашенинникова, А. С. Сгибнева, В. К. Маргаритова и В. Н. Тюшова.

В начале XVIII века русские люди, ведомые железной волей царя Петра I, вступили на берега Балтийского моря. Двигавшиеся на восток «встреч солнцу» первопроходцы вышли к Тихому океану. Так в общих чертах сложилась территория Российского государства. Вскоре на обеих окраинах будущей империи застучали топоры: на берегу Невы поднимался новый град по европейскому образцу, а на Камчатке было заложено Большерецкое зимовье, вскоре ставшее главным пунктом полуострова. Отсюда началось освоение его юго-восточной части и Курильских островов. Сюда из Охотска — первого тихоокеанского порта России — на Камчатку прибывали служилые люди и участники великих экспедиций.

В 1700 году из Якутска на Камчатку был послан сын боярский Т. Кобелев, собравший ясак с жителей западного побережья вплоть до реки Озерной. Для укрепления русской власти он заложил на реке Большой в пятидесяти верстах от её устья острог.

В 1704 году на Камчатку прибыл пятидесятник В. Колесов с казачьей командой. На Большой реке он построил «зимовье для ясачного сбору». Разобщённость среди русских умалила их силу в глазах камчадалов, решивших избавиться от незваных пришельцев, истребив всех казаков, живших по острогам. По выезду Колесова с полуострова большерецкие камчадалы, «в то время называвшиеся ительменами», напали на

зимовье, уничтожили его и перебили всех своих угнетателей — служилых людей во главе с закащиком Д. Ярыгиным.

В 1709 году на Камчатку пришла новая партия служилых под началом сына боярского П. Чирикова. Во время его управления казачий пятидесятник И. Харитонов предпринял неудачный поход на Большую реку для усмирения «немирных» аборигенов. При этом погибли восемь русских, многие были ранены, а остальные спаслись бегством.

В 1711 году против произвола собственных предводителей восстали уже сами казаки. Они убили всех трёх тогдашних камчатских закащиков: П. Чирикова, О. Миронова и В. Атласова. Восставшие, коих было семьдесят пять человек, разделили пожитки убитых и избрали своим атаманом казака Д. Анциферова, а есаулом — И. Козыревского. Теперь ясак с аборигенов, которых насчитывалось до десяти тысяч человек, собирали эти «бунтовщики».

В апреле 1711 года из Верхнекамчатского острога они послали в Якутск челобитную, в которой объяснили, что убили закащиков за разные злоупотребления. Чтобы загладить свои преступления, пошли на Большую реку и приступом взяли тамошний камчадальский острожек. Здесь расположились на отдых и положили основание новому Большерецкому острогу, окружив его земляным валом.

22 мая 1711 года к острогу подступило множество камчадалов и курильцев. На другой день находившийся при казаках архимандрит Мартиниан отслужил молебен и благословил их на битву. После этого осаждённые сделали вылазку, напали на осаждавших и разбили их. По донесению казаков, урон камчадалов оказался так велик, что их телами была завалена Большая река. Русских же погибло всего трое и несколько ранено.

После этого казаки пошли в «Курильскую землицу», первыми из русских на небольших байдарах попав на Курильские острова. В сентябре 1711 года они возвратились в Большерецк.

В 1713 году отсюда вышла вторая экспедиция на Курилы. В одном из её донесений сообщалось: «От Камчатской

земли морем до первого острова парусом бежать день, на второй остров половину дня гребли...»

В 1716—1717 годах казак-мореход К. Соколов совершил на судне, построенном в Охотске, плавание вдоль берегов Ламского (Охотского) моря и открыл кратчайший путь на Камчатку к устью реки Большой.

В 1718 году на полуостров морем прибыли участники «Большого Камчатского наряда». Камчатским приказчиком стал сын боярский В. Качанов. Ему поручено основать город на Большой реке — самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходивших из Охотска судов. Кроме того, приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить собранную со всех острогов ясачную казну до отправления её в Якутск, казённое имущество и содержать аманатов (заложников).

Из Большерецкого острога Качанов послал в поход на «отложившийся» от русской власти Воровской острожек сына боярского М. Мухоплева с тридцатью казаками. Они разорили и сожгли три поселения, перебив почти всех жителей.

Осенью 1719 года на уходившем в Охотск судне большерецкие служилые отправили несколько соболей для покупки Нового Завета для здешней церкви, а также донос в Якутск на Качанова, что причинами «измены», то есть камчадальского бунта на реке Воровской, были его неверные распоряжения. Качанову удалось бежать с Камчатки, а планы создания в Большерецке города и крепости не осуществились.

В начале сентября 1719 года в Большерецк прибыл приказчик И. Харитонов, затем обосновавшийся в Верхнекамчатске. Вскоре аборигены убили Харитонова вместе с девятью казаками. Управление Большерецком принял узнавший о смерти Харитонова казак Лукашевский, отправивший собранный ясак в Охотск. После Харитонова назначен в Камчатку сын боярский С. Бобровский. Ему поручено заведовать Верхнекамчатским и Большерецким острогами.

В июне 1723 года в управление Большерецким острогом вступил служилый А. Попов. Он получил «острог деревян-

ный, стоячий тын, на западном углу казённый амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казёнка, в которой Воровской реки аманатов пять; две медные пушки; казаков сорок человек».

В 1726 году в Большерецке, по донесению участника экспедиции В. Й. Беринга мичмана П. А. Чаплина, было семнадцать дворов и часовня. Чаплин определил расстояние от Охотска до Большерецка, составившее чуть больше шестисот миль, «а русскими верстами 1 051,27 версты».

Осенью 1727 года в Большерецк прибыл сам В. Й. Беринг с двумя судами, заполненными экспедиционными припасами. Эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск через весь полуостров (более восьмисот вёрст) по рекам Быстрой и Камчатке на батах местных жителей, а между реками зимою — в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Кроме грузов, камчадалы перевозили на собаках и самого Беринга со всей командой. Это распоряжение привело их хозяйства в большое расстройство, так как они потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Большая часть собак издохла от тяжёлых продолжительных работ. Аборигены же не получили за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

В 1737 году М. П. Шпанберг послал на Камчатку бот «Фортуна» с подштурманом Е. Родичевым и геодезистом И. Свистуновым за смолою и для постановки вех в тамошних гаванях, в том числе и Большерецкой.

В 1738 году Шпанберг из Большерецкой гавани на трёх судах отправился в Японию. Пройдя вдоль Курильской гряды, в середине августа он вернулся обратно на зимовку, во время которой было построено ещё одно судно — шлюп «Большерецк». В этом же году на устье реки Большой поставлен высокий деревянный маяк. Через несколько лет его смыло, а с 1748 года устье реки стало менять своё положение. Старое устье совсем замыло в 1750 году.

В 1739 году майор В. Ф. Мерлин, прибывший для расследования камчадальского бунта, заложил в Большерецке новую

церковь. В этом же году штурман И. Ф. Елагин с байдары описал западный берег полуострова от Большерецка к югу до мыса Лопатки. В 1742 году эту опись продолжил от Большерецка к северу до реки Паланы геодезист М. Ушаков, теперь уже на собаках.

В 1740 году новый камчатский командир П. Колесов избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, и с этого времени все распоряжения по Камчатке делались от имени большерецкой канцелярии. В этом году приказано переселить на Камчатку до пятидесяти крестьянских семейств. Им предстояло заняться развитием местного землепашества ввиду дорогой и тяжёлой доставки хлеба из России. Часть людей поселили в Большерецком остроге. В 1743 году камчатский командир П. Борисов оставил здесь девять семей, пять переселил в Верхнекамчатск и шесть — в Нижнекамчатск. Так в Большерецке начались ежегодные посевы зерновых, но урожай ржи, ячменя и ярицы оказался так ничтожен, что его не хватало даже для нужд переселенцев, которые были вынуждены для прокормления заняться другими работами.

В 1741 году по распоряжению В. Й. Беринга и начальника Охотского порта А. М. Девиера в Большерецке открылась школа на двадцать учеников. В ней учительствовал сосланный поручик Пражевский. Осенью М. П. Шпанберг вновь прибыл со своим отрядом в Большерецк. Перезимовав здесь, 23 мая 1742 года он отправился с четырьмя судами в Японию и после «некоторых поверхностных исследований, не принесших никакой пользы науке», вернулся в Охотск.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. В. Стеллер отметил преимущества Большерецка перед другими острогами: «Там есть в изобилии рыба... Все купцы и суда из Охотска прибывают к Большой реке... В настоящее время столь выгодная торговля морским бобром сосредотачивается почти исключительно на Большой реке... Вследствие того, что на Большой реке есть пристань и гавань для охотских кораблей, тут всегда проживает комендант».

Подробно описал острог тех времён выдающийся исследователь С. П. Крашенинников: «...стоит на северном бере-

гу Большой реки между впадающими в оную постороннимиреками Быстрою и Гольцовкою в тридцати трёх верстах от Пенжинского (Охотского. — *Ред.*) моря. Крепость во оном остроге четвероугольная, во всей стороне по десять сажен...»

В остроге времён Крашенинникова имелись: «...ясачная изба, аманатская казёнка, анбар для содержания аманатской юколы, да двоежилой анбар, в котором ясашная казна хранится. За острогом строена часовня, что ныне уже церковь во имя Николая Чудотворца, с колокольнею на столбах... Обывательских строений по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служилых сорок пять человек, да казачьих детей четырнадцать человек».

В июле 1745 года в Большерецк с проповеднической миссией прибыл архимандрит Иосиф Хотунцевский, которому среди прочего поручалось учредить на Камчатке школы. В этом же году на большерецкий берег выкинуло судно (бусу) с десятью японцами, плывшими на Курильские острова. Хотунцевский окрестил их, и впоследствии они были учителями в иркутской японской школе.

В сентябре 1768 года приключилась большая беда: из Охотска на казённом судне в Большерецк завезли оспу. Началась эпидемия, охватившая весь полуостров. Умерших не успевали хоронить. В то время на Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала приказания, чтобы «больных содержали в тёплых избах, кормили свежей рыбою, не дозволяли пить холодного». Этим были исчерпаны меры, принятые против эпидемии. Оспа свирепствовала до конца июля 1769 года. Она произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни единого человека. Тела умерших гнили, не преданные земле.

В 1770 году в Большерецк отправлен ссыльный словак М. Беневский. Здесь он быстро заслужил к себе расположение начальства и сошёлся с другими ссыльными. Разобравшись в обстановке, Беневский решил организовать заговор, кончившийся тем, что бунтовщики убили камчатского командира Г. Нилова, захватили канцелярию, казначейство и провиант и уплыли с Камчатки на стоявшем в Большерецке судне.

Вид города Большерецка, столицы Камчатки. Английская гравюра XVIII века (из фондов КГБУ ККОМ)

Камчадал и камчадалка. Английские гравюры XVIII века (из фондов КГБУ ККОМ)

Внутренний вид зимнего жилища камчатских обитателей. Английская гравюра 1784 года (из фондов КГБУ ККОМ)

В 1772 году в Большерецке и Нижнекамчатске насчитывалось «военных служащих»: один дворянин, четыре сотника и восемьдесят один «нижний чин». В 1774 году в Большерецке пребывали полторы сотни «военных служащих».

В 1773 году командир Камчатки Т. И. Шмалев составил описание Большерецка: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская большерецкая канцелярия... Казённого строения: канцелярия, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения ещё никакого не имеется».

В 1773 году прибыл назначенный главным камчатским командиром премьер-майор М. К. фон Бем. Он много сделал для улучшения жизни на полуострове. В военной школе Большерецка по штату должны были учиться пятнадцать человек. Бем увеличил их число вдвое и приказал обучать детей аборигенов. Учителями в школу назначали грамотных унтерофицеров. Бем устроил в Большерецке больницу, в которую по его ходатайству назначен лекарь Робек — первый медик, прибывший на Камчатку на постоянную службу.

В октябре 1775 года Бем распорядился провести глазомерную съёмку для составления карты полуострова от Большерецка до Тигиля и обратно по морю и суше. Этим занимались штурманские ученики под наблюдением штурмана Г. Измайлова, окончив её 25 февраля 1776 года.

В конце апреля 1779 года в Большерецк из Петропавловского порта прибыл курьер с известием, что 18 апреля в гавань пришли два английских военных судна под командою капитана Ч. Клерка. Вскоре делегация англичан прибыла в Большерецк с визитом к камчатскому командиру. В начале мая довольные тёплым приёмом англичане отправились обратно «с принадлежащим почтением и пушечной пальбой».

Бем предполагал перенести управление Камчаткой из Большерецка в Тигиль. В сентябре 1780 года на Камчатку прибыл новый главный командир Ф. Ф. Рейнеке. Он хотел осуществить предложение Бема, но из-за постоянного недохо-

да рыбы в реке Тигиле отменил своё намерение. После этого Рейнеке привёл в порядок здания в Большерецке и построил там новую церковь.

В 1783 году учреждена независимая от Якутска Охотская область, в состав которой вошла Камчатка, разделённая на три округа: Ижигинский (Гижигинский), Акланский и Нижнекамчатский. Рейнеке предписано «открыть» города: Ижигинск, Акланск и Нижнекамчатск с их округами и присутственными местами. Городничим на Камчатку назначен коллежский асессор Орленков с тем, чтобы он жил в Нижнекамчатске и управлял всем полуостровом по инструкциям охотского коменданта. Рейнеке перенёс управление Камчаткой из Большерецка в Нижнекамчатск и 27 февраля 1785 года открыл там присутственные места.

Так Большерецк перестал быть «камчатской столицей».

Впрочем, в начале апреля 1791 года произошло сильное землетрясение, которое особенно чувствовалось в Нижнекамчатске, где с домов попадали трубы и обрушились крыши. Камчатский командир В. Т. Шмалев, напуганный буйством стихии, писал в Иркутск о необходимости уничтожения Нижнекамчатска и перенесения управления полуостровом обратно в Большерецк, так как, по его предположениям, «город Нижнекамчатск в самом непродолжительном времени должен был провалиться». Но всё осталось по-прежнему.

В 1801 году в Большерецке размещалась рота полка А. А. Сомова из девяноста трёх человек. Прибытие на Камчатку воинских сил, назначенных противостоять возможному покушению неприятеля, сопровождалось эпидемией «гнилой горячки», унёсшей жизни почти двух тысяч человек, распространением венерических заболеваний и очередным отягощением местных жителей. От болезней вымерло почти всё население между Авачинской губой и устьем реки Камчатки. Большерецкие казаки с семьями по указанию иркутского губернатора Б. Б. Леццано были переведены к устью реки Камчатки «для содержания караула».

В 1803 году император Александр I приказал камчатскому коменданту генералу П. И. Кошелеву завести в Большерецке

солеваренный завод. В январе 1811 года по императорскому повелению был организован комитет, которому следовало разработать предложения по совершенствованию управления Камчаткой и Охотским краем. Предполагалось, что теперь центральным пунктом Камчатки станет Петропавловская гавань. Комитет составил «Положение о Камчатке», утверждённое царём 9 апреля 1812 года.

В числе девяноста пунктов положения был и такой: «Отменив ход транспортных судов из Охотска в Нижнекамчатск, Большерецк и Тигильскую крепость, по неудобству и опасности пристаней сих мест, постановить, чтобы все транспорты с провиантом и другими для Камчатки потребностями, из Охотска отправляющиеся, приходили, кроме следующих в Ижигу, в одну Петропавловскую гавань».

Отныне Большерецк из некогда первого морского порта и административного центра полуострова превратился в небольшое, рядовое и труднодоступное камчатское селение, в котором обитала всего лишь сотня жителей. Тем не менее, его история продолжилась, хотя теперь и не столь наполненная событиями, как раньше.

В 1817 году по ходатайству П. И. Рикорда, начальника Камчатки, назначенного сюда «из морских офицеров», для снабжения жителей продуктами в случае голода из-за периодические случавшихся «недоходов» рыбы были заведены провиантские склады в главных пунктах полуострова, в том числе и Большерецке, куда продовольствие могло доставляться по воде.

По итогам переписи 1818 года Большерецк населяли шестьдесят восемь русских жителей.

В 1837 году в селе построили новую церковь.

Зимой 1853 года его посетил первый камчатский губернатор генерал-майор В. С. Завойко, совершавший объезд вверенной ему в управление Камчатской области. По его распоряжению прапорщик Больчунин снял план Большерецка.

В 1868 году в селе было всего двенадцать домов. В них размещались восемь десятков жителей. Здесь имелась православная церковь и пристань для морских судов. Расстоя-

ние до Петропавловска по почтовому тракту составляло сто семьдесят восемь вёрст.

В 1876 году Большерецк населяли девяносто девять человек. По сословиям они делились так: четырнадцать казаков, из которых на службе состоял только один, двадцать три духовных лица, два отставных нижних чина, пять камчадалов, пятьдесят пять крестьян. Грамотных насчитывалось пятнадцать человек. В селении имелась церковь и тринадцать домов, а всего здесь насчитывалось пятьдесят семь построек, в том числе одна кузница, семь бань, шестнадцать балаганов. Жители содержали двадцать лошадей, пятьдесят восемь коров и сто восемьдесят две собаки. За год селяне выловили почти семьдесят пять тысяч рыб лососёвых пород, добыли сто тридцать нерп, тридцать три выдры, восемнадцать медведей и девять соболей.

В конце XIX века петропавловский уездный врач, известный исследователь полуострова В. Н. Тюшов сообщал: «В настоящее время Большерецкое селение является единственным русским поселением на дороге от Петропавловска до Тигиля на западном берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно на островах, образуемых протоками Монаковой, Мостовой и Паренчиной, которые во время половодья затопляют селение, и жителям приходится, чтобы пройти друг к другу, прибегать к батам. Небольшие домики... разбросаны без всякого плана, кому где вздумается, малы, и, в общем, селение производит крайне унылое грустное впечатление...

В этом селении имеется одна церковь — ветхое полуразрушившееся здание, подпёртое со всех сторон брёвнами в предупреждение от падения. Тут же неподалеку от старой церкви строится на том же кочковатом болоте новое здание под церковь. Есть школа...

Маленькие хатки, по обыкновению, не проконопачены; полы однорядные, точно также и оконные рамы. Большинство оконных рам вместо стекол имеют полотнища, сшитые из медвежьих кишок. Такое окно пропускает очень мало свету, но зато при каждом открывании и закрывании домовой двери или при сильном ветре сильно шумит, хлопая. Печи

сложены из самодельного необожжённого кирпича на деревянных опечках; из такого же обыкновенного кирпича складывается труба над крышей. Чистая комната, или горница, обыкновенно имеющаяся в каждом домике, содержится при крайней бедности жителей в возможной чистоте. Часто вы найдёте стены и потолок ея окрашенными в разные цвета глинами. Печь красится всегда...

Учителем там состоит полуграмотный камчадал Кихчикского селения Павел Уксусников, обязанный своею грамотностью проживающему в Петропавловске торговцу Петру Косыгину, который за время своих долгих поездок по Камчатке по торговым делам в часы досуга не одного камчадала обучил, хотя и азам грамоты. Спасибо и за это человеку, который сам едва дошёл самоучкой до разбирания печатного и писанного. Всё население не превышает сто душ».

А вот описания селения, датированное 1923 годом (как раз в это время там жил, будучи подростком, Д. П. Логинов): «Жилых домов — тридцать один, тёплых сараев — двадцать восемь, холодных сараев (служащих для юколы) — двадцать пять, бань — десять, амбаров — пятнадцать. Население приблизительно сто пятьдесят человек, преимущественно камчадалы, русских всего трое. Все жители исповедуют православную религию. В селении есть церковь, есть священник и диакон (камчадалы), есть также школа, учитель также камчадал. Жители малограмотны, есть и совершенно неграмотные.

Недалеко от селения проходит телеграфная линия. Конторы (почтовой. — *Ред*.) нет, так как таковая находится в селении Усть-Большерецком и в селении Апача. В селении находится отделение фирмы “Гудзон Бей”, продаются продукты продовольствия, мануфактура, галантерея, железные и скобяные товары. Купли и продажи на деньги почти не существует, происходит, главным образом, обмен товаров на пушнину. Кроме фирмы “Гудзон Бей” часто приезжают скупщики пушнины (также идёт обмен), как-то Апиев, Абдул, Морозов от фирмы Петрова и китайцы, всё это коммерсанты из Петропавловска.

Население замается зимой охотой, а летом рыбной ловлей, рыба сдаётся на рыбалки в обмен на продукты. Кроме пушной охоты, жители охотятся также на медведей. Мясо идёт в пищу, а кожа на выделку обуви, режут ремни и другое. Охота производится, главным образом, весной и осенью, летом почти не охотятся, так как в это время происходит лов рыбы. Кроме этого занимаются скотоводством. Разводят коров и лошадей. Других животных, как-то: свиней, овец и домашней птицы совершенно нет, в силу того, что всё это уничтожается собаками. Бывают случаи, что собаки заедают и коров. Коров в селении около шестидесяти штук и лошадей около двадцати. Каюрщиков в селе двадцать шесть человек. Собак около трёхсот двадцати.

Способы передвижения: зимой исключительно на собаках и летом на лошадях и батах по речкам. Большерецк стоит на реке Быстрой (Большой). Река многоводная и быстрая, как показывает само название, есть несколько и мелких речек. По реке Быстрой и идёт главный лов рыбы. С апреля начинают идти гольцы (идёт в пищу как жителям, так и собакам), затем красная рыба (сравнительно немного) и, главным образом, горбуша.

Из Большерецка дорога идёт в Усть-Большерецк или, иначе, в Хайковую падь, которая лежит в тридцати верстах. Тракт проходит через несколько мелких речек (проложены мосты) и через Быструю. Последнюю надо проезжать на батах. Мост построить нельзя в силу изменения уровня воды, большого скопления льда, а также изменения русла. Местность — по большей части ровная тундра, местами покрытая лесом, преимущественно берёзой, так называемой каменной, встречаются ольха и ветла. Недалеко от селения есть хорошие сенокосы, так что сена запасают достаточно».

В связи с частыми затоплениями во время весеннего разлива рек по ходатайству жителей с 1928 по 1931 годы село было перенесено на другое место. Так завершилась история старинного Большерецка, а на карте Камчатки появилось новое селение — Кавалерское...

С. В. Гаврилов

Между сими реками стоит
российский острог,
Большерецким называемый.
С. П. Крашенинников

ОТ АВТОРА

Моей задачей являлось знакомство читателей с историей и бытованием одного из многочисленных камчатских сёл первой четверти двадцатого века. При близком и глубоком изучении жизни большерецких ительменов (*интельменов* в авторском написании. — *Ред.*), на которых влияние русской культуры сказалось в большей мере, чем на жителях остальных камчатских поселений, невольно удивляешься их умению рационально вести хозяйство и приходишь в восхищение способностью людей приспосабливаться к выживанию в условиях суровой природы.

Состав отдельных частей рукописи, таких, как «Содержание собак, езда на них и устройство сбруи», «Изготовление батов и ходьба на них», на мой взгляд, не утратило значения для сегодняшнего дня, например, при организации экспедиций и работ в условиях Крайнего Севера.

Надеюсь, что археологов заинтересуют схема расположения строений Большерецка и часть «Где делать раскопки?», а диалектологов и лингвистов — часть «Разговорная речь» и словарь большерецких говоров.

СРЕДИ РЕК И ХРЕБТОВ

Село Большерецк располагалось на юго-западном побережье Камчатского полуострова. По моим расчётам, его географическое положение определялось 53°56' северной широты и 157°36' восточной долготы.

Я знал Большерецк до 1928 года, то есть почти до конца его существования. Село раскинулось возле устья небольшой речушки Паранчиновой и её протоки Мостовой. Обе эти речушки текли с севера на юг и впадали в довольно просторную, бегущую с востока на запад реку Манаковую. Эта

река образовалась от слияния, примерно в пятистах метрах от села, тундровых рек Гольцовки и Роговой. Являясь протокой реки Плотниковой, текущей с южной стороны села, Роговая приняла по пути в Большерецк ещё одну протоку Плотниковой, так называемую «реку Белой глины».

По очертаниям обсохших берегов Паранчиновой и Мостовой видно, что обе они в прошлом были широки и глубоки и некогда делили прежний Большерецкий острог вместе с рекой Манаковой на острова. Не случайно С. П. Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» упоминал, что острог расположен на островах.

Старожилы рассказывали, что ещё в мою детскую пору Паранчинова, вытекавшая из реки Быстрой, в половодье подмывала берега. Опасаясь гибели строений, жители укрепляли яр плетнём и служили молебны, прося у Бога защиты. Своенравная река Быстрая, часто менявшая берега, в конце концов, изменила направление течения, затёрла галькой выход Паранчиновой, от чего та и Мостовая превратились в родниковые речки с глубиною по щиколотку.

Словно охраняя село с северной стороны, метрах в четырёхстах от него несла прозрачную воду Грунчина — протока реки Быстрой, такая же по силе, как и Манаковая. А за нею далее на север, в двух километрах от жилья, волнуясь на шиверах (значения местных слов и выражений приведены в «Словаре большерецких говоров», включённом в приложения. — *Ред.*), мчалась от Малкинских хребтов и сама река Быстрая. Все четыре реки: Быстрая, Грунчиная, Манаковая и Плотникова в мою бытность сошлись почти в одном месте, в километре от села. Отсюда они бежали на запад к Охотскому морю, образуя Большую реку.

От Большерецка до кошки, отсыпанной морем и постепенно отодвигавшейся Большой рекой на юг, считалось не более трёх десятков километров, или день ходу на не очень гружёном бату.

Место, где был поставлен острог, мои предки облюбовали не случайно. Две полноводные, быстрые, с крутыми шиверами и россыпью проток реки Быстрая и Плотникова образовывали

при слиянии словно бы клин. Он надёжно оберегал здешних жителей от набегов соседей и курильцев, приплывавших на байдарах по Охотскому морю с мыса Лопатки с целью поживиться их скудным добром и захватить пленниц в наложницы.

Поросшие лесом берега рек являлись надёжным поставщиком леса-наносника, который при тогдашних орудиях труда из камня облегчал строительство юрт, балаганов, барабар, служил для отопления, приготовления пищи и материалом для изготовления домашней утвари и инвентаря.

На обширных косах, устланных камнями всевозможной величины и разновидности, без особого труда собирались материалы, использовавшиеся для изготовления топоров, ножей, наконечников, скребков, жирников , прочего хозяйственного инвентаря. Соседство и обилие незамерзавших или полузамерзавших рек и ключей позволяло человеку промышлять рыбу для корма собакам и собственного пропитания с марта почти до января, а уток — так и круглый год.

С восточной стороны в поселок властно вклинивалась сухая и кочковатая тундра с жимолостью, голубицей, клюквой, брусникой, шикшей и морошкой, а кочки, наступавшие с юго-запада, запада и севера, в летнее время были сплошь усыпаны нежной и румяной княженикой, напоминавшей малину. Вблизи росли съедобные и лечебные травы и коренья.

На северо-востоке, километрах в пятидесяти от Большерецка, возвышались Малкинские хребты, а на юге, примерно на таком же расстоянии, виднелась гора Ипилька с другими сопками. Далее сопок, южнее Ипильки, сверкая на солнце большую часть года лунной голубизной, поднимался величественный пик Опальской горы высотою 2 470 метров. Подножия этих сопок и хребтов являлись традиционными местами промысла соболя.

За реками Быстрой и Гольцовкой, в трёх километрах от Большерецка, находился обширный массив берёзового леса, годного не только на дрова, но и на строения. Заяц, горностай, лисица и выдра водились в непосредственной близости от жилья.

Все эти удобства, подаренные природой первобытному человеку, и послужили причиной размещения здесь как поселения ительменов, так и первого российского острога, основанного там же бывшими спутниками Владимира Атласова.

Расцвет Большерецкого острога обязан не только благоприятному сочетанию природных условий. Первоначально, после прихода русских и их поселения здесь, в его развитии и становлении немаловажную роль сыграло его местонахождение. Отсюда шли пешие и нартовые дороги по четырём главным направлениям, поэтому управлять остальными камчатскими острогами и свозить их ясачную казну в этот центр представлялось наиболее удобным. Один такой путь лежал по острогам Охотского моря через Облуковиную до Верхнего Камчатского острога. Его протяжённость равнялась четырёмстам восьмидесяти шести верстам. Второй путь на восток в двести сорок две версты пролегал через остроги Апачу и Начику до Налычево. Третий — на северо-восток, проходивший опять же через Апачу, Малку и Ганалу, тянулся на двести сорок вёрст до Верхнего Камчатского острога. И, наконец, четвёртый, проходивший через острожки Опалой, Кошегочек, Явино, Озерную до мыса Лопатки, исчислялся двумястами десятью верстами.

Но наивысшая выгодность расположения Большерецкого острога выявилась после открытия в 1715 году морского пути на Камчатку из Охотска. В устье Большой реки теперь стали заходить суда, заполненные провиантом и походным снаряжением, которые после их разгрузки на берегу естественной гавани в устье речушки Чекавиной доставлялись в Большерецкий острог на батах и нартами собак. Обратным же путём суда увозили в Охотск пушнину, собранную в счёт ясака, и изделия из кожи оленя. В связи с этим с той поры прекратился окружной путь из Большерецкого острога через Чукотку в Якутск.

Значительное время в Большерецком остроге находилась приказная изба, где велось следствие по повстанческому делу камчадала Федьки Харчина. Под руководством капитана М. П. Шпанберга в остроге строились суда, отправлявшиеся

в плавание к берегам Японии. Здесь же с октября 1737 по июнь 1741 года прожил студент С. П. Крашенинников, будущий академик, изложивший свои исследования в «Описании земли Камчатки». Даже после основания Петропавловска Большерецкий острог ещё какое-то время оставался центром политической и административной жизни полуострова. В мою же бытность, до прихода советской власти, село Большерецк являлось уже только центром волости.

НЕРАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Ещё до похода казачьего пятидесятника Владимира Атласова на Камчатку в Якутске знали об её существовании. Атласов, отправленный из Якутска в Анадырский острог в 1695 году, был, очевидно, также осведомлён, как и его соратники по походу, о наличии страны, богатой пушным зверем, расположенной на юге за Олюторской землёй, и проживавших там неясачных людях.

Известие о Камчатке, вероятнее всего, поступило от охотников, партиями проникавших из Колымы в район устья реки Пенжиной. Эти промышленные люди при соприкосновении с коряками, конечно же, общались со старшими родов, стада оленей которых паслись и откармливались на землях, принадлежавших, как они считали, только им. Такое положение среди коряков считалось естественным и сохранялось, по крайней мере, до моего пребывания в Большерецке. Поэтому, когда отцу или моим землякам требовалось оленье мясо и выделки из его кожи, они обычно говорили, что им нужно поехать, скажем, в Соболево к коряку Кочвену. Местопребывания Кочвена они, разумеется, не называли, так как оно периодически менялось по тундрам его владений.

Промышленные люди наверняка выспрашивали у коряков об их ближайших соседях на юге. Поскольку земли не имели никакого названия, а различались только по имени живущего там рода, владевшего стадами оленей, коряки могли отвечать охотникам, что там, дальше за ними, живут люди старшего рода Камчи, или Камчь. Надо заметить, что

окончание «ча», или «чь», в камчадальских именах в прошлом являлось распространённым. В Большерецке, например, есть реки, названия которых присвоены, очевидно, русскими по именам живших там в прошлом тойонов (племенных вождей. — *Ред.*) и отдельных лиц. Например, Карымча, Амшигача, Каначь, Паранча, село Апача, река Авача и прочие.

Если читатель знаком с русской историей, то он обязательно заметит, что прежние имена людей, даже в официальных бумагах, упоминались не иначе, как уничижительно, например: Семейка Дежнёв, Володька Атласов, Морозка Сторицын и т. п. И если мы так же изменим имена вышеупомянутых тойонов и ительменов, то увидим, что они будут соответствовать: Карымча — Карымчатка, Амшигача — Амшигачатка, Каначь — Каначатка, Паранча — Паранчатка, Апача — Апачатка и Авача — Авачатка, а Камчь, или Камча, — Камчатка.

Моя догадка подтверждается ещё и следующими общеизвестными фактами. Из истории Камчатки мы знаем, что населявшие её народы, кроме ограниченных набегов на соседей, войн не вели, жили разрозненно, сами по себе, по рекам, никому не подчинялись и в высшее существо не верили. Поэтому среди них не могло быть военачальников, правителей или человека, олицетворявшего божество.

Таким образом, мы приходим к выводу, что полуостров Камчатка получил своё название от случайного и совсем не знаменитого камчадала.

Я мог бы и не утруждать читателя, рассказывая о происхождении названия «Камчатка». Но ввиду того, что по этому вопросу существует много суждений, и все они мне кажутся неправдоподобными, вынужден изложить свои догадки. Кроме того, история возникновения и развития Большерецка неразрывно связана с открытием и освоением Камчатки.

СТРОИТЕЛЬСТВО ОСТРОГА

Большерецкий инородческий острог Владимир Атласов мог посетить ранней весной 1699 года во время похода с севера полуострова Камчатки на юг, когда он, дойдя до реки

Голыгиной, вернулся обратно на Ичу. Ительмены поселились здесь, наверное, после ухода моря. О том, что по низменности между южной и северной грядой сопок в древности гуляли солёные волны, свидетельствует наличие под нетолстым слоем чернозёма окатанной гальки, характерной для дна неглубокого моря.

По свидетельству Крашенинникова, строительство первого русского острога в Большерецке приписывают себе боярский сын, первый приказчик камчатских острогов Тимофей Кобелев и служилый Михаил Зиновьев, деятельность которых на Камчатке относится к 1703—1704 годам. По всей вероятности, Кобелев как старший по службе давал только распоряжение о строительстве, а непосредственным исполнителем, вроде современного мастера на объекте, был Зиновьев.

Нелёгкая доля выпала первым строителям. Из-за малочисленности служилых и боязни обострения отношений с аборигенами, они не привлекали ительменов к принудительным работам, как это практиковалось позже. Рассчитываться за пользование собаками с каюром и батами местных жителей они не могли, так как не имели товаров, поэтому отряд заготовлял лес и строил острог своими силами. За отсутствием тягловой силы лес подволакивали на себе к реке, где его плотили и сплавляли.

Как бы не были хорошо сшиты торбаса из оленьей кожи, они всё равно пропускали хребтовую воду, холодную даже в жаркую летнюю пору. Ненастная погода не давала возможности своевременно сушить кожаную одежду и обувь на вольном ветру, в результате они всегда оставались влажными и потому неприятными. Строителей одолевали бесконечные чирьи, работать приходилось с оружием за спиной, ночью нести зоркий караул. Цинга каждую весну уносила в могилу наиболее слабых.

За бытность Кобелева и Зиновьева, возможно, в Большерецке выстроили только зимовье, которое позже обстроили как острог. Это подтверждается распоряжением прибывшего после Кобелева приказчика, боярского сына Михаила

Черкашенина. Он, по словам Крашенинникова, «отправил служилых пятнадцать человек на Большую реку... и велел оным служивым на Большой реке острог построить и аманатов с тутошних камчадалов побрать, которые, пришед на Большую реку, той осени ясашную и казённой анбар и зимовье построили».

Строительство и укрепление острога, очевидно, продолжалось до нападения большерецких камчадалов, которые в 1707 году, перебив команду служилых, сожгли острог дотла. На месте сожжённого новый острог строили сами большерецкие камчадалы где-то между 1707 и 1709 годами. Отправным же моментом для дальнейшего развития и становления Большерецкого острога следует считать 1710—1711 годы, когда служилые Анциферов и Козыревский «ниже прежнего ясачного зимовья острог земляной построили, а в нём ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стоялой бревенчатой поставили».

ИЗМЕНЫ И БУНТЫ

На смену Черкашенину 25 сентября 1704 года камчатским приказчиком приехал боярский сын Василий Михайлович Колесов. Собрав ясак за 1705—1706 годы, Колесов выехал с Камчатки на реку Пенжину, оставив в Верхнекамчатске, Нижнекамчатске и Большерецке закащиками, соответственно, Фёдора Анкудинова, Фёдора Ярыгина и Дмитрия Ярыгина.

Почему же местные жители учинили нападение на острог Ярыгина в Большерецке? Необычные поселенцы с незнакомой речью на этот раз, видно, не собирались уходить из Большерецка. Под их пилами и топорами и без того не густой лес заметно поредел. Зверя и птицы вблизи стало меньше, лучшие и близкие тони, на которых аборигены ловили рыбу, заняли казаки.

Во время кратковременного пребывания Атласова в Большерецке ясак не собирался. Первый большерецкий приказчик собирал ясак по вольной, а теперь его сдача стала

обязательной, причём в обременительном количестве. Контроль и учёт поступления ясака отсутствовал, должность его сборщика стала доходной, что породило произвол...

Попытаюсь восстановить события, предшествовавшие измене и бунту. Старшие родов из восточных и южных острогов, раскинувшихся по берегам рек Быстрой и Плотниковой от Карымчатой до Каначевой, собрались в просторной юрте тойона Куртухтача, жившего в четырёх верстах от Большерецкого острога на реке Большой.

От невиданного многолюдства в юрте стало тесно. Торбаса, обильно смазанные прогоркшим медвежьим жиром, пахли ворванью, кожаная одежда, пропитанная потом и окуренная дымом очагов, распространяла терпкий запах.

Около притухшего костра посреди юрты, возле отверстия на крыше для выхода дыма, лежала сучка, откинув хвост и вытянув ноги. Полугодовалые щенки расположились тут же около огнища. Иногда животные лениво вставали, потягивались, выгнув спину, и нехотя подходили к большому корыту, в котором семья при помощи раскалённых камней варила пищу, вылизывали его, хрустели остатками костей и не спеша, разморённые теплом, отходили к другому корыту, чтобы утолить жажду.

Женщины среди собравшихся отсутствовали: по обычаю вопросы о нападении на противника решались без них. Присутствующие мало отличались от смуглого и приземистого человека с двумя чёрными косами на круглой голове, одутловатыми щёками и носом, схожим около ноздрей на кляп в собачьей сбруе, сидевшего отдельно на чурбаке. Это и был Карымча.

Фартовый охотник, лучший каюр, славившийся добротной нартой и собачьей сбруей, имевший хлёстко бегавших ездовых собак, Карымча приплыл из дальнего острога, стоявшего в двух днях езды от Большерецка на реке Карымчиной, чтобы согласовать с сородичами день нападения на казаков.

— Как бы брумичи не приплыли. Ступай, Курухтач, к батам и выстави там караульных, — предложил Карымча, сворачивая голяшки бродней ниже колен.

Брумичами большерецкие камчадалы называли первых русских за огонь, который, по их мнению, при стрельбе вылетал не из ружей, а из их ртов.

Вынув из кармана плоский колтон, искусно сделанный из бараньего рога, Карымча извлёк из него лемешину — смесь чаги с золой и табаком, и положил щепоть за губу. Табак, выменянный у сборщика ясака на сиводушку, был крепким, лемешина приятно защемила, в голове посветлело, и у Карымчи появился дар речи.

— Вы уже, чаю, знаете, как большерецких жителей брумичи потеснили. Недалёк тот день, когда и до нас беда приплывёт. Наш прародитель Кутха не знал товаров белолицых, и мы сколько прожили, в них не нуждались. Да и зачем они нам? Разве в ушко их иголки вденешь жильную или крапивную нитку? Видите, как она гнётся?! — демонстрируя мнимые недостатки гранёной иголки, спрашивал Карымча.

— Если наши парни и девки будут также вольно якшаться с казаками, как это они делают сейчас, то разве все мы не забудем свои обычаи и порядки? Пуганый зверь уйдёт к подножью хребтов, горбушечка, наша кормилица, разве придёт с моря в Большую реку? Голод и погибель ждёт и нас, и зверей.

Оглядев сумрачные лица собравшихся, довольный произведённым впечатлением Карымча продолжал:

— С какой стати брумичи требуют с нас ясак? Нам не нужны их железные топоры, ножи и разноцветные корольки для украшений. Мы с незапамятных времён пользуемся каменным, костяным и деревянным инвентарём и живём неплохо. Жили вольно, сами по себе, не ведая приказчиков и сборщиков ясака, так почему же мы не уничтожим их?

Сидевшие одобрительно закивали.

После доводов Карымчи даже колеблющиеся ранее тойоны поняли, что время выступления настало и этим временем должен стать день, когда соседние кочки около казачьего острога густо обрастут чемерицей...

Конец июня в Большерецке на этот раз выдался особенно приятным. От молочно-серых промозглых туманов, приносившихся с моря ранней весной, теперь по утрам над реками

осталась только дымка. Реки вошли в берега. На смену гольцам, горбуше и чавыче приплыли первые гонцы летней хайко и красной (кеты и нерки. — *Ред.*). Подснежники и кукушкины цветы отцвели давно, летние ещё не появились, но возле лесин можно было встретить притаившиеся огромные орловые цветы с большими зелёными листьями и нежными белыми лепестками. Гордо стояли в рост человека толстые медвежьи дудки, ещё не покрывшиеся белой шляпой семенников. Сочные изумрудные чемерицы, полуметровые стволы которых густо опушились широкополыми листьями, обступили высокие кочки вокруг казачьего острога.

Был Петров день, предвестник скорого рунного хода горбуши. Казаки предвкушали угощение, расставленное на праздничном столе. Обед удался на славу. На столе стояла солёная и квашеная черемша, в деревянной чаше дымилась присольна из чавычьих пупок, варёные яйца здешних уток, чаек и мартышек-крачек лежали горками на каждого. Ловленные первисом — натянутой над рекой сеткой — утки, отдававшие рыбой, аппетитно поджаренные, красовались порциями.

Но не этого ждали казаки. Когда дежурные по кухне стали наполнять мутной жидкостью ценинные кружки, все оживились. Брагу приготовил бывалый казак, породнившийся с Большерецком ещё во время похода с Атласовым. Брага из сладкой травы, настоянная на берёзовом соку и заправленная ржаной мукой из казённого амбара, пьянила. После второй кружки казаки стали куражиться. Вспомнили далёкую родину на западе от Чукотки, изнурительные походы по Камчатке и строительство острога в Большерецке.

— Зачем мы пришли сюда? — хныкал один из гуляк, спрашивая окружающих.

В группе выпивших разгорелся спор из-за якобы неправильного дележа добычи в предыдущем походе. Двое взялись за ножи, но их растащили приятели.

К вечеру почти все были пьяны. Кто валялся около изгороди острога, кто блевал, держась за столб балагана, а двое, распугав вольных собак, отдыхавших под ясачной избой, легли между сваями и безмятежно спали вместе со щенятами.

Стояла сухая погода. Частокол, окружавший строения острога, высох. У его подножия путалась прошлогодняя сухая трава. Когда люди Карымчи со всех сторон подожгли их, с рек Мостовой, Петровичей, Грунчиной и прилегавших ключиков, тревожно попискивая и крякая, поднялись табунчики ночевавших куличков и уток.

Спавших тяжёлым сном пьяных казаков ительмены быстро перекололи по одиночке без сопротивления.

Опутав руки ремнями, полураздетого закащика Ярыгина привели к своей юрте и сбросили вниз через единственный выход на крыше. Отдохнув и посоветовавшись, победители свесили с мотни юрты два крюка из оленьих рогов, подцепили Ярыгина за сухожилья ног и как тушу зверя подвесили вниз головой. Вспомнили про ненавистный ясак и свой обычай наказания воров. Голые руки Ярыгина обмотали берёстой и подожгли её. Когда звериный инстинкт у этих грубых и жестоких людей приутих, они снова отправились в поверженный острог и сожгли его дотла...

Разгромив русский острог, мои далёкие предки посчитали, что теперь они навсегда избавились от неугодных пришельцев. Но их чаяния не оправдались.

Для приведения «изменников» к прежней покорности, по свидетельству Крашенинникова, летом 1710 года на них неудачно ходил служилый Иван Харитонов. Участника этого похода Ивана Козыревского, возвратившегося в Верхний Камчатский острог, приказчик Миронов немедленно посадил в «казёнку». Дальнейшие трагические события развивались со скоростью кома снега, катящегося с вершины хребта. Все три приказчика — Атласов, Чириков и Миронов, оказавшиеся по стечению обстоятельств на Камчатке, погибли от рук служилых. Эти выступления казаков проходили за пределами Большерецкого острога, поэтому не буду доискиваться их причин. Скажу лишь о том, что в результате тех волнений, оказавшихся важными для будущей судьбы моего Большерецка, главных закопёрщиков из числа служилых: Данилу Анциферова «назвали атаманом», Козыревского — «ясаулом, иных верстали в ясаулы ж и десятники».

Зная местность, природу и нравы моих предков, невозможно отказаться от соблазна попытаться восстановить последующие события, памятуя, что они оказались решающими для становления и истории Большерецкого острога.

...Смутное предчувствие чего-то недоброго терзало Анциферова. Как-то посмотрят в Якутске на самоуправство служилых? Кто сможет понять обиды и горе казаков, находящихся от Якутска за сотни дней ходьбы до Камчатки?

— Не придётся ли нам с тобой, Иванушка, на ветле висеть? — сказал Анциферов, глядя на Козыревского. — Да и казака долго без занятия нельзя оставлять наедине со своими думами. От свободного времени у служилых могут появиться ненужные размышления. Тут и до новых смут недалеко. Да и нам с тобой перед якутским начальством надо как-то оправдаться и от дыбы избавиться. Снагитуй — обеспечь всем необходимым — отряд, и давай-ка отправимся в поход на большерецких изменников. Усмирим там непокорных, приведём их к прежнему платежу ясака, новый острог в Большерецке построим и, глядишь, за верную службу царской милости удостоимся.

Так Данила Анциферов с Иваном Козыревским собрали служилых и в апреле месяце 1711 года командою в семьдесят пять человек да с архимандритом Мартинианом[1] двинулись в поход на Большую реку.

Когда тальники украсились вербами, наши путники оказались на реке Быстрой в двух верстах от Большерецка, где заметили торную дорогу.

— Неужели в Большерецке поселились иноверцы? — раздумывая, спросил Козыревский.

— Ничего удивительного, — подтвердил Анциферов, вглядываясь по направлению дороги, терявшейся в прибрежных прутьях на повороте. — Прикажи десятникам проверить оружие и дай команду приготовиться к бою.

Не успел Козыревский исполнить приказание, как на бугорке показалась упряжка собак. Передние собаки, заметив толпу незнакомых людей, остановились, путаясь с коренными.

— Ну-ка, хей, хей, что стали? — послышался сердитый голос каюра.

Поднявшись с сиденья нарты, каюр, наконец, заметил отряд и, пытаясь повернуть упряжку вправо, закричал:

— Кахка, кахка.

Передовик нехотя свернул с дороги в глубокий снег, запутался потегом за куст и сел, прерывисто дыша.

Бросив упряжку собак, каюр пустился бежать в родной острог, чтобы оповестить о надвигающейся беде. За ним погналась часть служилых, стреляя на ходу.

Как только послышалась стрельба, большерецкие камчадалы заняли боевые позиции на стенах бревенчатого острога, впустили насмерть перепуганного каюра в ворота, заперли их и отогнали преследователей стрелами.

Отряд Анциферова, обнаружив на месте прежнего русского жилья вновь выстроенный крепкий острог иноверцев, обложил его и через непродолжительное время овладел, захватив в аманаты «лучшего мужика» Кашугу. При штурме были убиты трое служилых.

После того как Анциферову удалось «обласкать» и посадить в аманаты Карымчу с его верными приятелями, за которых вместе с Кашугой большерецкие камчадалы обязались платить ясак, известный и наиболее влиятельный тойон Канач, живший со своим родом в двадцати верстах ниже Большерецка на тундровой реке Каначевой, стал готовиться к отмщению. По последнему насту от него начали разъезжаться в соседние остроги на лучших собаках под видом поездки в гости доверенные посыльные. Так, эстафетно передавая весть от одного к другому, вскоре стало известно о падении Большерецкого острога остальным селениям, раскинувшимся вплоть до рек Авачи на востоке, Опалой на юге и Воровской на севере.

Подготовка к штурму утраченного острога была непродолжительной, но энергичной. Мужчины рубили приснец (берёзовые ветки. — *Ред.*), рябину, готовя из них упругие луки, точили и подновляли каменные и костяные ножи и наконечники стрел и копий. Проконопаченные баты просыхали на

лёжках. Бабы старательно ремонтировали износившиеся торбаса и шили новые, готовя мужчин к походу. Добротная юкола из чавычи и весенней красной вместе с вяленой икрой были готовы для укладки в калауз — вещевой мешок из нерпичьей шкуры.

Когда луки, натянутые жильной тетивой, оказались готовыми к бою, в район Большерецкого острога стали, как ручейки хребтовой воды, стекаться жители не только с рек, впадавших в Охотское море от мыса Лопатки до Воровской, но и из восточных острогов — от Авачи до Апачи.

...В это ранее утро 22 мая 1711 года на пост заступил пожилой служилый. В предрассветной мгле то и дело шумели крыльями пролетавшие утки. После Николина дня начался второй, самый густой перелёт чернедей. Смиренная, с чёрно-белым у селезня и чёрно-рыжим оперением по бокам у утки, эта чудесная птица собиралась в небольшие, но довольно плотные табунчики по курьям. В поставленный первис эти утки попадались чуть ли не всем табунчиком.

Слушая возню чернедей в устье Мостовой, служилый сильно продрог. Когда на смену тьме пришёл густой туман, он, оживлённо размахивая руками, быстро зашагал по настилу сторожевой вышки, разогревая натруженное походами тело. Движения согрели и ободрили. Облокотясь на перила, служилый долго рассматривал рыженьких длинноносых куликов на тонких ногах, заботливо обиравших прибрежный кругляк от наросших ракушек и червячков.

По реке Манаковой, урча, пролетел кем-то поднятый табун крохалей-сакшеек с боковым оперением, напоминавшим чешую. С ближайшей косы реки Манаковой, тревожно попискивая, поднялись кулички. Это насторожило служилого. Пристально вглядываясь в серую пелену тумана, он заметил возле крутого яра вершины мелькнувших шестов. Навстречу шедшим снизу батам, толкавшимся шестами, сверху Манаковой выплыли из-за острова сразу четыре парома, заполненные людьми. Сомнений больше не оставалось: к острогу приближаются аборигены с недобрыми намерениями.

Скатившись с лестницы, служилый бегом примчался в избу Анциферова и разбудил его. Поднявшись на вышку, атаман увидел новые паромы с подплывавшими людьми и толпы пеших воинов, подходивших к острогу.

Как было намечено, наступавшие собрались в обусловленный срок и обложили острог со всех сторон, всяко стращая осаждённых. Показывая кусок ремня, которым они намеревались связать и увести пленного в холопы, камчадалы кричали:

— Вот что вас ждёт, лучше сдавайтесь добровольно, а не то перебьём всех!

Прежний караульный, наблюдая за поведением крикунов, пригрозил:

— Погодите, нехристи, вот попьют казаки чаю, тогда возьмутся за вас, каторжных.

— Ах ты, рыжая борода, верно, забыл, как в протоке Белой глины я тебе в холку стрелу воткнул! Наверное, до сих пор зудится! — запальчиво ответил беглый толмач.

Пощупав застарелый рубец, оставшийся от раны после предательского нападения в пути от Апачинского острожка, караульный спрятался от пущенной стрелы за доску.

Не имея руководителя, камчадалы представляли собой трёхтысячную толпу, опьянённую прежними лёгкими победами над казаками. Они не любили печаль, которая для них была хуже смерти. Вот и сейчас, разбившись на кучки, шутили, просмеивая русских и своих земляков, передразнивали их неудачные действия, необычную походку или чью-нибудь нескладную внешность.

В осаждённом остроге зорко следили за поведением противника. Анциферов, ещё раз осмотрев расположение вражеских сил, приказал спокойно наблюдавшему Козыревскому:

— Вели строить служивых!

Анциферов говорил мало, но ободряюще, с непременной надеждой на успех, и речь свою закончил словами:

— Мы повергли своих приказчиков, а это нам, — он указал на север, — там не простят. Прощение надо заслужить сегодняшним боем. Русский казак не боится умереть на

поле брани. У нас есть порох и свинец, а смелость и смекалку должны проявить в схватке. Так чего же нам ждать? Велю немедленно выступить и отбить супостатов!

Лица служивых просветлели, в шеренгах подтянулись, нутро где-то возле сердца у каждого воина защемило.

Анциферов хотел уже дать команду на вылазку, но архимандрит Мартиниан, пошептав ему на ухо, стал служить молебен. Полы ризы и его длинные волосы развевались на ветру, ладан из кадила обкуривал лица служилых, луч солнца играл на распятии позолоченного креста.

Глядя на Мартиниана, прибывшего от «Филофея, митрополита Тобольского и Сибирского в 1705 году на Камчатку для проповеди слова Божия», Анциферов вспомнил, как он в Верхнекамчатском остроге после дележа пожитков приказчиков передал Мартиниану «шубу соболью лапчатую да Петра Чирикова грабленных дворовых людей камчадальской породы некрещённых робят иноземческим званием Щочко да Чистяк, да Володимера Отласова дворовую ж крещённую Настью». За это получил от проповедника благословление на управление камчатскими острогами.

— Святой отец, поторопитесь с молебном, — попросил Анциферов.

Архимандрит завершил молебен, пропев сиплым басом:

— Да воскреснет Бог и растачатся врази его!

Вслед за атаманом к кресту потянулись, не выпуская из рук оружие, служилые.

— Да благословит тебя господь на подвиг ратный за государя России и отечество. Во имя Отца и Сына, и Святаго духа, аминь, — произносил Мартиниан, благословляя каждого.

Натешившись шутками, многие из камчадалов ушли от острога к батам и стали заниматься своими делами. Одни из них варили на костре нехитрый обед, другие, проголодавшись, ели шеломайниковые пучки с солёными пупками из чавычи, иные чинили одежонку, износившуюся в походе, а кто и просто отдыхал, подставив лицо полуденному солнцу. Брать острог приступом никто команды не давал, кругом царило спокойствие и безмятежность. Все знали, что

осаждённым подмоги ждать неоткуда. Брумичи приходили каждый раз одни и те же и, по понятию коренных жителей, являлись беглыми разбойниками, от которых, уничтожив их полностью, можно теперь избавиться навсегда.

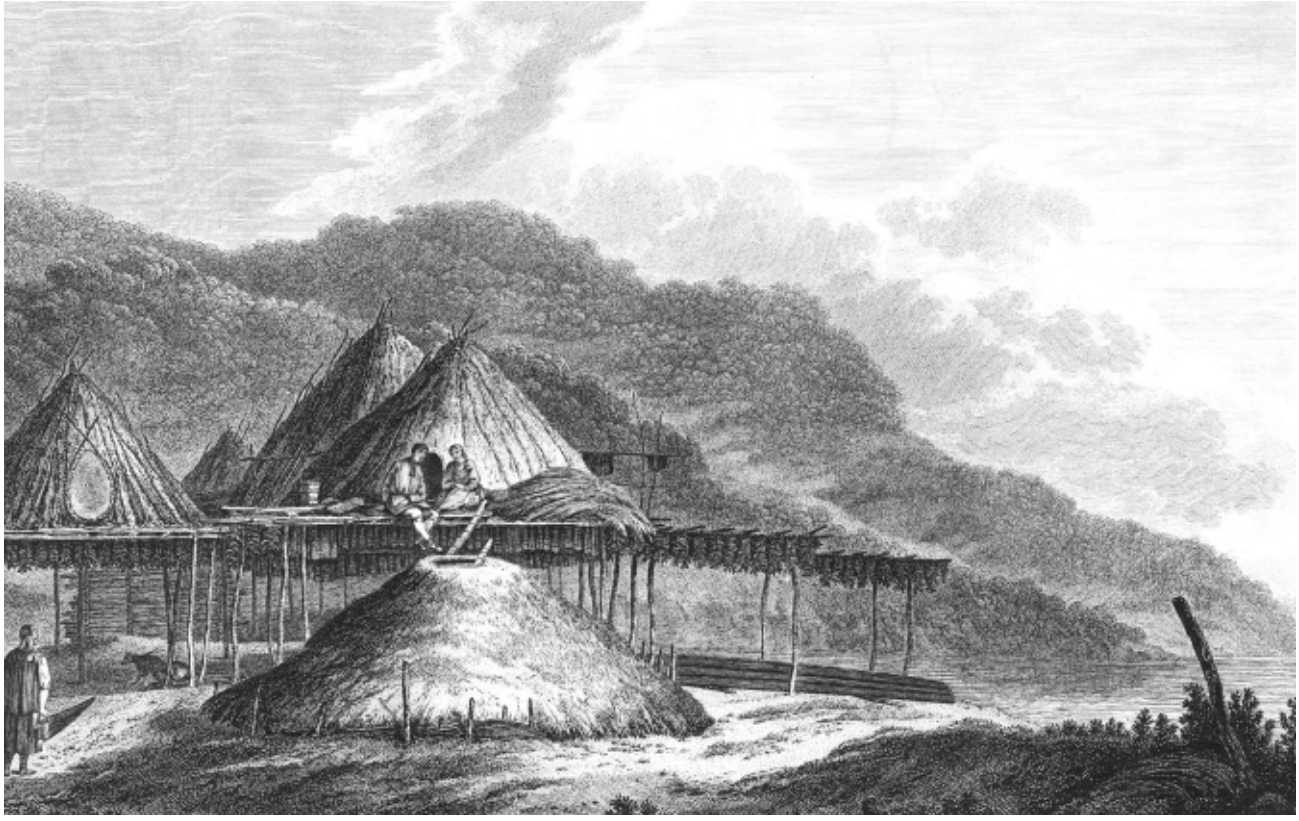
Но вдруг восточные и западные ворота разом отворились, из них высыпали одержимые решимостью служилые, раздался ружейный залп, возгласы «Урр-ра!» потрясли воздух, и толпа людей превратилась в одну бурлящую шиверу.

Половина служилых, оставшихся в остроге, повторила залп, и местность окуталась пороховым дымом. Неожиданность нападения, гром пальбы из ружей и воинственный клич вызвали среди камчадалов панику. Одни из них бросились к батам, пытаясь выплыть из речушек Мостовой, Паранчиновой и Петровичей, но застревавшие на мели поперёк русла баты образовали заторы и скопления людей. В это время вторая партия осаждённых, выйдя из острога, погналась за убегавшими к реке Грунчиной, где отступавшие камчадалы в спешке прыгали в баты, стоявшие на воде и, не сообразуясь с их грузоподъёмностью, тонули.

Защищённые стеганой одеждой служилые несли от стрел небольшой урон, стараясь сомкнуться с противником в ближнем бою, где верх оказывался за ними, поэтому среди них впоследствии нашлось лишь трое убитых и несколько раненных.

Не будем описывать все эпизоды схватки, напомним лишь о том, что вместо обещанных пленных камчадалы принесли в свои остроги печальную весть о главном и последнем своём поражении. С этих пор большерецкие камчадалы покорились навсегда, обещавшись установленный ясак сдавать ежегодно.

После описанных мною событий, достойным упоминания следует считать волнение ссыльных в 1771 году, так превосходно изложенное в небольшом, но ёмком романе «Государство солнца», написанном талантливым писателем Николаем Григорьевичем Смирновым, как видно, прекрасно знавшим обычаи моих предков, расположение Большерецка и окружавшую его природу. Не буду пересказывать содержание романа, упомяну лишь о сути дела.



Летние и зимние жилища камчадалов. Английская гравюра 1784 года (из фондов КГБУ ККОМ)

Собачья почта. Гравюра И. Ламинита по рисунку Е. Кармеева (из фондов КГБУ ККОМ)

Польский полковник Беневский, сосланный русской царицей Екатериной II по политическим мотивам, поднял восстание и с единомышленниками и примкнувшими казаками овладел Большерецким острогом. Ранней весной, покинув устье Большой реки, бунтовщики уплыли в Европу. Праправнучка Мориса Беневского, Анна Фёдоровна Шалкон (Беневская), сейчас живёт на Аляске, в прошлом принадлежавшей России, на острове Кадьяк, в Анкоридже.

Волнения 1771 года долго не забывались в Большерецке. Наш дедушка, Константин Константинович Логинов, очевидно, помнивший рассказ своего отца, моего прадедушки, поведал эту быль моему старшему брату Николаю, который передал её мне, к великому сожалению, без особых подробностей.

СПУСТЯ ДВА СТОЛЕТИЯ

Отшумели описанные события, прошло время, управляющий камчатскими делами вместо Большерецкого острога обосновался в Гавани — так местные жители называли Петропавловск. Большерецк захирел. Вместо некогда центрального пункта всей Камчатки теперь он стал центром одноимённой волости. В селе осталось только волостное начальство, а от прежних «высших сословий» среди его жителей остались лишь пристав, поп, учитель и доктор. Приписанные к волости сёла в порядке общественной повинности по-прежнему помогали строить и содержать в исправности церковь, школу, медицинский пункт, мосты.

Многое изменилось в сознании большерецких обитателей за два прошедших столетия совместной жизни первобытных ительменов и пришедших сюда русских. Они взаимно обогатились, переняв друг у друга бытовые навыки, обычаи и культуру. Жители Большерецка теперь мало были похожи на прежних, представлявших в прошлом две этнические группы. В основном это были метисы, происходившие от смешанных браков русских с ительменами. Средний рост, правильные черты смуглого лица, широко раскрытые тёмно-карие глаза, жёсткие тёмные волосы, в большинстве

крупно-волнистые или вьющиеся, белые и спереди широкие зубы делали их похожими, скорее, на казахов или людей других национальностей. Некоторых селян со светлыми волосами, серыми глазами и белым лицом можно было почитать за русских.

Две другие группы составляли почти исключение. Одну — с чёрными, как маслины, глазами, такого же цвета прямыми волосами и продолговатым лицом — можно было отнести к южным камчадалам, близким к курильцам. Вторую — приземистых, с круглым лицом, мясистыми щеками, прямыми и чёрными волосами и бедным волосяным покровом на подбородке — следовало считать, очевидно, истинными потомками жителей Большерецка, поселившимися здесь до прихода русских.

Устье реки Большой, как и раньше, оставалось связующим звеном местного хозяйства с Россией. Торговля пушниной с Петропавловском при помощи проезжих купцов и случайных посещений Гавани жителями, отправлявшимися туда за второстепенными товарами, не являлась основной.

Вместо прежних юрт и курных изб в селе теперь жили в рубленых домах, крытых соломой, обогревались печью, сооружённой из привозного кирпича или самодельного необожжённого, а то и просто смастерённой из одной глины. Более состоятельные селяне имели дома, крытые железом. Про лучину забыли и освещались лампой, заправленной керосином, и лишь в худшие времена пользовались жирником. За редким исключением лишь в бедных семьях иногда продолжали вместо стёкол в оконные рамы вставлять медвежьи кишки.

Хозяйство оставалось натуральным. Источником средств, нужных для приобретения сторонних товаров, являлась добытая на охоте пушнина, поэтому жили скудно. На выручку от пушнины первым делом приобретали патроны к нарезному оружию, порох, капсюли и свинец. Затем покупали керосин, чай, капканы и немного муки и лишь при наличии оставшихся денег — что-нибудь из материи для пошива «лопоти». Хлеб употребляли в сугубо ограниченном количестве,

только во время чаепития, до которого мои земляки были большие любители.

В каждом хозяйстве имелось в среднем от трёх до пяти голов рогатого скота, по одной или две лошади и две-три собачьих упряжки. Питались в основном рыбой, мясом добытого зверя и картофелем.

Я забыл упомянуть, что это спокойное, но не славившееся достатком время, предшествовавшее русско-японской войне, ознаменовалось строительством в Большерецке мастерской. Её соорудили по инициативе волостного полицейского пристава из деревянного каркаса, обшитого оцинкованным железом. В мастерской площадью примерно шестьдесят основного и восемнадцать квадратных метров вспомогательного помещений обучались ремеслу ученики-подростки со всей волости. Они учились ковать принадлежности для собачьей упряжи, ножи, наконечники для шестов и марики, делать камины с трубами для охотников, производить другие жестяные работы, а также пользоваться столярным и плотничьим инструментом.

УСТЬЕ, КОШКА И ВОЙНА

После ухода в геологическом прошлом моря с будущей поймы рек Быстрой и Плотниковой и оформления их в одну реку Большую, последняя перед своим устьем первоначально текла, очевидно, возле увала, являвшегося её берегом с северной стороны. Но вследствие извечной борьбы реки Большой с Охотским морем на устье стала намываться песчаная кошка, удлинявшаяся с годами на юг. Длина кошки во время пребывания в Большерецком остроге С. П. Крашенинникова не превышала трёх вёрст. В мою бытность, спустя двести лет, эта нерукотворная насыпь удлинилась вёрст на тридцать, а за последние сорок лет приросла ещё километров на пятнадцать.

Чтобы укоротить путь горбуше, идущей с моря, и тем самым ускорить её появление в реках, по рассказам отца, в кошке два раза прорывали канал, но с течением времени он снова

заносился морем. Парусные судна заходили в устье Большой со времён открытия морского пути из Охотска. Пользуясь приливами и отливами, проникая вглубь реки, они не только разгружались в летнюю пору, но зимовали и ремонтировались, как в естественном доке, в устье реки Чекавы. Ещё в мою бытность там стояли «государевы анбары».

Фарватер на устье был изменчив и потому небезопасен. Однако шхуны продолжали временами бросать якорь на Большой вплоть до прихода советской власти.

Богатое рыбой устье Большой реки в начале двадцатого столетия являлось удобным местом хищничества японских рыбопромышленников. Русско-японская война, начавшаяся из-за возрастающего влияния России в северо-восточной части Тихого океана и пробуждения самосознания могущественных сил японских рыбопромышленников, опоздавших к разделу мира на сферы влияния, привели к тому, что жители Большерецкой волости были вынуждены встать на защиту устьев своих рек с оружием в руках.

Не касаясь общеизвестных фактов, относящихся к обороне западного побережья Камчатки, я хотел бы упомянуть о некоторых деталях, переданных односельчанами, не встречавшихся мне в литературе.

Как только стало известно о войне, жители Большерецка стали готовиться к обороне. На месте вероятного появления противника, реке Быстрой, убрали с переправы баты. Перегнали на противоположный селу берег реки Манаковой коров и там доили их. Продукты, состоявшие из скудного запаса крупы, муки, вяленой и солёной рыбы, хранили там же, за Манаковой, в укромном месте. Оставшиеся в селах женщины и старики поставляли ополченцам одежду, торбаса и продукты в виде юколы и балыка. Жители были готовы в любое время покинуть село и укрыться за реками в гуще леса и шеломайника.

Вооружённые штуцерами, дробовиками, берданками и винчестерами большерецкие мужики вместе с жителями других сёл волости сплыли к устьям рек и охраняли их от наседавших японских рыболовных шхун. Позже к этим

защитникам присоединились ополченцы из восточных районов Камчатки и Петропавловска. Вместе они разгромили вооружённый отряд японцев, высадившийся в Явино, и не допустили захвата чужеземцами западного берега Камчатки.

Запомнился рассказ одной женщины о погибшем брате. Двое дозорных дежурили на отдалённом посту около берега Охотского моря, охраняя устье реки Воровской. Туманным утром, не обнаружив ничего подозрительного, оба находились в сторожке. Один из них, ничего не подозревая, вышел из помещения. Вскоре остававшийся внутри помещения Македон Ворошилов услыхал возглас товарища:

— Японцы!

Македон схватил семизарядным винчестер и выбежал наружу. Ощутив острую боль и увидев кровь от ножевой раны в живот, ополченец не растерялся. Отбиваясь, он расстрелял в упор пятерых японцев, остальных обратил в бегство. Враги спешно бросились в лодку и уплыли к стоявшей на рейде шхуне. Пришедшие позже сменщики нашли обоих охранников и полдесятка японцев мёртвыми. О разыгравшейся здесь трагедии узнали из записки, написанной Македоном собственной кровью.

В этой войне Россия потерпела поражение, потеряла половину острова Сахалин. Войска генерала Куропаткина отступили под Лаоляном, эскадра адмирала Рожественского погибла в Цусимском бою, но жители Камчатки не только отстояли свою землю, но и не допустили японских хищников к лову рыбы в их реках. Многие ли жители Большерецка получили за эту оборону Камчатки награды, не знаю, но у моего отца я видел бронзовую медаль, и если память не изменяет, то она была со следующим оттиском: «1904—1905» на одной стороне, а на другой: «За Веру, Царя и Отечество».

После войны 1904—1905 годов, последующих провокаций в прибрежных водах Охотского моря и на границах Дальнего Востока между жителями Большерецка и японскими поданными, работавшими на рыбоконсервных заводах, стоявших на кошке, отношения были сдержанными вплоть до прекращения действия рыболовной конвенции.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

После окончания войны между России и Японией, как известно, был заключён Портсмутский мирный договор, подписанный 5 сентября 1905 года. В его развитие оба государства решили заключить, кроме других актов, и рыболовную конвенцию. Делегация Японии настойчиво добивалась включения в отдельные статьи этой конвенции пунктов о праве их граждан на лов рыбы и добычу млекопитающих в территориальных водах России: не только в Охотском море, но и реках. Это могло бы дать японским рыбопромышленникам беспрепятственное и неограниченное право вылова рыбы в устье реки Большой, что обрекло бы местное население на голод. Такое требование как противоречащее интересам коренных жителей русская дипломатия отклонила, а взамен его японцам было оставлено право лова рыбы только по берегу Охотского моря в пределах трёхмильной полосы.

Из пятидесяти двух участков, сданных в аренду японским рыбопромышленникам на трёхлетие (1912—1914 годы) по западному берегу Охотского моря от Ичи до Озерной, восемь относились к большерецким и базировались на территории кошки. Все эти участки пользовались правом лова рыбы только на морском берегу.

Для определения местоположения участков вся кошка была разбита на вёрсты, где на каждой третьей располагалась территория для аренды морского или речного участка, или того и другого вместе. Участки приобретались рыбопромышленниками у казны на торгах, как русскими, так и японскими подданными (торги на предстоящий сезон проводились в феврале во Владивостоке. — *Ред.*). Наиболее выгодными считались участки, ближайшие к устью Большой реки, куда заходило наибольшее количество горбуши.

Из всех арендованных японцами участков один — на двенадцатой версте — не только занимался засолкой рыбы, но и готовил на имевшемся там заводе рыбные консервы. Русские рыбопромышленники, как правило, арендовали участки на речном берегу. Рыбы здесь ловилось довольно,

принимали её от местных рыбаков за гроши. Эти промыслы были маломощными. Они состояли из пары или одного барака для рабочих и хозяина участка или его доверенного лица, помещения для засолки икры и склада, сооружённых из тонких досок или циновок. Поставку горбуши-сырца обеспечивали два-три кунгаса и один невод. Рыба в основном солилась японским посолом в штабелях и хранилась на воздухе, прикрытая сверху циновками.

Одного из таких арендаторов по фамилии Гурин я знал в лицо. Его я видел, будучи подростком, на промысле, а потом ещё и у нас в горнице, когда он, очевидно, не уплыв своевременно на пароходе, проезжал Большерецк, следуя в Гавань[2].

Начиная от тринадцатой версты на север, участки располагались на более низменной части кошки. Поэтому волнами, перехлёстывавшими во время зимних штормов из моря через кошку в реку, уничтожались добрая половина, а то и все строения участка.

Я умышленно оставил без внимания владения богатого русского рыбопромышленника Еновского. Он имел самый первый участок, расположенный в шести верстах к северу от устья Большой реки и потому считавшийся самым богатейшим по наличию горбуши. Правительственные чиновники, выступавшие в роли арендодателей от имени России, очевидно, желали сохранить этот ценный участок за русскими поданными, поэтому для японских рыбопромышленников он был закрыт. Но, как мне кажется, чтобы приобрести этот желанный участок, японские рыбопромышленники овладели им через подставное лицо, которым и являлся вышеупомянутый Еновский[3]. Этот факт я основываю на схожести строений, оборудования, плавсредств и способов организации работ с японскими на их заводе, стоявшем, как было упомянуто выше, на двенадцатой версте.

Что представлял собой рыбопромышленный участок и его могущественный владелец Еновский? Когда я был подростком, мы с отцом приплыли из Большерецка на бату по Большой реке к «заводу Еновского», так этот участок тогда назывался. Первым делом я побежал к морскому берегу, чтобы

проверить точность рассказов односельчан, что у моря другого берега не видать. Убедившись в правоте услышанного, полюбовавшись волнами, катерами с кунгасами на буксире, сновавшими между берегом и стоявшими на рейде двумя пароходами, я набрал в карманы ракушки и побежал через территорию рыболовного участка к нашему бату, оставленному на речном берегу.

От трёх высоченных заводских труб, дымивших круглые сутки, волочился длинный чёрный шлейф. Паровая лебёдка на морском берегу легко вытаскивала из воды на сушу при помощи покатов (круглых брёвен, подкладываемых под днище. — *Ред.*) заполненные горбушей кунгасы. Рядом громоздились штабеля соли и ящиков с порожними банками для консервирования рыбы. В заводском корпусе шелестели трансмиссии и щёлкали автоматы. Возле речного берега тарахтел движок электростанции, кругом была чистота, деловая суета рабочих, что наводило на мысль о чётком и хорошо организованном ритме производства на промысле.

В воздухе, смешанном с морским запахом и выхлопными газами, выделялся ещё и запах тука, приготовлявшегося из отходов горбуши, который сушили на разостланных циновках на песчаной территории участка. На морском и речном берегу высились деревянные пристани для приёма выловленной горбуши. Кроме заводского корпуса, имелось здание для засолки икры, строения для подсобных работ и вспомогательного производства, такие же дощатые, лёгкого типа, как и все сооружения, включая и бараки с нарами для жилья рабочих.

Заметив отца, разговаривавшего с пожилым мужчиной лет пятидесяти, я подошёл к ним. Я не думал, что мой отец, обыкновенный житель Большерецка, в поношенной одежонке и коротких торбасах, запросто может беседовать с таким влиятельным человеком, как Еновский. Тот в моём понятии олицетворял богатого вельможу, и потому должен был одеваться если в не золотую одежду, то, по крайней мере, не менее пышно, как, например, большерецкий полицейский пристав. Поняв, что передо мной сам Еновский, я стал внимательно его рассматривать.

Еновский был одет в выцветшую и довольно просторную чёрную робу, в такого же цвета, видевшую непогоду, фуражку и поношенные и, как видно, давно нечищеные кожаные сапоги с широкими голенищами. Всё это вместе с дрябловатым и серым лицом без бороды и усов, коротко стриженными и седыми волосами и усталыми глазами делали его похожим на обыкновенного рабочего. Однако я знал, что он прекрасно владел как русским, так и японским языками.

На морском берегу и на заводе работали исключительно японцы, а на обработке рыбы, выловленной в реке и шедшей в посол, трудились русские рабочие. На морском берегу горбушу ставным неводом ловили японцы, а на речном — закидным — местные жители, съехавшиеся на лошадях и сплывшие на батах из Начик, Малок, Апачи и Большерецка. Снастями и кунгасами их обеспечивал Еновский. Собравшиеся рыбаки выбирали артельщика, наказывали ему условия работы и цену за штуку сданной горбуши. Артельщик вступал в переговоры с Еновским. Обе стороны после многократных и упорных торгов из-за цены на рыбу, наконец, с одобрения членов всей артели, приходили к согласию, и промысел с появлением горбуши начинался.

Надо заметить, что условия промысла для рыбаков были тяжёлыми. На песчаной кошке не имелось дров, поэтому рыбаки приплывали вместе с паромом сушняка. Жили в палатках и готовили пищу попарно. Никакой спецодежды Еновский не выдавал. Хозяин, конечно же, мог предложить продукты в виде круп, консервов и жиров, но при наличии дармовой рыбы разве могли рыбаки на промысле позволить себе такую роскошь, как неоправданную трату будущего заработка?

Вставали с рассветом, готовили завтрак и к восходу солнца с великим трудом притоняли первый невод. Это делали всей артелью с таким расчётом, чтобы рыба не залегла. Стоя по колено в воде по двое, обутые в бродни рыбаки брались за ручки глубоких носилок и вычерпывали копошившуюся горбушу из невода в кунгас. Заполненный до отказа кунгас сплавляли к речной пристани и освобождали его при помощи

полусогнутых пик из проволоки, выбрасывая улов на пристань. Тут же рыбу пересчитывал и принимал учётчик Еновского.

При вычерпывании рыбы из невода студёная вода с хребтов леденила мокрую грудь и живот. Как бы хорошо не были сшиты и густо смазаны медвежьим жиром бродни, они всё равно промокали. Частые дожди и холодные туманы действовали на психику рыбаков удручающе.

Но вот сезон промысла, длившийся месяц, заканчивался, артельщик распределял весь доход на пай, и каждый мог приобрести в складе Еновского из имевшегося наличия всё, что желал. Первым товаром считалась мука. Закупали её на год, в основном ржаную и так называемую «сеянку», и кулёчек или два белой муки для выпечки сдобы к торжественным дням и куличей на Пасху. Остальная часть заработка тратилась на приобретение риса, чая и растительного масла. Сахар, как предмет роскоши, покупался детям на гостинцы и для праздников к столу гостям.

Оставив Еновскому заявку на разные товары, которые желали получить в следующем сезоне, рыбаки уплывали на заполненных продуктами батах по своим сёлам. Предприниматель, погрузив свою продукцию на пароходы, отправлявшиеся в порты Японии, Китая и Формозы (ныне остров Тайвань. — *Ред.*) покидал участок. Опустевшая кошка оставалась наедине с долгими и свирепыми штормами до будущего сезона.

ВО ВРЕМЯ ДВУХ НОВЫХ ВОЙН

О Первой мировой войне, начавшейся в 1914 году, участницей которой была и Россия, помню смутно. К моменту подписания Версальского мирного договора, закрепившего в 1919 году победу стран Антанты над Германией, мне было около девяти лет, поэтому мои сведения о реакции жителей Большерецка на эти события весьма отрывочны и могут показаться наивными.

Знаю, что поп иногда читал в церкви проповеди об издевательствах военных противника над мирными жителями

России, а также служил молебны о ниспослании победы над Германией, после окончания которых он раздавал плакаты, где изображались зверства врага и страдания мучеников. На одной из так называвшихся тогда у нас «картинок» был изображён немецкий солдат в остроконечном шлеме с поддетыми на штык двумя младенцами.

В то время Польша входила в состав Российской Империи и была её генерал-губернаторством. К участию в войне с Германией не привлекалась, поэтому приходилось слышать такие рассуждения деревенских «политиков»:

— Если бы Варшава вступила в войну, то германцу туго бы пришлось!

В моём детском уме невольно возникал вопрос: «И чего бы этой Варшаве не выступить?»

Не стоит приводить другие суждения, подобные первому, однако они дают основание предположить, что население Большерецка о войне с немцами было тогда достаточно осведомлено.

Вести о свержении царя, последовавших за ним событиях, петропавловское начальство, а заодно наш пристав и батюшка, несомненно, знавшие о случившемся, до населения не доводили, надо полагать, умышленно.

Соприкасаясь на рыбных промыслах с русскими рабочими, жители вскоре узнали о происходящем на материке, поняли, что к чему, и при согласовании с Еновским очередной цены на горбушу-сырец стали более упрямыми.

Вот что написал мне 28 мая 1978 года о том периоде старший брат Николай, родившийся в 1905 году и живший в городе Пятигорске:

«Ты спрашиваешь об условиях промысла рыбы на кошке. Выплывали на рыбалку из Большерецка с пальбой из ружей “на счастье” сразу же после Петрова дня и промышляли рыбу до Ильина, работая всего двадцать дней.

Когда мы сдавали рыбу Еновскому, нашей артелью заключался с ним договор на ежедневную сдачу горбуши в количестве ста двадцати тысяч штук. Это обязательство, как правило, рыбаки выполняли.

За одно притонение, как ты пишешь, действительно, вылавливали до семи кунгасов чешуйчатого золота, в каждом из которых я сам, работая счётчиком на пристани, насчитывал от 4 800 до 5 500 штук горбуш.

Кроме нашей артели, состоявшей в основном из жителей Большерецка, была ещё вторая. Она считалась гораздо слабее первой и сдавала, конечно же, меньше, в пределах до ста тысяч особей в день.

Еновскому продавали горбушу по четверти копейки за штуку, а потом, в последующие годы, когда её стали принимать рыбопромышленные организации государственного сектора при советской власти, цена поднялась до трёх четвертей, то есть повысилась в три раза».

В упомянутое время, когда в разгаре была гражданская война на Дальнем Востоке, а его территория продолжала оставаться оккупированной объединёнными силами Японии и США, Еновский стал проявлять некоторую уступчивость. В результате рыбаки близлежащих к кошке сёл стали зарабатывать больше прежнего, вследствие чего в Большерецк пришёл относительный достаток.

Теперь после рыбалки каждый, плавая на кошку по нескольку раз, привозил оттуда вдоволь разной муки, топлёное свиное сало, не менее двух однопудовых банок с растительным маслом и столько же с керосином, сахару по три куля, из которого потом варили всю зиму брагу, рису куля по два и многие другие товары и предметы домашнего обихода, в том числе и снаряжение для охоты. Теперь никого в семьях в части потребления хлеба, сахара и других покупных продуктах не ограничивали. Кроме того, с промыслов приплывали одетые в длинные резиновые сапоги, непромокаемый плащ с зюйдвесткой на голове и в такие же проолифленные шаровары.

Особенно запомнилась тёмно-синяя роба из грубой материи — «демиса». Брюки этой робы напоминали современные джинсы. Они имели по два кармана сзади, спереди и по бокам. Кроме того, два продолговатых боковых кармана предназначались, очевидно, для инструментов. Все восемь

карманов, кроме двойного шва, крепились медными заклёпками так же, как и четыре на тужурке. Эта рабочая роба была скромной и необычной, а главное — ноской и немаркой. Иногда, в добрые годы, такая одежда перепадала и подросткам, хотя в промысле рыбы на кошке мы не участвовали.

Оттуда же, от Еновского, после покупки необходимых товаров и продуктов желающие привозили кирпич, стекло и оцинкованное железо для строительства изб.

В последние два года существования упомянутого промысла и пребывания там Еновского, тот даже выделил катер. Он, буксируя по паре речных кунгасов, в большую воду доходил до самого Большерецка, а в летнюю, более малую, — только до устья реки Манаковой, доставляя продукты первой необходимости, каковые продавались большерецким жителям на кооперативных началах.

Эти и подобные им добродетельные жесты диктовались, несомненно, соображениями добрососедства на фоне революции в России и продолжавшегося на Дальнем Востоке сопротивления партизан и Красной гвардии белогвардейцам и войскам оккупантов. После конфискации рыбоконсервного завода промысел несколько лет бездействовал и был восстановлен в конце двадцатых или начале тридцатых годов, получив название в честь народного комиссара пищевой промышленности «комбинат имени Микояна». Позже, когда его работа перестала быть сезонной, этот промысел оброс жилыми постройками, и его переименовали в Октябрьский рыбокомбинат. К этому времени устье Большой реки удалилось от места прежнего владения Еновского вместо шести на полтора десятка вёрст.

Я не упомянул о судьбе недостроенной рыбопромышленником Большерецкой церкви. Она стояла в опустевшем селе примерно до 1931 года, а потом была разобрана совхозом имени Блюхера. Материал вывезли на центральную усадьбу, где из него соорудили дом для дирекции.

В 1972 году, во время моего посещения родных мест, в вышеупомянутом доме никто не жил. Он был уже в аварийном состоянии. Я отломил от лиственничного бревна ветхой сте-

ны кусочек древесины и спрятал его в карман как редкий сувенир, напоминавший о земле моих предков, который надлежит вечно хранить для будущих поколений.

ВЛАСТИ И ОБЯЗАННОСТИ

Исполнителем указаний уездной власти, находившейся в городе Петропавловске, являлся большерецкий полицейский пристав, который посредством сельского старосты, выбранного односельчанами, следил за их выполнением. Староста в свою очередь имел десятника, оповещавшего жителей о предстоящем собрании, назначении в каюры и выполнении других массовых поручений.

По инициативе старосты созывались сходки. На них обсуждали предстоящие общественные работы. Таковыми являлись строительство и ремонт мостов, выделение батов на переправы, установка тычек (вешек, отметок. — *Ред*.) вдоль пеших троп и нартовых дорог до соседних сёл, ремонт зданий церкви, школы, фельдшерского пункта и изб пристава, попа и учителя, заготовка дров для отопления этих же общественных зданий и жилых домов.

На общей сходке обсуждалось также поведение нерадивых каюров, лиц, не явившихся на общественные работы, и даже проступки отдельных селян, нарушавших моральные устои. Так, например, одного молодого человека за грубость с матерью и непослушание сходка приговорила к наказанию розгами, что тут же и было исполнено.

За особо тяжкие преступления уголовного и политического характера пристав высылал провинившегося в Петропавловск для возбуждения судебного преследования. В этом случае, употребляя давнее понятие, говорили, что виновного «сослали в острог». Слово «острог» всё ещё наводило на жителей прежний страх.

За малозначительные проступки, свидетельствовавшие о политической неблагонадёжности, на первый раз пристав ограничивался внушением или, как тогда говорили, «нагоняем». Слово «нагоняй», сказанное взрослыми, я, подросток,

понимал в прямом смысле и потому думал: «Как этот грузный пристав при всех регалиях мог поспеть за бегающим вокруг избы виновником?»

«Нагоняи» могли, например, даваться по доносу попа за неаккуратное посещение церковной службы, за нелестные высказывания каюров или других лиц в адрес проезжавших начальников или властей. Следует пояснить, что «каюром» назывался всякий ездовой на собаках, но поскольку он возил почту и начальство не только на собаках зимой, но и летом на бату и пешком, то за таким лицом, отбывавшим общественную надобность, и укрепилось название «каюр». Два каюра зимой, например, возили начальство в пологе кутарной нарты, запряжённой пятнадцатью, а то и двадцатью собаками.

Вот какой случай произошёл с большерецким старостой. Грозный уездный начальник, следуя из Гавани, на переезде от Апачи до Большерецка был не удовлетворён установкой тычек, отмечавших путь по тундре. Разгневанный, он приказал старосте, чтобы тот завтра отправился пешком до следующего села Утки и следовал с такой поспешностью, что если его нагонит упряжка собак с начальником, то староста будет наказан розгами.

Ни свет, ни заря, рано утром, надев лёгкую одежду и обувь, староста побежал по шахме — припорошенной дороге — к Утке. Потный и окутанный паром, на противоположной стороне минувшей большой тундры он заметил нарту с пологом и упряжку собак. До Утки оставалось совсем небольшое расстояние, и он мог бы не опасаться за благоприятный исход пути, но проклятые собаки, увидев в конце тундры маячившую фигуру, с визгом пустились рысью и чуть было не догнали старосту. Едва поспев поравняться с окраиной села, староста упал в изнеможении, а мимо него тут же промчалась упряжка собак с восседавшим на нарте недовольным и важным начальником. После этого несчастный староста долго болел «нутром».

Другой раз такой же начальник из уезда, остановившись в этом же злосчастном селе Утки, велел вёзших его собак

довольно кормить юколой. Староста Утки на это ответил, что у них не только собакам, а и самим-то нечего есть.

— Как нечего? Значит, все вы здесь лентяи, потому и не заготовили корма? — спросил разгневанный начальник. — А коль так, то велю всех мужиков пороть розгами.

И он тут же отправил распоряжение большерецкому старосте, которому предписал выделить людей для исполнения его воли. Надо заметить, что малочисленное село Утки, не имевшее близкого соприкосновения с русскими, в культурном отношении и трудовых навыках значительно отставало от Большерецка. Потому его население, действительно, не особенно радело к работе. Во всяком случае, большерецкий староста, боясь ответственности за неповиновение, отрядил команду дюжих мужиков во главе с бывшим служакой из казаков, которые и совершили назначенную экзекуцию. После этого уткинские мужики долгое время оставались в Большерецке предметом насмешек.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИСТОЧНИКИ КУЛЬТУРЫ

Батюшку никогда не называли «попом» и меньше всего — «священником». Иногда к нему обращались, называя «отцом», с добавлением имени. Я знал его с моих сознательных лет до момента расставания с Большерецком. Это был низкорослый, худощавый, с курчавой окладистой и небольшой бородкой, скромный старичок, по всей видимости, из метисов. Он служил, читал проповеди, венчал новобрачных, крестил и вёл учёт новорождённых, отпевал усопших в церкви и на кладбище, и соборовал на дому прихожан, отправлявшихся в иной, загробный, мир. Глядя на его камилавку и отделанную серебром и позолотой одежду, я обожествлял его и потому думал, что ему несвойственно даже отправление естественных надобностей.

Не получая от родителей и школы должных разъяснений, мы настолько были далеки от развития современных подростков, что я тогда никак не мог взять в толк, к какому полу относился батюшка. Если преподобный отец — мужчина,

то почему он носит одежду, подобную женской, думал я, имея в виду ризу. Кроме маскарада под Новый год, в женскую одежду никто из мужчин не рядился, а равно и не носил длинных волос. Удивляло опять же и то, что батюшка был обут в сапоги и имел бороду, тогда как женщинам это было не присуще. Прозрение наступило при следующих обстоятельствах.

Отец упромышлил медведя. В кулёк положили солидную порцию жирной свеженины и велели мне и сестре отнести батюшке. Встретил нас священник одетым по-домашнему, в хромовые сапожки и брюки, рябенькую рубашку и жилетку. Выйдя из сеней, мы увидели кучу мусора, а на ней — осколки битой фарфоровой посуды, свойственные обеспеченной и культурной семье. Эти «ценинки» были различной величины и раскраски. Солидно заполнив ими мешочек, довольные, мы отправились к воротам штакетной ограды, но тут сестрёнка, увидев делянку зеленевшего лука, сказала:

— Смотри, сколько дикого лука растёт, — и стала поспешно его рвать и укладывать в мешочек. Я тоже не отставал.

Увлечённые, мы вдруг услышали сердитый стук по раме и увидели возмущённое лицо служителя церкви, который грозил нам пальцем. Полагая, что поп гневается из-за «ценинок», мы содержимое мешочка высыпали на землю и, удручённые неудачей, молча оправились восвояси, боясь, как бы он не пожаловался на нас родителям и, не дай Бог, приставу. С этих пор у меня укрепилось в сознании, что священник — это не что иное, как мужчина, одевавшийся в церкви в женскую одежду.

Как батюшка, так и матушка были большие любители до горького причастия. Да и кто на месте батюшки удержался бы от угощения, если лучшее кушанье и первая рюмка редко встречавшейся водки или стакан хмельной бражки принадлежал ему.

Во время праздников — Рождества Христова, Крещения Господня и Пасхи — сразу же после службы в церкви батюшка отправлялся на нарте, запряжённой собаками, для служения торжественного молебна и кропления по избам. Несмотря на хозяйские приглашения со словами «неугодно

ли, батюшка, выпить и закусить?», подобающие великому празднику и важности его особы, в первой части села пить вино священник воздерживался. Но следовало ему в очередной горнице с богато накрытым столом пригубить первую рюмочку, как дальнейшая служба по избам превращалась в совершенную путаницу молитв и непристойное поведение служителя церкви. Один раз, помню, на Крещение, вместо того, чтобы святой водой окропить иконы и избу, он, пьяный, так заехал мне, подростку, по лицу кропилом, что у меня долго потом болели глаза.

Но вернёмся к продолжению служения молебна по избам. В конце концов, батюшка так пьянел, что сопровождавшие каюры вынуждены были останавливать его, сваливали на одну из нарт и, оставив многие избы без почётного посещения и должного обряда, возвращались к дому, где его бренное тело принимала матушка.

Кто-то из взрослых в нашем доме был именинником. Собрались гости и в том числе батюшка. Пока он был трезв, с ним почтительно вели беседу. Однако после первой же рюмки батюшка стал куражиться. Ничего не говоря, он тростью с изогнутой ручкой цеплял сидевших через ствол девушек и приятных молодых женщин за шею. От этой шутки, уважая священнический сан, гости сначала вежливо уклонялись, а потом, когда он всем надоел, родители велели мне отвести его к матушке. Мы с другом взяли его под руки, перебрели Мостовую и продолжили путь. Батюшка раскуражился пуще прежнего. Он беспрестанно останавливался, молча показывая на строения и встречавшихся животных. Иногда упирался ступнями в попавшуюся по дороге кочку, вырывался из рук и никак не хотел идти вперёд, а на улице уже смеркалось.

Нам стало страшно. Тогда я со слезами на глазах предложил напарнику, не обращая внимания на проделки пьяного шутника, силой отрывать его от кочек и спешно волочить ногами по земле, что ни есть силы. Я сильно боялся, как бы нас за такие бесцеремонные действия в отношении божьего человека тут же не наказал Господь, поэтому,

озираясь кругом, с часу на час ждал удара грома и молнии. К счастью, этого и ничего другого карающего не произошло, и мы с радостью поздно ночью избавились от попа, передав его в добрые руки матушки. После этого я долго избегал показываться батюшке на глаза, боясь, что он, вероятно, всё помнит, а потому расскажет родителям о моём грубом обращении с ним или сам накажет нас.

Несмотря на упомянутые недостатки, батюшка был добрым человеком, остатки причастия аккуратно допивал сам и, не взирая на наши шалости, случавшиеся во время службы, никогда подростков при всём честном народе в церкви на колени не ставил, и не таскал за уши из-за неприготовленного урока в школе, где он учил Закону Божьему.

Да, я совершенно забыл об исповеди. Когда мы были первоклассниками, нас исповедовали всем классом. Но однажды, когда подрос, я предстал перед аналоем, чтобы исповедаться. Священник накрыл свою и мою голову бархатным покрывальцем и стал задавать вопросы.

— Не воровал ли ты?

Стоит ли признаваться, подумал я, если в какой-то раз стащил в чулане конфетку или кусочек кулича. И я решительно сказал: «Нет!»

— Не грубил ли родителям?

Если и грубил, опять подумал я, то за это был уже наказан. И я снова не признался. Видя мою непонятливость и несговорчивость, исповедник попросил, чтобы на его вопросы я отвечал только «грешен, батюшка». Исповедь, таким образом, скоро закончилась, я причастился и после однодневного поста поел с небывалым аппетитом.

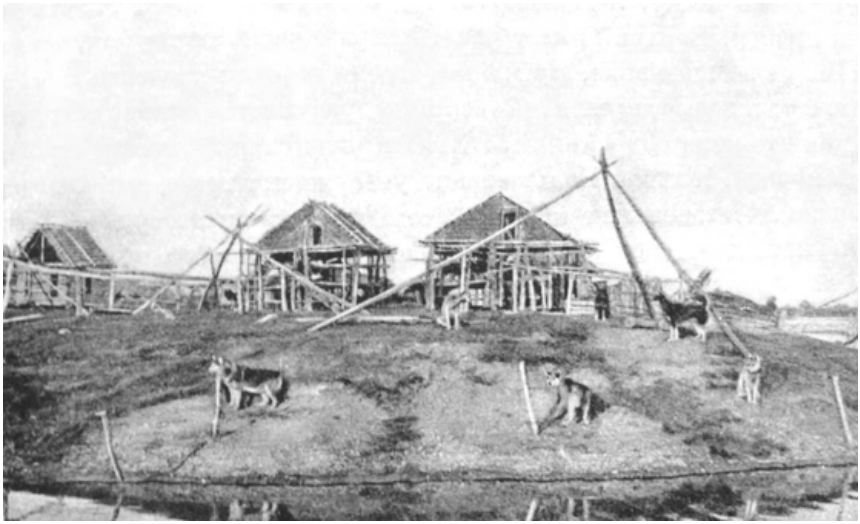
Помню ещё одну встречу, но только уже с высшим духовным липом. Из Гавани проезжал через Большерецк архимандрит. Вместе с другими избами посетил и нашу. Справившись у родителей о поведении детей, он наделил каждого из нас ситцевым кулёчком с конфетами. Для нас, не балованных сладостями, фунт «Чёрной смородинки», когда каждая конфетка была завёрнута в бумажку, был равносилен получению богатого состояния!

Я с нарочитой подробностью показал некоторые детали, желая тем самым лучше передать взаимоотношения духовного наставника с прихожанами, а попутно и показать частицу обычаев большерецких жителей.

Дети и бабы избегали встреч с приставом. Фамилия Шикер[4] выдавала его немецкое происхождение. Белое, гладко бритое и холёное лицо портил длинный нос, имевший сходство со спинным плавником горбуши. Упитанная фигура, облачённая в светло-серый мундир с эполетами на плечах, шёлковой тесьмой через плечо и наискось по груди к поясу из благородной ткани придавали ему официальный и строгий вид. Лакированные, с широкими голенищами остроносые сапоги и фуражка с кокардою на голове придавали важность. Всё это при встрече и разговоре с ним повергало жителей в страх. В церкви он степенно стоял возле клироса, являя пример благопристойности. Жил в большей части просторной и светлой двухквартирной избы, крытой волнистым железом. Большие окна с затейливым рисунком на наличниках, выкрашенные в светло-голубой цвет, делали жилище привлекательным, внешне не уступавшим двум-трём другим большерецким избам, со стенами, защищёнными оцинкованным железом, и богатой отделкой внутри.

Моё близкое знакомство с приставом в домашней обстановке произошло не случайно. Отец привёз из Гавани большой пакет с сургучной печатью и велел вручить его приставу. Я испугался, но ослушаться не посмел. Пока Шикер читал бумаги, я стоял около порога, любуясь хрустальной сахарницей, отражавшей на кованом сундуке разноцветные лучи солнца. В душе я таил надежду, что, возможно, за услуги меня угостят конфетами. Пристав догадался и осведомился о наличии сахара в нашем доме. Я сказал, что когда сахар бывает, то его первым делом дают младшим и лишь после этого маленький кусочек перепадает мне. Пристав усмехнулся, взял сахарницу и высыпал содержимое в мои озябшие руки. Видно, другого угощения, состоящего из конфет, пряников или печения, у него не было.

Жители Большерецка в 1922 году. Фото С. Бергмана



На реке Гольцовке. Балаганы и собачий лагерь, 1910-е годы

Распаривание бата (из фондов КГБУ ККОМ)

К близким соседям он ходил запросто и от скуки играл в картишки. Не будучи пожилым, Шикер имел пристрастие к молодым особам прекрасного пола. Семь моих тётушек, дочерей дедушки, были обучены грамоте, неплохо танцевали, считались первыми модницами на селе и приятно выглядели внешне. Они-то и были частыми гостями у белобрысого немца на чаепитиях и праздниках, лакомясь сладостями и благородным вином, доставленным на собаках из Гавани. Один раз, помню, под Новый год, я встретил их весёлыми, в праздничных нарядах, густо обсыпанных конфетти. Читатель может посчитать это за вымысел, но я должен просить его набраться терпения до конца этой части, где он найдёт разъяснение об источниках культуры в Большерецке.

Но вернёмся к нашему герою, олицетворявшему высшую власть на селе и в волости. В дополнение к ранее сказанному о его хлопотах по строительству мастерской и организации обучения в ней молодёжи ремеслу, следует напомнить ещё и о другом, заслуживающем признательности. Некоторые местные жители временами пытались заниматься купечеством, тайно продавая вместе с другими товарами спиртные напитки. Добрые отношения с такими «коммерсантами» не мешали приставу вместе с привлечённым старостой изымать у них алкоголь и уничтожать его.

Скрылся Шикер в момент укрепления советской власти на Камчатке при довольно неприятных обстоятельствах. Он сменил полицейский мундир на рабочую одежду и сплыл на кошку, ожидая пароход. Там его встретил прежний соперник по женской части из русских, участник сооружения телеграфа до Большерецка, ехавший верхом на лошади. Этот всадник имел сведения о неверности жены, которую очаровал светловолосый Шикер. Гулявшего по прибойной полосе обольстителя ревнивый муж попытался ударами плети загнать в штормовое море, но за пристава заступились оказавшиеся поблизости другие пассажиры, и тем инцидент был исчерпан. Этим позорным случаем закончилось долгое и безмятежное пребывание в Большерецке блюстителя прежней власти.

За время четырёхклассного обучения в большерецкой начальной школе я был знаком с несколькими учителями. Все они учили нас в пределах привычной программы, не возбуждая творческой инициативы к общественной деятельности. Из-за этого и ещё по причине частых и разнообразных наказаний за шалость и непонятливость, учёба превращалась в настоящую пытку. Наказывали нас ударами линейки по голове, щелчком по лбу, таскали за уши и волосы, ставили в угол на колени.

Мой последний учитель, с кокардой на фуражке, во френче с медными пуговицами, обутый в серые валенки, разукрашенные красными завитушками по голенищам, страдал плохой подвижностью конечностей. Его руки и ноги почти не сгибались, и чтобы ударить рукой, он вынужден был при помощи левой приподнимать правую, которую со страшной силой ронял на голову несчастного. Такой удар я испытал сам, и вот за что.

Закон Божий в школе мне давался легко, ибо похождения святых воспринимались мною за сказочные приключения. В сравнении с другими одноклассниками я прекрасно владел церковно-славянским языком и без запинки читал псалтырь и другие священные книги.

Однажды учитель в очередную вечерню велел в церкви прочесть мне «Слава в вышних Богу и в человецех благоволение...» Подростком я был робким, и, когда настал час чтения, меня стало трясти. Я никак не мог преодолеть психологический барьер, возникший вследствие соседства молившихся прихожан, певчих и священника, махавшего дымным кадилом и воспевавшим псалмы. Учитель, стоявший тут же с нами, учениками, два раза сердито подтолкнул меня, но я даже и не приступил. В классе он сначала осведомился, почему я ослушался его в церкви, а потом ка-а-а-к «благословит» меня кулаком по темени вышеупомянутым способом! Я так и присел. Мне показалось, что небо треснуло. Он схватил меня за ухо, выволок из-за парты и бросил среди класса на колени. Ушная раковина, как мне почудилось, затрещала. Из-за боязни получить наказание ещё

и дома, жаловаться на подобные сцены родителям мы, школьники, конечно, не смели.

Стоит ли говорить о жестокости этих воспитателей, ведь их когда-то тоже так же учили. Поэтому они были так далеки от первых учителей, которых присылала в Большерецк пришедшая советская власть.

О докторе я знаю мало, так как общался с ним редко, помню лишь, что принимал он больных в своей горнице. Скляночек с лекарствами у него имелось немного, и отвешивал он снадобья на маленьких чашечных весах, что немало удивляло меня. А лечил он, видно, не столько, сколько следил за возникновением эпидемий.

Сколько я не беседовал с приезжими, они всегда считали нас и ближних предков из ительменов народом отсталым и невежественным. Может, такое суждение было бы правильным по отношению к северным сёлам полуострова, где влияние русских оказывалось слабее, но я продолжу разговор о Большерецке.

Иной молодой человек зайдёт в гущину шеломайника и, не зная истории Камчатки, думает, что тут ещё до него не ступала нога человека. Однако это далеко, далеко не так.

С начала 1700 года география Камчатского полуострова интенсивно изучалась. Расстояние от острога до острога с тех времён было измерено с точностью до одной сажени. Были нанесены на карту реки, горы, очертания суши, граничащей с морем, тундры и жилые места. Русские люди, посетившие Камчатку, — от обыкновенных служилых, боярских детей, закащиков и приказчиков до духовенства, чиновников, геодезистов, мореплавателей и исследователей, — несомненно, оставили здесь частицу культуры. В этом отношении, на мой взгляд, Большерецкий острог, превратившийся потом в село, уникален.

Ещё много раз читатель будет сомневаться в достоверности приведённых мною фактов, особенно при знакомстве с местными обрядами, одеждой, способами приготовления пищи, празднованиями, танцами, песнями и многими другими бытовыми и культурными обычаями. Но удивляться действиям

моих сородичей, передаваемых мною с фотографической точностью, не следует, и вот почему.

Несмотря на то, что статус столичного поселения Камчатки перешёл от Большерецка к Петропавловску, жители, впитавшие культуру «интеллигенции» острога в лице служителей приказной избы, продолжали не только хранить её, но и умножать. Например, вследствие общения с уездным центром путём ежегодно совершаемых туда поездок для продажи пушнины. Или возвращением домой подростков, окончивших в Гавани среднюю школу. Вместе с навыками городской жизни эти парни привозили книги: от сказочных былин и библии до учебников по физике.

Проезжие коммерсанты, доставляя каждый раз новые товары, парфюмерию, галантерею, костюмы, школьные принадлежности и многое другое, вольно или невольно не давали большерецким жителям не только забыть старое, но и позволяли им поспевать за новой модой, о которой я буду говорить позже. Конечно же, тот, кто мало промышлял или вовсе не выезжал на охоту, только дивился предметам роскоши и одежде второстепенной важности, но те, кто теперь хорошо зарабатывал на рыбалке и кому сопутствовала удача на промысле пушного зверя, могли позволить себе некоторую вольность в расходовании денежной выручки. Кроме того, надо учесть близость к Камчатке таких богатых и влиятельных соседей, как Япония и Америка.

Япония, например, помимо своей воли, вдоволь и бесплатно снабжала жителей рыбными снастями с верёвками и стальными тросами, гвоздями, отходами жести и сортового железа, солью и кадушками. Как это происходило?

Штормы рвали ставные невода японских рыбопромышленников и выбрасывали их части с верёвками и тросами на берег кошки, где большерецкие жители без опаски собирали их. Проволоку, гвозди и жесть с железом набирали на свалке как производственные отходы заводов, а соль с кадушками, хранившиеся открыто и без охраны, запросто воровали зимой.

Вряд ли кто из старожилов не знает могущественную Русско-Американскую торговую компанию, снабжавшую

Камчатку через свои фактории всем — от лопат, топоров и пил до охотничьего снаряжения и нарезного оружия, не говоря уже о зерновых продуктах и жирах[5].

Источником благополучия жителей Большерецка теперь был устойчивый заработок на рыбных промыслах, доходы же от добычи пушнины многих в это время не столь уж и интересовали. Все эти экономические факторы дополняли духовную преемственность русской культуры на Камчатке, в том числе и в Большерецке.

ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ

Ещё во время нахождения студента Крашенинникова в Большерецком остроге, то есть в 1737 году, там, кроме кабака с винокурнею, уже стояла часовня. До выхода его труда «Описание земли Камчатки» в 1756 году уже упоминалось о наличии в Большерецке церкви «Во имя Николая Чудотворца». Я же, родившийся в октябре 1910 года, помню церковь с первых дней моей сознательной жизни и, во всяком случае, не позже, как с 1916 года.

Здание церкви, обнесённое оградой из штакетника, стояло посреди села, сообразно своей значимости и величине. В ограде покоился прах именитых большерецких особ из духовенства. С большим позолоченным куполом и крестом в середине железной крыши и двумя маленькими такими же сооружениями по конькам, здание церкви являлось центром всей волости.

Просторное крыльцо во всю западную стену с тремя ступенями примыкало к частично остеклённой стене сеней с колокольней и лестницей к колоколам. Самый большой колокол весил, вероятно, не менее десяти-двенадцати пудов и соседствовал с пятью другими, равномерно уменьшавшимися в весе до двадцати-тридцати фунтов.

Вместительная паперть по большим праздникам принимала до четырёх-пяти сотен прихожан. Между папертью и алтарём по правую руку находился клирос с певчими, а в пустоте вместо потолка против основания большого купола

висела огромная люстра, называвшаяся, кажется, паникадилом, с массой горевших в торжественных случаях свечей.

За царскими вратами на алтаре в равном отдалении от южной и северной стены возвышался престол, за которым мог стоять только священник, отправляя службу. На этом же престоле лежали не менее двух крестов и Евангелие, стояла чаша для причастия, может быть, не золотые, а оправленные им. В эту часть церкви, кроме пономаря из отроков, заправлявшего кадило по левую руку попа, вход посторонним ограничивался, а особам женского пола — почитался за великий грех.

В престольный праздник, день Пасхи, служба проходила ночью, торжественно, с обходом вокруг церкви с богослужением и зажжёнными факелами.

Мы, подростки, да и взрослые, присутствуя при ночной службе с зажжёнными свечами в руках, временами засыпали стоя и потому не только поджигали праздничную одежду стоявшего впереди соседа, но и подпаливали его волосы на затылке или туго сплетённую косу девчонкам.

Жители северных сёл — Утки, Кихчика да и Малок — в культурном отношении оказывались слабее большерецких. На их долю приходился меньший выбор товаров от проезжих купцов, поэтому у этих прихожан костюмы были далеко не соразмерны их возрасту: или малы, или слишком велики. Тужурки бывали иногда чуть-чуть выше колен, с длинными рукавами. Такой наряд мешал креститься, так как из рукавов виднелись лишь кончики пальцев. Это несоответствие одежды возрасту смешило взрослых, а нас, подростков, так и особенно. Поэтому случалось, что нам порядочно доставалось за насмешки в церкви.

Но вот на рассвете служба завершалась, лучший звонарь отбивал перезвон, прихожане, преисполненные торжественностью обряда, расходились по избам, наспех утоляли голод и ложились спать. Мы же, подростки, услышав первый звон, отправлялись на колокольню, где в этот праздник разрешалось трезвонить всю неделю, не боясь церковного старосты и истопника.

Ещё следует отметить две необычные службы: в праздник Крещения Господня 6 января и Иоанна Крестителя весной. К первому празднику вырубали на реке из толстого льда куб, называя его престолом, массивный крест и прорубь. После молитвы над лункой хозяева изб наполняли бутылки «святой» водой, относили их домой и подвешивали в горнице в углу за полочкой, ниже божницы. Пользовались этой водой в исключительных случаях в основном женщины, давая домочадцам по глотку во время мнимого наваждения нечистой силы. В тот же день, как я уже упоминал, такой же водой поп святил и внутри избы.

Второй праздник, начинавшийся службой в церкви, прерывался. Продолжали службу на спаромленных батах с настилом, сплавляясь на них по реке Манаковой от восточной до западной окраины села.

В Троицын день стены церкви сплошь обвешивались, а пол устилался весенними цветами.

Церковь принимала жертвы. Человек, попавший в беду, например, заболевший, мог дать обещание принести жертву в случае выздоровления или предотвращения гибели от стихии себя, родственников, имущества. Жертва состояла из какого-либо дара. Более весомым и не стоившим денег являлся рогатый скот. Помню, моя мать дала такой обет перед выздоровлением, обещавшись пожертвовать пёстреньким бычком. Я с отцом к концу службы привёл к церкви лоншачка, где его продали с аукциона, а выручку определили в доход прихода.

Вера в высшую духовную силу, наблюдения за исполнением в связи с этим разнообразных обрядов позволяло приезжим больше общаться не только с жителями Большерецка, но и других селений. Здесь отстающие в культурном отношении могли лучше присмотреться к нарядам других, увидеть необычно накрытый по случаю праздника стол, услышать городские новости, послушать речи более грамотных людей и вообще как-то встряхнуться от однообразной жизни. Проповедование слова Божия уводило как тех, так и других от действительности, вселяя надежду на

иллюзорную загробную жизнь при благопристойном поведении на земле.

Церковь сгорела, вероятнее всего, в зиму 1918 года. Под неё переоборудовали вместительный дом попа.

Со строительством телеграфной линии, протянувшейся в трёх верстах от Большерецка, волостной центр был перенесён в Усть-Большерецк. Теперь Большерецк лишился помощи окрестных сёл прежнего присуда, в том числе и содействия в возведении новой церкви.

Желая восстановить былой престиж Большерецка, жители обратились за помощью к известному нам Еновскому. Рыбопромышленник согласился возвести церковь бесплатно. Для этой цели он при помощи катера доставил по Большой реке партию шпал и выслал в село артель строителей из китайцев с длинными косами.

Во время закладки церкви после служения молебна в присутствии молодой и очень красивой жены Еновского, наш теперь уже дряхленький священник, по обычаю, должен был срубить первую «лапу», но топор у него при ударе из рук выпал, присутствующие ахнули этой плохой примете, и всем стало ясно, что церковь не будет выстроена. Их опасения сбылись.

Открытие первой школы на Камчатке совпало с завершением принятия аборигенами христианской веры. Эту школу по распоряжению командора Беринга открыл в 1741 году в Большерецке участник Второй Камчатской экспедиции адъюнкт Академии наук Георг Стеллер.

Сельская школа давала знания в пределах четырёх классов, а после этого желающие могли учиться в школе Петропавловска, живя в интернате.

Обучались арифметике, русскому языку и Закону Божьему. Из пособий было много рисунков с изображением разнообразных животных и растений.

В школе не бывало таких пышных церемоний, как в церкви, или каких-либо других, кроме, пожалуй, деревенских сходок. Но надо иметь в виду, что даже на первых порах деятельности школы в ней преподавали такие высокообразованные

учителя, как Пётр Логинов, который, окончив Московскую славяно-греко-латинскую академию, обучал детей в Большерецке с 23 августа 1745 года.

Кроме этих двух культурных очагов и фельдшерского пункта, как я уже упоминал, была мастерская. Но самым главным местом веселья молодёжи служила любая просторная горница в избе, периодически занимаемая под «вечёрку». Мы, подростки, после обедни в воскресенье за одну конфетку на каждого принимались бегать по всем избам, извещая, что «вас приглашали на вечёрку».

ВЕЧЁРКИ, ПРАЗДНИКИ, СВАДЬБЫ И ИМЕНИНЫ

Танцы на вечёрке начинались с польки, которых было не менее трёх. Одна, я помню, называлась «Оира». Большинство танцев исполнялось с припевом, например, у одной из полек припев был такой:

Раньше польку танцевали
В Петербурге и Москве.
Нынче полечку танцуют
В большерецком тальнике.

Этот припев был созвучен тем играм и танцам, которые молодёжь исполняла весной, выходя за околицу, на полянке, среди цветов или тальников, или возле речки.

Следующим танцем был краковяк, исполнявшийся тоже с припевом:

Русский, немец и поляк
Танцевали краковяк.
Русский пукнул, немец пал,
А поляк совсем пропал.

На нелитературное слово в этом припеве никто не обращал внимания, ведь его из песни не выкинешь.

За этими двумя танцами начиналась весёлая и стремительная «восьмёрка», которую исполняли поочерёдно, то попарно, то вчетвером, взявшись за руки и кружась на месте.

Подвижная «восьмёрка» сменялась плавным вальсом «На сопках Манчжурии» или ещё каким-либо.

Продолжалась вечёрка танцами «Коробочки» и «Подъыспанью», а за ними танцоры под звуки тальянки снова срывались с сидений, чтобы исполнить «чижика», такого же темпераментного, как и «восьмёрка», но только с припевом:

Чижик, чижик, где ты был?
На Поганке водку пил.
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.

После этих танцев, то не очень быстрых, то совсем плавных и спокойных или весьма увлекательных и стремительных, отдельные весьма редкие парочки выходили на исполнение красивой и ритмичной «мазурки».

«Камаринскую», «подгорную» и «барыню» на вечёрках почти не плясали. Эти пляски исполняли женатые на именинах и свадьбах. Пляски сопровождались припевами, но я их воспроизводить здесь не буду, так как некоторые сопровождались нелитературными выражениями.

В этих плясках, исполнявшихся парой, женщина приставляла руки к бокам и, плавно приплясывая и помахивая платочком, временами выкрикивала: «Ких, ких, ких!» или «Киха, кихах, киха!», медленно кружилась, прихватывая иногда двумя пальцами подол широкой складчатой и длинной юбки.

Особенно запомнилось мне исполнение «барыни», которую плясали под равномерное хлопанье в ладоши и с припевом:

Барыня, барыня,
Барыня-сударыня.
Угорела, угорела,
Много сахару поела.

Её исполняли медленно, с достоинством и мелким приплясом, сделав при этом наисерьёзнейшее лицо, глядя на которое казалось, что для танцующих, особенно мужчин, нет на свете ничего более значительного, чем совершение «колен», подобающих этой пляске.

Танцы на вечёрках, как правило, чередовались с песнями. Парень, взяв под руки приглянувшуюся девушку, присоединялся к другим таким же парам, двигавшимся по кругу внутри помещения. Звуки песни, то заунывные, то умеренно весёлые, а то и с комичным содержанием, неслись в бревенчатой горнице с иконами, несшими на святых ликах печально-благородную скорбь. Завершались песни обязательными поцелуями парующихся, порядочно употевших от веселья.

Содержание ни одной из песен, к сожалению, я не запомнил, так как сам их не исполнял, а только слушал. Ведь в ту пору я был всего лишь юношей. Сейчас припоминаю лишь названия отдельных песен, как-то: «Жёлтенький песочек», «Не пора ли, гуси-лебеди, домой», «Во саду ли, в огороде», «Со вьюном я хожу, со вьюном гуляю», «Сиди дрёма, сиди не дремай», «Потеряла я колечко», «Во лузьях» и многие другие.

Надо заметить, что с ростом благосостояния устроители вечёрок частенько преподносили на подносе всем участникам угощение в виде конфет с печеньем. Этого часа мы, приглашённые, ждали с нетерпением и допоздна, отчего дома от родителей не раз получали ремня.

Ранней весной, как только оголялась уставшая от снега земля, нестерпимо тянуло в лесок к костру, особенно женщин. В это время они с детьми, приятными кушаньями в кулёчках и чайниками уходили в ближайший тальничек и здесь, на молодой травке, среди щебета хлопотавших птичек и журчания хрустального ручейка, устраивали чаепитие.

Чуть позже в таком же составе ходили на «репище», где сообща вскапывали землю, высевали семена репы и огораживали участок от скота валежником. Тут же варили кашу из кислиницы — дикого щавеля, утоляя жажду организма в кислоте, накопившуюся за долгую зимнюю пору. Осенью урожай репы, отдельные экземпляры которой достигали величины суповой тарелки, делили между участниками.

Самым массовым и весёлым были Троица и Духов день. После обедни за околицей на полянке молодёжь устраивала массовые игры: «Горелки», «Разлучники», «Кошки-мышки», «Кнут» и многие другие.

Женились молодые люди в большинстве по своему согласию, получая при этом благословение родителей. Обвенчанные справляли свадьбу, продолжавшуюся три дня. На невесте обязательно красовалась фата, а на ногах — ботинки. Из какого бы металла не были сделаны обручальные кольца, они обязательно выделялись на тёмных пальцах новобрачных.

Угощения состояли из разнообразных рыбных и мясных блюд и пирога с мясным фаршем из сдобного, покрытого подслащённой ягодой теста. Веселила гостей чайного цвета брага, изготовленная из мучной закваски, хмеля, сахара и изюма. Иногда брага оказывалась такой крепкой и так бродила, что как-то в нашей прихожей при наклоне бочки газом вытолкнуло пробку и влепило её в изображение страдальческого лица Варвары-великомученицы, а икону Николая Чудотворца на божнице сплошь окатило гущей. О калыме понятия не имели, но приданым родители наделяли. Невеста, как правило, переходила в дом к жениху.

Именины пышно справлялись взрослыми, а на день ангела детей приглашались крестная с крёстным и самые близкие родственники, а то обходились и без них, в узком семейном кругу.

Приятное воспоминание осталось у меня от коллективной вскопки огорода и посадки на нём картофеля. Близкие и, по возможности, приятные соседи приглашались на помощь. Женщины в чистенькой одежде вскапывали огород. В этой работе хозяйка почти не участвовала, а пекла белые булочки, шанежки с творогом и, уж конечно, готовила пирог с рисом и жирными чавычьими пупками, с пережаренным многолетним луком. Сама пупочка от брюшка была толстой и настолько жирной, что когда вкушали её сероватый жир с кожей, то он приятно похрустывал.

После обеда, далеко за полдник, когда натрудившиеся женщины, натешившись густо заваренным чаем с кусковым сахаром, уходили по домам доить своих коров, на смену им приходили мужики, чтобы «поднять грядки».

Работа в этот день, сопровождаемая сельскими новостями и пересудами, спорилась. Много шутили. Такая помощь

превращалась в своеобразный бытовой праздник. Эту услугу хозяева после отрабатывали на таких же условиях. Также сообща производилась менее увлекательная внутренняя побелка избы белой глиной.

О религиозных праздниках можно говорить много, их насчитывалось не менее двадцати. Но угощение, выставляемое на стол в горнице, полагалось только на Пасху и Рождество. В эти, да и другие праздники или иные торжественные случаи, желая умалить достоинства своего угощения, хозяин обычно приглашал гостя словами: «Милости просим на стакан чаю». Если гость обещал придти, то отвечал: «Ваши гости». Мы, посыльные, обращались к желанному гостю со словами: «Вас приглашали на стакан чая».

Вошедший в избу гость, крестясь на образа, первым делом сообразно торжественному случаю поздравлял хозяина, скажем, с днём рождения, праздником, Новым годом, новобрачных с законным браком, а в день Пасхи — так и возгласом «Христос воскрес!», получая ответ: «Воистину воскрес!» При приветствии женщины обычно дружески целовались.

В день Пасхи на отдельном столе в горнице устанавливались от трёх до пяти куличей величиной от ведра до кружки, в зависимости от состоятельности хозяев. Наиболее удачно выпеченным считался тот кулич, который, сообразно толщине, был достаточно поднявшимся в высоту. Приземистых, как неудачных, гостям на показ не выставляли. В относительно прохладном и влажном климате сдобные куличи сохранялись в чулане до Троицы, и в этот день, спустя сорок дней после Пасхи, расставались с ними до будущего торжества через год.

Холодную закуску, состоявшую из студня, жареного лебедя, оленьего задка, мойнока — куска говядины от шеи с кожей, жареных уток и чавычьих пупок, маринованных в уксусе с горчицей и перцем, могли закусить за накрытым столом приглашённые и незванные гости. Эти гости после холодной пищи с удовольствием наслаждались горячим чаем с куличом. Всего этого нам, детям, да и остальным членам семьи, не полагалось. Мы могли довольствоваться только остатка-

ми от праздничного стола. Да иначе и не могло быть: ведь лучший кусок всегда предназначался гостям.

Яйца зимой стоили немалых денег, их привозили из Гавани редко, да и то люди состоятельные, поэтому на Пасху обходились без них. Куличи выпекали все, без исключения, из лучшей белой муки с изюмом и пряностями, как-то корицей, шафраном, мускатным орехом, кардамоном и гвоздикой. Макушку кулича поливали густым раствором сахара, посыпали маком и украшали специальными розочками из застывшего крема.

Не всякая хозяйка владела искусством приготовления куличей. Требовалось соблюсти определённые пропорции муки, растительного масла и сахара при закладке. Во время замеченного подъёма теста в форме, при посадке в печку следовало не «уронить» его, иначе сдоба могла получиться клёклой, а кулич — приземистым.

Во время ночной пасхальной службы одна из моих тётушек, родители которой жили куда состоятельнее нас, частенько брала меня, подростка, с собой для выпечки куличей, не как помощника, а из-за страха, сопровождавшего одинокого человека ночью. Тут я, будучи один без своих братишек и сестрёнки, без стесненья лакомился изюмом и вдоволь наедался пряным тестом.

Помню, как мы с отцом перед Рождеством смастерили из реек и цветной бумаги звезду. В одной избе, когда я, стоявший впереди остальных детей, запел: «Рождество твоё, Христе Боже...», наше хрупкое сооружение вспыхнуло, и мы едва избежали пожара.

Рождество праздновали три дня, также с угощением, но без куличей. В этот торжественный день дети ходили по избам, славя рождение Христа, за что в состоятельных семьях получали медяки и конфеты, а в бедных — одни конфеты или даже ничего.

Особо отмечали Новый год. Ёлки в прежние времена не ставили, игрушек детям не дарили, но Деда Мороза признавали. Обязательным блюдом под Новый год были пельмени, которые готовили по неимению свинины из говядины. Ели

их с наваристым и душистым бульоном. В иное время их, также как и блины, не делали.

Вот как провожали старый и встречали Новый год. Ровно в полночь раздавался первый выстрел. Ему отвечали тем же из других изб. Каждый пытался последний выстрел оставить за собой, поэтому стрельба продолжалась до получаса. Стреляли перед собой в воздух и наотмашь, через левое плечо, приговаривая: «На тебе, на язык», что означало: «Дьяволу в старом году прямо в рот». Иногда молодёжь, наполнив бутылку порохом, при помощи подожжённого шнура взрывала её, приветствуя тем самим рождение Нового года, а с ним и нового счастья. Любого встречного приветствовали возгласом: «С Новым годом!», тот же отвечал: «С новым счастьем!»

После этой радостной и тревожной ночи со стрельбой многие хозяева наутро не досчитывались ездовых собак, так как перепугавшиеся животные, срываясь с цепи, вольно носились по селу.

Я чуть было не забыл рассказать о весёлых и шумных маскарадах и таинствах гаданья, предшествовавших Новому году. Молодые и пожилые женщины рядились в мужскую одежду, а мужчины — наоборот, или вообще во что могли и как умели. Закрыв лицо, ряженые отправлялись гурьбой по избам. Если кого опознавали, он честно должен был признаться и раскрыть лицо. Ряженые плясали, скоморошничали, пока их угадывали, а если фигуру, одетую в мужскую или женскую одежду признавали, и под ней оказывалось лицо, которое невообразимо было заподозрить в проделках ряженого, изба заполнялась смехом.

Молодёжь увлекалась гаданиями. Они были разные, но все сводились к пожеланию в будущем счастливого бракосочетания. Вот некоторые примеры.

Если при переборке частоколин и произношении слов «вдовец-молодец» рука останавливалась, скажем, на «вдовце», то такая примета ничего доброго не сулила. А если на поверхности замёрзшей воды в ложке оказывались два пупырышка — в новом году будет свадьба. На ночь глотали

напёрсток соли. Если во сне девушка напоит водой, быть свадьбе. Совали руку в дымоход бани по-чёрному. Если коснётся голая рука, жених будет бедным, мохнатая — богатым. Если две плавающие на воде в блюдечке иголки встретятся остриём, свадьба неминуема. Слушали звуки в избе, кидали через неё башмаки, потом едва отыскивая их в глубоком снегу. В полночь, сидя перед зеркалом с двумя свечами, надеялись увидеть в нём образ наречённого.

Всю неделю на масленицу ели сами и угощали гостей блинами, как без приправы, так с маслом и сахаром. Но стоило празднику кончиться, как блины исчезали до возможных поминок или следующей масленицы. Недаром я по своей детской глупости однажды, говорят, сказал: «Скорее бы ты, мама, умерла, хоть бы тогда блинов вдоволь поели!» И правда же, теперь кажется странным, почему есть пельмени, блины и холодец полагалось обязательно только раз в году, а кисель и компот — в день именин?

Масленица сопровождалась массовым катанием молодых людей на собаках. Даже взрослые из-за этих блинов порою ездили в соседние сёла. Заканчивалась масленица Прощёным днём. В этот день гость, приходя в избу, склонялся перед хозяином и хозяйкой со словами: «Прости меня». Стоявшие хозяева отвечали: «Бог тебя простит». Этой процедурой грехи, накопившиеся за год перед данным лицом, снимались, а масленица завершалась.

Но вот завершалось празднование масленицы, миновали Крещение и Сретение Господне, начинался семинедельный Великий пост до новой Пасхи.

НОСИТЕЛИ МОДЫ И ОДЕЖДА

Моду перенимали не только от сельской интеллигенции и проезжих купцов, торговавших одеждой, но её образцы привозили из Гавани вместе с покупками, приобретёнными в магазине известной на Дальнем Востоке торговой фирмы Чурина. Кроме того, в семье дедушки водился журнал «Нива», где, как мне помнится, встречались статьи на

бытовые темы, о моде, способах косметического ухода за кожей лица и другие.

Изучив выкройки, мои многочисленные и любознательные тётушки сами кроили и шили одежду на ручной машинке, задавая моду остальным.

Надо заметить, что корякская одежда, носившаяся зимой, приятно разнообразила примелькавшийся фон матерчатого платья. Эти меховые одеяния, сшитые из выделок оленьей кожи, опушенной собачьим мехом, были прочными, мягкими, тёплыми и удобными. Их разнообразный по цвету и форме орнамент, украшенный бисером и кисточками из тонких ремешков, придавал носившему их каюру богатый и элегантный вид.

Различали одежду зимнюю, летнюю, рабочую и «церковную», как мужскую, так и женскую. «Церковным» называли надевавшееся при посещении церкви и гостей. В церковь мужчины наряжались в сорочку с «бабочкой» на воротнике и запонками, костюм-тройку или без жилетки. На ноги вместо юфтевых сапог иногда натягивали торбаса из чёрной замши — особо выделанной кожи утробного оленёнка, со светло-жёлтыми подошвами из медвежьей кожи.

Зажиточные модники щеголяли даже в остроносых сапогах с широкими лакированными голенищами, производя при ходьбе назойливый скрип.

Мужчины среднего и пожилого возраста носили короткие стрижки, молодёжь стриглась под «польку».

Особы женского пола иногда пользовались даже корсетом. Внешность девушки или молодой женщины делали привлекательной светлая кофточка с узкими и длинными рукавами и выступавшими складками на каждом плече, с высоким стоячим воротничком, застёгнутым на многочисленные пуговки, и перехваченная широким поясом в талии вместе с длинной и чёрной юбкой. Пояс мог быть из теснённой кожи с металлической пряжкой или прорезиненный изнутри, с верхом из бархата, на крючках или кнопках.

Тёмно-коричневые башмачки на каблуке средней высоты приятно облегали ноги, на которых, благодаря повсед-

невной носке просторных и мягких торбасов, не вырисовывались суставные косточки. Голову украшала копна тёмных жёстких волос, причёсанных в стиле японских дам, с большой шишкой, закреплённой между теменем и затылком.

Женщины понятия не имели о бюстгальтере, взамен него носили лифчик. Поверх длинных штанов с завязками надевали нижнюю юбку, которая в торжественных случаях могла быть обшитой по подолу даже кружевами. Уши модниц украшали большие круглые серёжки из серебра или золота. Гребёнки носили и без украшения, и со стеклянными самоцветами. Головной убор состоял, как правило, из платка или шали, поэтому, когда я впервые увидел на голове у жены Еновского шляпку с небольшими полями, украшенную пером и бантом из ленты, был необычайно поражён.

Пожилые бабы, конечно же, ленты не вплетали, а надевали на голову чёрную сеточку или весьма нарядную кружевную наколку. Вместо юбок наряжались в длинные платья со складками, поэтому при ходьбе весьма элегантно придерживали подол пальцами правой руки. Они же носили короткие фартуки, а девушки рядились в фартуки с наплечниками, отделанные по краям оборками.

Эту «церковную» одежду и обувь женщины и мужчины носили подолгу и с величайшей бережливостью, в зависимости от финансовых возможностей, торжественности случая и сообразно возрасту. Я видел, например, у отца с матерью венчальную одежду и обувь двадцатилетней давности.

Зимняя рабочая одежда мужчин состояла из двойных штанов, галанки с косым воротником и длинным подолом, сшитой из плотной ткани, стёганой жилетки на вате, меховой шапки и суконного полупальто. При дальних поездках или выездах на охоту на собаках каюр наряжался в куклянку — длинную меховую шубу с капюшоном, сшитую из двойной кожи оленёнка, или парку — шубу из оленьей шкуры с подстриженной шерстью, чупахи — меховые шаровары и малахай — меховой капюшон. Ноги от стужи надежно защищали чижи — меховые чулки и камусы, надетые поверх их.

В светло-жёлтых ровдужных рукавицах руки не настывали и не отпотевали. Рукавицы шились на меховой подкладке, с прорезью около запястья, оторачивались лоскутом шкурки пушного зверя, не проданного хитрому коммерсанту, забраковавшему её по какой-либо причине. Беглая цветная строчка незатейливого рисунка с противоположной стороны прорези, служившей для просовывания туда руки во время работы обнажёнными пальцами на лютой стуже, превращала этот вид одежды каюра в своеобразное произведение искусства.

Нижнее бельё, как мужское, так и женское, было сшито из грубой белой и ноской материи, называемой «дрелью». О трусах понятия не имели. Вместо них в любое время года носили длинные подштанники с широченными гачами (нижними частями. — *Ред.*), подобные женским штанам.

Рабочая одежда шилась из демиса и трико, схожих с тонким брезентиком, преимущественно чёрного или грязно-синего цвета. Эти ткани считались немаркими и носились до тех пор, пока можно было стёжить заплаты, пришиваемые крапивными нитками.

Голяшки и переда торбасов изготавливались, как правило, из выделанной кожи оленя, добытого зимой, с подошвами из кожи медведя, коровы или коня.

Осенняя шкура оленя свищеватая, поэтому на торбаса не употреблялась, также, как и нерпичья, пропускавшая воду. Женщины тачали торбаса с прошвой, жильными нитками, сучившимися из прядей спинной жилы от оленя или рогатого скота. Для того чтобы обувь не пропускала воду, была мягкой и дольше служила, её периодически смазывали, но только медвежьим жиром и, по возможности, внутренним. Сушить эту обувь, как и меховую, надлежало на вольном воздухе.

Из обуви ещё запомнились кожаные ботфорты на толстой подошве, соединённой с передами медными гвоздями, о приобретении которых я долго мечтал. Они состояли как бы из сапог, голенища которых не были цельными и потому зашнуровывались от верха передов до колен.

ПРОДУКТЫ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ

Основными продуктами были рыба, мясо диких животных и картофель. Реже употреблялись говядина, рис и молочные продукты. Кроме этого в пищу шли дикие травы, коренья и ягоды.

Наибольшие сложности с продуктами начинались в конце зимы и начале весны. За долгую зиму мороженые с осени свежий кижуч, голец, мясо медведя и оленя, да и говядина усыхали и выветривались, покрываясь слоем горечи. Каждодневные однообразные блюда, приготовленные из таких продуктов, картошки и солёной рыбы, без квашеных овощей, приедались до невозможности. Не только есть, но и смотреть-то на них, бывало, не хотелось.

Разнообразие в еде появлялось с отёлом коров и появлением весенних гольцов после таяния льда на реках и обнаружения на их косах притонений с неводом.

Говоря о еде, нельзя не упомянуть о юколе — сушёной рыбе. Её готовили из всех пород: от царицы большерецких вод — чавычи — до горбуши. Качественно заготовленная юкола при употреблении её с солёным медвежьим жиром во время закуски наскоро, в дороге или на охоте, являлась незаменимым продуктом.

В пути на нарте она не занимала много места, была лёгкой, на стуже не мёрзла, при хранении не портилась, а поджаренная на костре становилась мягкой, приобретала специфический запах дыма и вместе с жиром считалась весьма сытной. При этом надо иметь в виду, что и медвежий жир тоже не твердел на холоде, подобно стеарину, а становился всего лишь подстылым и не приторным.

В позднюю осеннюю пору, когда юкола не просыхала, а только слегка подвяливалась, её называли «юхалой». Она не была тронута червями и потому приятно красовалась под балаганом полнотой своего жирного тела с ярко-жёлтой окраской, присущей первым гонцам кижуча. Её ели варёной «в омачку» с нерпичьим топлёным жиром.

Балыки почти не готовили из-за трудоёмкости. В Большерецке была «икрянка», принадлежавшая Еновскому, в которой

солили икру двое рабочих. Хозяин завёз туда на катере соль и бочки, а икру-сырец как «отходы» от заготовки рыбы в порядке добрых услуг жители поставляли без оплаты. Сами же селяне для себя икру солили редко и потому потребляли её очень мало. Надо полагать, что они не очень любили остро-солёную еду, в том числе икру, балык и солёную юколу. Вместо того чтобы почитать солёную икру за деликатес, они пренебрежительно называли её «кишками», однако охотно поедали этот питательный продукт, приготовленный в ином виде.

Не требовавшим затрат большого труда считалось приготовление черчихана, поджаренного из толчёной икры с мукой и на жиру в печке около загнетки (углубление на предпечье, куда сгребался жар. — *Ред.*). Это блюдо отдалённо напоминало большерецкую яичницу, сделанную из взболтанных яиц с молоком, было очень нежным, внешне схожим с коврижкой, заменяя в отдельных случаях хлеб. В большом ходу была икра, сушёная в перепонках на вольном воздухе, которую употребляли с шеломайниковыми пучками. Она вязла на зубах, подобно ирискам. Слабо варёная икра, особенно от чавычи, была приятной. Мы, дети, любили икру, когда она пробивалась паром в так называемом «пузане».

Свежемороженый кижуч без головы и хвоста с икрой целиком запекался на противне. Кишки рыбы, не употреблявшей при ходьбе от моря по реке никакой пищи, были порожними и чистыми. У такого пузана тело, томлёное под кожей, было необычно сочным, а икра — мягкой.

Достойно упоминания одно из довольно странных кушаний, называемое «кислыми головами». За отсутствием овощей до появления ягод и кисломолочных продуктов, организм человека крайне нуждался в кислотах, что особенно проявлялось у детей и подростков. Поэтому я украдкой от матери частенько пил из штофа обыкновенные дрожжи. В какой-то мере насыщение «кислыми головами» утоляло эту жажду. Готовились они томлением в ёмкостях свежих голов кеты или красной в смеси с перепонками икры. Томясь так без доступа воздуха до пяти дней, головы становились

мягковатыми и квашеными, подобно капусте. Они не протухали, а лишь своеобразно консервировались, подобно силосу из растений для скота.

Популярным было «тельно». Оно готовилось из рыбного фарша, зажаренного с картофельным пюре внутри, и внешне напоминало большую котлету.

Аппетитно выглядели начинённая фаршем из рыбы с рисом, заправленная черемшой с перцем, кожа, содранная с тушки гольца и поджаренная на свежем медвежьем жиру. Это блюдо, называемое «чинёными гольцами», подавалось на стол со слегка обжаренной картошкой.

Обычные блюда из рыбы зимой включали суп с картофелем или рисом и «жарёнку» — жареную рыбу с картошкой. Они, как я упоминал, весьма приедались. Весной же заправка супа разнообразилась. Она могла быть приготовлена из свежей крапивы, черемши, кислицы и стебельков дикой моркови, заменявшей укроп, а также с сараной вместо картошки. Такой суп из свежей рыбы, имевший на поверхности оранжевые блики рыбьего жира, сдобренный сметаной, в сочетании со свежей зеленью, был ароматным и аппетитным.

В это же время славились отварные головы, хвосты и осердия появившейся чавычи. В первые дни от этой жирной еды с шеломайниковыми пучками и черемшой слабило живот, но со временем всё налаживалось, и «жирование» продолжалось. «Жированием» назывался достаток свежей и питательной пищи. Оно могло быть во время первых уловов чавычи, добытых ранней весной медведей с прошлогодним жирком, только что вышедших из берлоги, или упромышленных оленей со здором, спустившихся с хребтов в тундру.

Из мучных блюд, кроме лепёшек и оладий, готовилась так называемая «чупа». Поджаренную докрасна муку разбавляли топлёным медвежьим жиром. Во время прожарки её хорошо перемешивали, добавляя немного сахару, после чего густая масса бурого цвета была готова к употреблению. Она отличалась нежностью, а главное — из-за наличия в ней большого количества жира обладала большой

сытостью, что имело немаловажное значение при длительной отлучке из дома. В зимнее время при отсутствии молока малых детей питали затураном — толокном, давая его сосать, за отсутствием соски, порою через марлю.

Неприглядными казались изделия из ржаной муки, как-то булочки, калачи и шанежки. Правда, ржаная шаньга с белым сладковатым творогом или ягодою выгодно отличалась от остальной выпечки. Однако съеденная первым делом лакомая начинка превращала оставшуюся часть этого изделия в обыкновенную чёрную-пречёрную булку, поэтому мы, дети, при первой возможности старались от неё избавиться, за что нам при обнаружении этого частенько попадало. Выпеченные из такой муки калачи хотя и были ржаными, зато привлекали своей необычной формой, отличной от надоевшей большой булки, поэтому дети тех родителей, у которых в какое-то время подобные кренделя отсутствовали, охотно меняли на них свои незатейливые самодельные, но редкие игрушки.

Я забыл упомянуть, что к торжественным случаям готовили, кроме куличей, тарки-слойки, хворост и вафли, а у состоятельных граждан, желавших удивить необычных или уважаемых гостей, даже мороженое.

Мороженое делали весной, когда под слежавшимся навозом можно было надолбить лёд и вдоволь насобирать яйца диких птиц. Смесь сливок или сметаны, точно не знаю, с яйцами и сахаром погружали в металлическую круглую банку и вращали её при помощи особой ручки, сходной с рукояткой крестьянского точила, в ёмкости, заполненной льдом. Может быть, некоторые продукты, закладываемые при изготовлении мороженого, будучи мальчишкой, я запамятовал, но вращать только что упомянутую ручку мне приходилось в доме моего дедушки.

О борщах понятия не имели, да и готовить их было не из чего.

Медвежье мясо шло на супы и селянки, варилось «на холоднее». «Селянкой» назывались жареные куски мяса или рёбра с мясом, или то и другое вместе с прослойками жира на них. Иногда это блюдо готовилось из постного мяса,

но зато с добавлением отдельных кусков жира. Подрумянившееся мясо было мягким, а обжаренный жир — не приторным, как это случалось с нерпичьим. Обязательным гарниром к этому кушанью служил отварной молодой картофель.

Обилие медвежьего мяса, особенно летом, позволяло его расходовать, не жалея, как, например, говяжье или оленье. Его отваривали без ничего, в основном во время работы на покосе, когда в эту страдную пору некогда было кухарить. Подвешенный на таган над костром котёл с мясом и кусками жира уваривался с утра до обеда.

Такую медвежатину ели вдоволь горячей и остывшей, вываленной из посуды на листья шеломайника или травку, от чего она и называлась «варёной на холоднее», считалась весьма и весьма сытной. Лакомым блюдом почитались отваренные медвежьи лапы, представлявшие подобие мягкого хряща, а также жареные почки.

Мясо нерпы было нежным, но на вкус неприятным, так как стойко отдавало рыбным запахом. Ценились у нерпы только отварные ласты да почки.

Лакомым куском у добытого на охоте оленя считалась часть туши, пожаренная на вертеле над костром, здор — жир, а особенно мостолыги. Ими назывались прокалённые на огне голени, из которых добывали застывший костный мозг. Этот мозг, бледно-розового цвета, был сладковатым на вкус, не приторным и потому аппетитным и приятным. Подкопчённое и пропечённое мясо и отделённый от костей мозг становились намного легче обычных, перевозимых от хребтов во вьюках на коне, и являлись желанным блюдом для ждавших хозяина дома членов семьи.

Добытых на охоте диких уток жарили и варили из них суп. Утиное мясо, так же как медвежье и нерпичье, сильно отдавало рыбой, но мы на это не обращали внимания и ели его с удовольствием.

К большим праздникам жарили в печке под коркой теста уток и лебедей. Крылышки и стегна перед подачей на стол украшали бумажной бахромой, отчего они казались подчёркнуто торжественными.

При забое рогатого скота в первый же день «жировали» колбасой, изготовленной из кишок, начинённых посечёнными внутренностями с жиром, кровью и круто сваренной рисовой кашей.

С отёлом коров и появлением в достатке травы в тальниках, каждая семья имела вдоволь молока. Мы, дети, очень любили дрочёну — молозиво и ундан — кисловатую жидкость, получавшуюся при переработке сметаны в масло.

Надо заметить, что мои родители и земляки не только не умели как следует пользоваться молочными продуктами, но и недооценивали их, так же, как и растительную пищу, считая и то, и другое «не твёрдыми», то есть в отличие от мяса и рыбы «несытными», и потому неполноценными. Они совершенно не имели понятия о важности тех питательных элементов, которые находились в этой пище и были так необходимы их организму, обеднённому витаминами.

Молоко отдельно ни детям, ни взрослым не давалось. Его пили в ограниченном количестве с чаем. А шло оно почти всё в переработку на масло, которое в топлёном виде сохраняли на зиму. Оставшиеся не съеденными простоквашу и творог попросту выбрасывали крынками в воду, на съедение малькам-гольчикам. Творог мы ели вдоволь и так часто, что он даже надоедал, а вот о приготовлении из него блюд понятия не имели, и лишь на Пасху и Троицу делали сыр.

Этот сыр готовился из толчёного или пропущенного через мясорубку творога с добавлением в него изюма, сметаны, сахара и корицы. Полученную массу укладывали в деревянную форму в виде усечённой пирамиды, на двух внутренних стенках которой изображалось по крестику, слегка прессовали её на короткое время, а потом содержимое формы опрокидывали на блюдо, украшали подрумяненными пенками, и кушанье, подобное сырковой массе, было готово.

О грибах понятия не имели, хотя водились они в лесу во множестве. Из стланиковых шишек лущили орешки. Других орехов в Большерецке не было.

Очень редко варили варенье из ягод, делали начинку для пирогов и ограниченное количество ягоды заготовляли на зиму. Консервировать её не умели.

С наступлением ранней весны появлялась черемша, которую ели с удовольствием свежей, солёной, квашеной и в заправках. Квашеную черемшу готовили на воде и сыворотке. Она отличалась от свежей и солёной слабой остротой чесночного вкуса, а жидкость, которой она заливалась, по вкусу была похожа на резкий квас.

Не было в Большерецке человека, обходившегося при употреблении весной солёной и свежей рыбы без пучек шеломайника. Шеломайниковые пучки прорезались из земли с таянием снега сначала по берегам рек и назывались «кужулками». Это пустоствольное растение высотою до трёх метров достигало зрелого возраста в течение трёх-четырёх недель. От его широкополых листьев исходил особый запах. После снятия кожуры с верхней части ствола обнажённые дудки были съедобными. Значимость их массового употребления местными жителями можно сравнить с поеданием огурцов.

Из толчёной кислицы, перемешанной с ограниченным количеством муки с сахаром, варили кашу. Она утоляла жажду в кислоте, накопившуюся в организме за долгую зиму. Кислицу дети ели свежей в довольно больших количествах.

Кипрей — стебельковое растение, в котором наибольшую ценность имела сердцевина, находившаяся внутри стебля. Толчёная сердцевина с жиром, имевшая серый цвет сладковатой массы, называлась «толкушей». Сушёные и прокопченные пряди такой сердцевины сохранялись долго и были весьма приятны на вкус.

Однажды отец, приехав с севера из Воровской, велел отнести знакомой переданную ему посылку, состоявшую из копчёного кипрея. По дороге я попробовал кусочек. Понравилось, и когда я, не удержавшись, повторил то же самое несколько раз, то увидел, что от посылки почти ничего не осталось. Боясь, что теперь буду уличён в преступлении, расправился с посылкой до конца. К счастью, отец не уведомил получателя

о посылке, а тот, в свою очередь, ничего не ведая, тоже не напомнил, и таким образом я, избежав наказания, до сих пор эту тайну держал при себе.

Дети охотно поедали молодые стебельки, вырывая их из земли, а листья взрослого кипрея собирали для заварки чая.

Съедобным и сладким на вкус после очистки кожуры было пустоствольное растение, называвшееся «калачом». При его употреблении следовало опасаться ожогов слизистой оболочки губ, так же, как при поедании «сладкой травы», имевшей некоторое сходство с «калачом». Её кожура очищалась только режущим предметом, а сама она, действительно, отличалась повышенной сладостью.

Съедобный корень сараны, луковица которого состояла из долек, напоминавших зёрна риса, варили в супе взамен картофеля.

Я совершенно упустил из виду одно, как многие считают, довольно странное блюдо. Оно и не рыбное, и не ягодное, называется «кирилкой», готовится следующим образом. Крошёное тело жареной рыбы перемешивают с ягодой шикшей и топлёным жиром медведя. Никто у нас в семье не любил кирилку так, как я. Все даже смеялись надо мной, называя это кушанье «пережёванной пищей». Я же, будучи уже взрослым, объяснял своим родичам, что кирилка равноценна рыбным или мясным блюдам с овощами. И в самом деле, едят же мясо гуся с яблоками! И опять же, разве может показаться кирилка неприятной тому, кто пережил долгую зиму без овощей, если у него организм особенно чувствителен к недостатку кислоты?

СТРОЕНИЯ И СООРУЖЕНИЯ

Как правило, жили в избах, рубленых из тополя, в основании которых укладывали первую пару венцов из берёзы. Сруб покоился на обожжённых берёзовых сваях.

Обрешечённую крышу перво-наперво покрывали корьём, содранным с лесин ветлы. Кора прекрасно защищала от ненастной погоды и отлично держала прижатую к ней кор-

басинами — жердями — солому. Особые слеги с долблёными отверстиями, куда вдевались концы корбасин, державших солому, накрепко связывались проволокой со срубом. Это делали для того, чтобы свирепые зимние ветры не снесли крышу. Как я уже упоминал, пятая часть крыш в селе была покрыта оцинкованным железом.

Тёсаные плахи на потолке покрывали соломой и засыпали землёй. Так в избе сохраняли тепло. С внутренней стороны потолок мазали белой глиной.

Из таких же плах, как и на потолке, стелили пол. Он имел порядочные щели, поэтому покрывался чирелами — травяными матами японского производства из-под кулей соли или половиками, сшитыми из мешков. Изба делилась на прихожую, отделённую от неё досками кухню, горницу и спаленку, где стояла единственная деревянная кровать с перинами, одеялами и пуховыми подушками. Спали на разостланных по полу больших семейных перинах, поэтому обычно кровать на ночь оставалась свободной. Понятия о простынях и пододеяльниках не имели.

В избу входили через сени, соседствовавшие с чуланом. Чулан заменял кладовку. В нём стояли крынки с молоком, ящик с топлёным маслом, хранились на зиму ягоды, зерновые продукты, покупные жиры и отчасти кое-что из одежонки.

Окна в избе были маленькие, рамы одинарные, без форточек. Форточки заменяла отдушина, прорубленная в стене на кухне, которая открывалась при надобности и закрывалась тряпкой. Нижнюю часть рамы на зиму утепляли мхом, а остальную зимой на ночь защищали мешковиной.

Кухню старались всегда изолировать, оберегая показывать посторонним таз с отходами и помоями и предотвращая распространение запаха варёной пищи. Запах был неприятным, особенно когда маленьким щенкам варили апану — рыбную похлёбку.

Русская печь занимала половину кухни и граничила с прихожей. Кроме обычного кирпича, печь сооружали из цельной глины. Для этого мастерили короб, соответствовавший форме печи, обкладывали раствором глины и внутри него

разводили огонь. Короб сгорал, а облегавшая его глина, постепенно обжигалась и после этого стояла десятки лет. Из необожжённого кирпича-сырца выкладывали дымоход, завершавшийся на крыше отрезком железной трубы.

В прихожей обыкновенно стоял дощатый настил, одной стороной прикреплённый к стене, а другой удерживавшийся на полуметровой высоте при помощи двух столбиков. На нём отдыхали днём, как на диване, иногда зимой мужчины занимались ремонтом или изготовлением сбруи для собак или частей нарты. Назывался он «лавкой».

Бревенчатые стены с пазами, проконопаченными мхом, обклеивали обоями. Иной раз их оббивали дешёвеньким ситчиком, который к торжественным дням снимался и, прежде чем вновь прибиваться, стирался.

В прихожей крепили крюк, на который вешали «зыбку» — люльку.

Избу с амбаром огораживали оградой из частокола или корбасинами, вдетыми в долблёные отверстия столбов.

В рубленом амбаре хранили кадушки с солёной рыбой, мясом и отчасти утками. Там же находилась зимняя одежда и охотничье снаряжение.

Стайка для содержания скота внутри пригона стояла поодаль от избы. «Пригоном» именовалось сооружение из столбов высотою от земли до трёх метров с долблёными отверстиями на расстоянии полметра друг от друга, в которые вдевались концы корбасин. К стайке впритык к крыше пристраивался на столбах огороженный настил для хранения сена, называвшийся «лабазом».

Пространство между потолком и внутренностью крыш именовалось «поветью». Здесь хранили высококачественное сено для молодняка рогатого скота.

Крупный рогатый скот, так же как и лошади, зимовал внутри пригона на открытом воздухе, поэтому в иную снежную пургу бедных животных так заносило снегом, что у них торчали наружу одни рога. Однако при доброкачественном сене коровы отлично переносили снежную, но сравнительно тёплую зиму. Кроме сена, скот ничем не баловали, а на водопой

он сам ходил к незамерзающим ключикам и проточкам, проложив в глубоком снегу тропы.

Баня по-чёрному с каминкой и предбанником была бревенчатой, низкой и с четвертушкой стекла вместо окна.

Нужник, сколоченный из досок развалившегося бата, ничем не отличался от обычного, крестьянского.

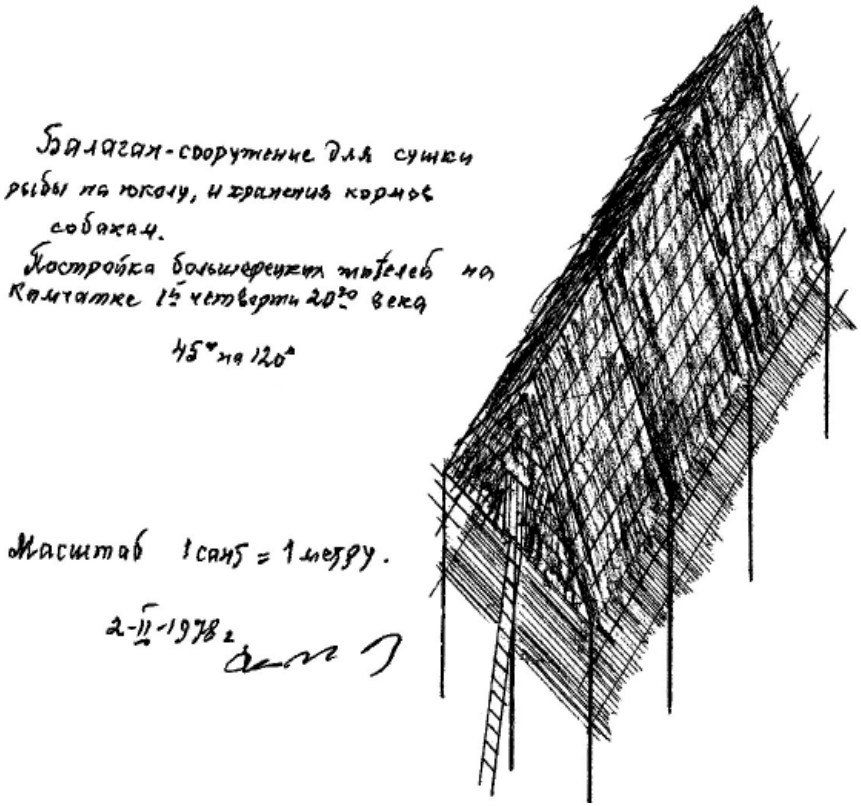
Барабара для щенят, сооружавшаяся зимой детьми, соответствовала обычной собачьей конуре.

Самыми высокими сооружениями в Большерецке были «балаганы», поэтому я, будучи подростком, считал, что выше этих строений нет ничего на свете. Балаган — это, по существу, крыша, стоявшая на настиле из нетолстых тёсаных бревён, которые, разостланные по трём перекладинам, представляли собой пол со щелями.

Перекладины, в свою очередь, лежали на слегах, а слеги покоились на девяти столбах. Между основанием столбов и настилом устанавливали ещё столько же столбиков, на два метра от земли, на которые укладывали лёгкие слеги. На эти слеги раскладывался сплошной настил из корбасинок, с таким расчётом, чтобы по ним можно было ходить или работать стоя. Следом за этим настилом возвышались вершины ещё стольких же столбов, но уже высотою от земли до четырёх метров. На их макушки опять же ложились лёгкие слеги, а на них — отдельные корбасинки, на которых для окончательной просушки и развешивался первый ряд полусухой юколы. Столько же корбасинок просовывалось между перекладинами на основные слеги, и на этом — втором — ряду опять же развешивалась юкола.

Полая внутренность крыши балагана, крытая корьём и травой, служила зимним хранилищем юколы, мороженой рыбы, медвежьего солёного жира в корытах, а нерпичьего топлённого — в банках. Под нижним настилом балагана и около него хранились конструкции запора-ловушки для рыбы, нарты и дровни.

Обычно балаган стоял вблизи речки в соседстве с вешалами и сооружениями для содержания собак на привязи.



Балаган (рисунок автора)

Вешала состояли из четырёх-шести столбов, вкопанных в землю, на макушках которых лежали слеги, а на них — корбасины, служившие для развешивания юколы-сырца для предварительной подсушки. Вешали эту юколу при помощи специального шеста, на одном конце которого торчал гвоздик, позволявший подцеплять разделанную рыбу около хвоста между двумя её пластинами.

«Шайба», использовавшаяся для хранения кислой рыбы для собак, рубилась грубо, из тонких бревён, имела на дне деревянный настил, а сверху закрывалась не менее чем двумя рядами брёвнышек средней величины, для того, чтобы туда не проникали собаки.

Тут же стояли козлы из корбасин, особые привязи на столбах, и колья, вбитые в землю, за которые цепями при помощи ошейников привязывали езжалых собак. Рядом с этими неприхотливыми животными устанавливали деревянные корыта, наполненные водой.

Вспомогательные постройки и сооружения, разбросанные по берегам рек Манаковой, Мостовой, Паранчиновой и ключей, а также горки дров, заготовленных с зимы на лето, и стоявшая около их пильня придавали Большерецку заселённый и застроенный вид.

КУХОННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, ИНВЕНТАРЬ И ИНСТРУМЕНТЫ

Не все большерецкие граждане были столь уж набожными, но заполненные иконами божницы в прихожей и горнице имелись в каждой избе. Чем хозяин был беднее, тем икон у него оказывалось меньше. В великие религиозные праздники лампада, висевшая на цепочках перед иконами, заправленная растительным маслом или при отсутствии такового — медвежьим жиром, тускло озаряла лики святых.

В особо знаменательные дни на каждой избе трепетал трёхцветный российский флаг.

Кроме этих непременных культовых принадлежностей имелись кухонный инвентарь и инструменты.

Принадлежности к печке. Часть листа из жести с ручкой посередине служила для закрытия чела печи, граничащего с шестком около загнетки, и называлась «заслонкой». Её использовали в том случае, когда требовалось сохранить в челе печи тепло или, наоборот, снизить температуру.

На под (часть, на которой располагались дрова и изделия, подвергавшиеся тепловой обработке. — *Ред*.) печи на широкой деревянной лопате с длинной ручкой обычно высаживался хлеб на противнях или листьях конского щавеля. Называлась эта лопата «хлебницей».

Одним концом обыкновенной палки в печи за дужку подхватывали кастрюлю или чугунок. Эта палка, обгоревшая

с одного конца, называлась «сковородником». Сковородник мог иметь металлическое приспособление.

Надо заметить, что наконечник и металлическая клюка появились после организации в Большерецке упомянутой мною ранее мастерской, в которой обучали ремеслу молодых людей.

Кухонный инвентарь. Мясорубки в Большерецке почти не употреблялись, так как трату денег на них можно было с успехом заменить ничего не стоящим трудом по изготовлению «шельницы». Так именовалось тонкой работы корыто из берёзового дерева, в котором толкли или секли какой-либо продукт. В шельнице «толкушей» разминали картофель, икру, кипрей, тело рыбы и другие мягкие продукты. «Сечкою» — круглым диском из металла диаметром сантиметров десять, отточенным с одной стороны, имевшим с противоположной пустотелую ручку длиной около тридцати сантиметров, — рубили мясо и осердия на колбасу.

Каждая хозяйка умела выпекать хлеб, от простой ржаной булки до куличей из белой муки тонкого помола. Для этого заводили тесто в небольшой кадушечке, которую называли «квашонкой».

Жирник, состоявший из жестяного противня величиною в четверть листа бумаги с тканевым фитилём, плававшим в жиру, служил для кратковременного освещения в бане, чулане, сенях или амбаре.

Каждый знает самовар. В нём углём кипятили воду для чая. После тяжёлой работы или длительного пребывания на холоде, прежде чем приступить к еде, выпивали кружки две горячего чая. Чаёк обожали взрослые, пили его густозаваренным из блюдца, без сахара и хлеба.

Не перечисляя обыкновенный и общеизвестный кухонный инвентарь, считаю необходимым остановиться на столовых ножах, которые раскладывали на стол с праздничной закуской. Эти ножи никогда не точили, и они были настолько тупы, что гость иной раз избегал ими резать лишний кусок.

Приспособления для выделки кожи. Жители Большерецка были большие искусники по части выделки кожи, как пушной, так и для пошива обуви. Кроме доски, на которой

при помощи скребков сгоняли со шкуры жир и мездру (подкожная клетчатка, остатки мяса и сала, отделяемые при выделке кожи. — *Ред.*), имелись мялки. Они делились на два вида, из которых одни были лежачими, а вторые — стоячими.

Лежачая мялка представляла собой корыто с грубыми и глубокими насечками внутри без стенки на одном конце. На другом же конце в боковых стенках проделывали два отверстия. В них просовывали металлический болт, удерживавший один конец круглой и тяжёлой накладки с крупными выступающими зубьями. Другой конец накладки имел форму рукоятки, за которую можно было её двигать по горизонтали, как, скажем, оглоблю, прикреплённую к оси телеги.

Положенную между корытом и накладкой кожу мяли вручную, периодически обильно смазывая медвежьим жиром, до тех пор, пока она не становилась мягкой, подобной сукну. Работа на лежачей мялке была куда тяжелее и менее производительна, чем на стоячей.

Стоячая мялка изготавливалась из столба, напоминавшего по форме две трубы разного диаметра, вставленные одна в другую, в результате чего между ними образовывались по окружности плечики. С верхней части столба меньшего диаметра надевался круглый решётчатый каркас, упиравшийся своим основанием в плечики. Этот каркас, состоявший из гранёных реек, вставленных в верхнюю и нижнюю плаху, облегавший столб на расстоянии двух-трёх сантиметров от окружности, свободно вращался. В середине такого столба имелась щель, в которую через каркас решётки просовывали кожу. При попеременном вращении каркаса вокруг оси столба в разные стороны, заправленная туда твёрдая кожаная заготовка, смазанная жиром, постепенно размягчалась.

Прежде чем мять шкуру, с неё, конечно же, сгоняли шерсть. Для этого шкуру закапывали в яму дней на пять, где она в результате деятельности микробов полностью освобождалась от любой шерсти. После этого её полоскали в воде и напяливали на особые палки, натягивая ремнями, где она высыхала и превращалась в кожу, словно натянутую на бубне.

Однажды, когда мужчины были на промысле рыбы в устье Большой реки, мы, подростки, такую правленую кожу стали колотить палками. Глухой звук от наших ударов, подобных стрельбе из многих ружей, был настолько сильным и тревожным, что многие собаки сорвались с цепей, коровы, задрав хвосты, разбежались, а бабы всполошились. Когда жители узнали о нашей проделке, нам порядочно попало.

Не имевшие утюга пользовались «рубелем» — полуовальной доской с ручкой и насечёнными с наружной стороны зубьями. Намотанное на каталку бельё катали рубелем, от чего оно становилось глаженым.

Косы для кошения травы на сено имели горбатые ручки и назывались «горбушками». Они напоминали в два-три раза увеличенный серп. Такой косой можно было работать, только согнувшись в пояснице под прямым углом. Её правили на точиле. Прокос получался широкий, а скошенная трава лежала не валками, а россыпью. Позже молодёжь, забросив горбушки, перешла на стоячие косы.

ОХОТНИЧЬЕ И РЫБОЛОВНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Охотничье снаряжение состояло из инвентаря для обеспечения жизни в лесу самого охотника, оружия для добычи зверя, ловушек и отрав. Конечно же, никакая охота зимой немыслима без упряжки собак с нартой, а летом — без бата. Но об этих транспортных средствах и тяговой силе я расскажу особо.

Кукуль — спальный мешок — и зимой, и летом служил непременным спутником рыбаку и охотнику. Сшитый из оленьих шкур, он был лёгким и прочным. Летом пользовались кукулём, изготовленным из шкур молодых медведей или собак.

Без палатки вообще невозможно было отлучаться из дома, даже и на одни сутки. Летом мог накрыть продолжительный и холодный дождь, а зимой — свирепая пурга.

Прежде палатки ставили без каминов, но в последние годы, когда мастерская в Большерецке стала производить их, при

продолжительной зимней охоте они стали непременной принадлежностью бывалого охотника.

Маленький топорик с длинной ручкой из сухой берёзы был удобен в работе. Им, кроме заготовки дров для костра, прорубали над ходом норы особые колодцы, при помощи которых подбирались к лисе, укрывшейся в гнезде. Для этого же охотник имел при себе металлическую лопату.

Полотно с крупными ячеями, без поплавков и грузил, но зато с сошками применяли для окружения соболя, спрятавшегося в дупле. Эту сеть, топорик и лопату укладывали в тулун — узкий мешочек, сшитый из нерпичьей шкурки, к которому подцепляли потег с алыком. В такой алык впрягали собаку, которая, идя за хозяином-охотником по лыжне, волокла тулун. Этот пёс, умевший промышлять зверя, назывался зверовой собакой.

Широкие и лёгкие лыжи, обшитые шкурой нерпы, были прочными и незаменимыми при ходьбе по глубокому снегу и в гору. Они не скользили назад при подъёме, снег к ним не прилипал, и большие расстояния с их помощью преодолевались ходко.

Иногда вместо металлической лопаты брали деревянную. Она была лёгкой в работе, хорошо подбирала снег, который разгребали до земли при установке палатки.

То, что нельзя было уложить отдельно в нарту или бат, укладывали в вещевой мешок, сшитый из кожи нерпы, который был удобен тем, что был носким и не таким промокаемым, как матерчатый. Назывался он «калаузом».

Оружием служили винчестеры, карабины и берданы. Дробовики имели калибры от двадцатого до десятого и применялись в зависимости от величины зверя. Так, соболя били из двадцатого калибра, стреляя в него мелкой дробью.

Старые люди рассказывали, что в прошлом они применяли на охоте штуцера — шомпольные ружья. Они были не только капсюльными, но и с наружными полками для пороха (с кремниевыми замками и даже фитильными, как у первых землепроходцев. — *Ред.*). Этот порох на полке запаливался, и после этого раздавался долгожданный выстрел.

Нерпу добывали пикой, изготовленной из кости оленьего рога. Пика имела на одном конце трёхгранное остриё, а на другом, лапкообразном, — небольшое углубление, которым её надевали на шест. Посредине пики имелось отверстие, куда продевали прядь из жильной нитки. Один конец этой довольно толстой пряди привязывали к длинному ремню, другой конец которого оставался в руках охотника, кидавшего шест с насаженной на него пикой. Преимущество этого холодного оружия было таково, что застрявшая в туше нерпы пика позволяла подтянуть животное посредством ремня к берегу, тогда как от пулевого ранения оно бесследно исчезало в воде. Промышляли таким способом преимущественно в устье Большой реки, кидая насадку с берега в местах, где нерпы плавали особенно близко, кормясь в воде.

Устройство капканов знает всякий, и потому особых пояснений тут не требуется. Установкой петель на «ушканов» занимались только подростки, так как промышлять зайца взрослые считали недостойным.

Горностаев ловили кулёмками. Их делали в основном тоже подростки, рубя в стволе лесины треугольное углубление. Там ставили настороженные защепы с приманкой и жердиной, которая, падая, одним концом придавливала части ловушки с попавшимся зверьком.

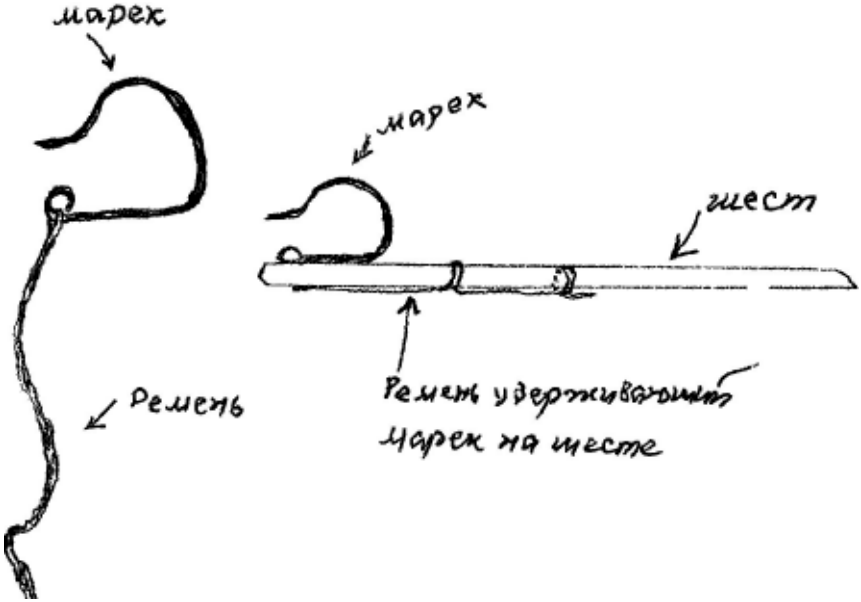
Из отрав применяли стрихнин. Обычно он был японским, но особенно ценился немецкого производства. В пилюли, слепленные из воска, с величайшей осторожностью над шестком под трубой печи насыпали порцию яда. Эти пилюли, покрытые слоем топлёного жира, разбрасывали вместе с приманкой на снегу. От слабого действия яда лисицы погибали не сразу, и в большинстве своём охотнику не доставались. Поэтому этот способ добычи считался запретным, и им пользовались очень редко и скрытно.

Рыболовными крючками при помощи лески ловили гольцов, хариусов и микиж только дети. Взрослые же это занятие считали баловством.

Крючком, прикреплённым к длинному шесту, рыбу промышляли в исключительных случаях, например, на охоте.

Об остроге понятия не имели, а вот «мариком» ловили в основном кету, летнюю красную и кижуча. Отсоединённый от шеста марик брали с собой в поездки глубокой осенью на охоту в хребты, где добывали соболя. Там его насаживали на длинный шест и кололи кижуча, во множестве водившегося по незамерзающим ключам. Этой рыбой кормили собак.

Кованый из прута железа марик напоминал по форме подкову, у которой один конец, менее согнутый внутрь, завершался небольшим колечком, куда просовывали ремень, удерживавший марик в настороженном виде на конце шеста. Второе окончание такой подковы имело остриё, которое, пронзив тушку рыбы, при ударе перестраивалось на поворотный крюк.



Марик, иначе марек (рисунок автора)

Откуда взялся марик, неизвестно. С. П. Крашенинников, будучи в Большерецке, о нём в своих трудах ничего не упоминает, также как и о деревянной ловушке — «запоре».

О марике имеется интересное упоминание в статье «Айны — народ-загадка», напечатанной в третьем номере журнала «Наука и жизнь» за 1977 год (стр. 110): «В рыбной ловле

айны издавна использовали “марик” — острогу с подвижным поворотным крюком, захватывающим рыбу».

Надо полагать, что этот способ лова рыбы был завезён в Большерецк от айнов, касательство с которыми имели жители Курильских островов во время меновой торговли. А может быть, перыми его применили участники экспедиции, плававшие под командою капитана М. П. Шпанберга в 1739 году на кораблях, изготовленных в Большерецке.

В зависимости от времени года, вида рыбы, её ловили и сетями. Они делились на ставные, сплавные и неводные. Ставные сети с крупными ячеями ставили на весеннюю красную, чавычу и отчасти на кижуча в устьях возле струи бегущей реки. Сплавными сетями промышляли чавычу. Несколько снастей, принадлежавших участникам лова, сращивали вместе и, разложив их по двум батам, расходились до противоположных берегов, плывя по течению со сброшенными сетями. Делали это обычно впотьмах, вылавливая за ночь несколько десятков чавыч.

Ставные сети ничем по существу не отличались от сплавных, поэтому и те, и другие широко применяли для городьбы реки со слабым течением. В одной из таких удачных операций довелось участвовать мне.

Мы перегородили в два ряда устье реки Начиловой, сварили еду, поели, выспались, как следует, готовясь к ночному промыслу чавычи. Спокойная зеркальная гладь тёмно-коричневой воды несколько тревожила нас отсутствием признаков пребывания рыбы: та не всплывала на поверхность, не было заметно характерного волнения, присущего лёгким прогулкам чавычи.

После заката солнца, насладившись душистым чайком, трое из нас, расставшись со становьем, пахнувшем умятой на нём травкой, пошли на одном бату вверх по течению. Одного товарища с батом оставили около выставленных сетей.

Отойдя от становья версты три, мы зажгли костёр, пустили его по течению, растянули поперёк русла небольшую сетчонку и поплыли с догоравшим костром, пугая рыбу шестами. Так плыли в кромешной тьме часа три, а когда встретились

с четвёртым участником около ставных сетей, он стал нас журить, упрекая, что мы якобы долго прохлаждались и что у него от работы уже онемела спина. Посмотрели на берег, устланный чавычей, и при зорьке наступившего утра насчитали около двухсот особей. При этом надо иметь в виду, что отдельные экземпляры большерецкой чавычи достигали веса полутора пудов.

Закидным неводом с частыми ячейками ловили ранней весной и поздней осенью в основном гольцов.

Старые люди сказывали, что прежде сети вязали из крапивного волокна, а верёвки вили из ветлового лыка.

Запоры различали двух видов. Один назывался сплавным. Он состоял из двух плетеней, отходивших от обоих берегов реки к середине, где остриё запора завершалось чиручем, в который попадала сплывавшая рыба. Ловили таким запором только весенних гольцов.

Самым надёжным и наиболее распространенным считался второй вид запора. Его устройство, очевидно, сложилось из нескольких ловушек, возможно, привезённых промышленными людьми с рек, впадавших в «Студёное море». Здесь они совместились с ловушками, имевшимися уже тогда у камчатских аборигенов. Трудно вообразить, чтобы местные жители до прихода русских на Камчатку обходились только крапивными сетями. Ведь их плетение было весьма трудоёмким, да и не так уж много было на Камчатке полей с крапивой. Кроме того, сетями пользовались, по меньшей мере, две трети года, а служили они недолго.

Запор состоял из шестнадцати-восемнадцати кольев, колпака, атыри, звеньев атола, кренчела и морды. Запор мог один стоять около берега и потому назывался «бережником». В большерецкой практике запорами перегораживали всё русло реки.

Прежде чем ставить запор, через реку натягивали канат с метками по количеству устанавливаемых сооружений. Потом тянули жребий и приступали к работе. Надо заметить, что лучшим считался запор, установленный первым от берега.

Перво-наперво в грунт возле метки на канате забивали прочный так называемый «передний кол». За ним вбивался «колпачный» кол потоньше, на который при помощи петель надевался колпак, состоявший из двух звеньев с перекладиной, представляя собой как бы полураскрытую книгу, торцом стоявшую на дне реки.

Звенья колпака, шириною полтора и высотою метра два, были решётчатыми. Они состояли из круглых реечек, продетых в отверстия на четырёх планках. Расстояние между реечками для лова, например, чавычи делали не более восьми, а для остальной рыбы — около пяти сантиметров.

Колпачный кол, соединённый с изголовьем колпака, крепился верёвкой за передний, отстоявший от него на полметра. Кроме колпачного кола каждое из звеньев колпака удерживалось ещё кольями, вбитыми возле их середины с внутренней стороны. Прежде чем вбить эти срединные колья, их просовывали в донные петли на звеньях колпака. Вершина же вбитого кола увязывалась верёвкою с верхней частью звена колпака. После этого колпак, стоявший на грунте торцом, обретал большую устойчивость. Теперь на его перекладине, расположенной в верхней части между двумя звеньями, можно было стоять.

Для большей устойчивости колпака и крепления к нему других конструкций, возле крайних планок звеньев вбивали ещё по колу. Их предварительно просовывали в донные петли, привязанные к планкам каждого из звеньев колпака.

С речной стороны такой кол назывался «атырным». На него при помощи петель надевали звено правой атыри, а на второй — звено косого атола.

Звенья атырьев были такими же парными, как и у колпака, представляя собой деревянные решётки длиною около двух с половиною метров. Они состояли из четырёх планок с отверстиями, в которые вставляли рейки шириною четыре сантиметра, отстоявшие друг от друга примерно на три сантиметра.

«Атолинками» назывались отдельные жёрдочки толщиною не более четырёх сантиметров и длиною до трёх метров

с круглою зарубкою на комле. Атолинки переплетались на расстоянии около трёх сантиметров друг от друга тремя рядами верёвок по комелькам, середине и вершинам, образуя звено атола. Звеном косого атола назывался атол, сплетённый веерообразно, где каждая атолинка звена в вершине разнилась расстоянием друг от друга в пять-пятнадцать сантиметров, против расстояния такой же увязки в комельках.

Звено косого атола, покоясь вершинами на укосине и упираясь комельками в дно реки, постепенно от конца звена колпака отходило в сторону берега, образуя начало широкого прохода для рыбы. Конец звена косого атола, соединяясь со звеном обыкновенного, погруженного комельками в воду, вершины которого лежали на висевшей жерди, преграждал путь рыбе, идущей против течения. Жердь висела на верёвочных петлях, привязанных к кольям.

Окончание обыкновенного атола соединялось с плетнём, завершавшим преграду всего запора.

Прежде чем описывать другие детали запора, расскажу об устройстве прохода. Вероятно, его конструкция совершенствовалась многими поколениями разных племён.

Отступая от конца бережного звена колпака на расстояние, зависевшее от породы рыбы, возле перекладины вбивали в грунт проходной кол. На этот кол навешивали звено левой атыри. Так между ним и косым атолом появлялся проход для рыбы в колпак. Рыба, шедшая против течения, упиралась в полулежащий атол. В поисках прохода она отходила берега, плывя вдоль препятствия на середину реки и, найдя вход, проникала через проход в колпак.

Оба звена атыри, привязанные к четырём вбитым в грунт кольям, завершались горлом «морды». Морда имела два звена решёток, сходившихся в окончании, называвшихся «шаглами». Шаглы, установленные внутри морды, запирали рыбе выход. Имея кляп, при помощи которого морда держалась между двумя кольями, вбитыми около окончания атырь, она свободно погружалась и поднималась. Водное пространство между верхом погруженной морды и уровнем воды запиралось особой решёткой, называвшейся «кренчелом».

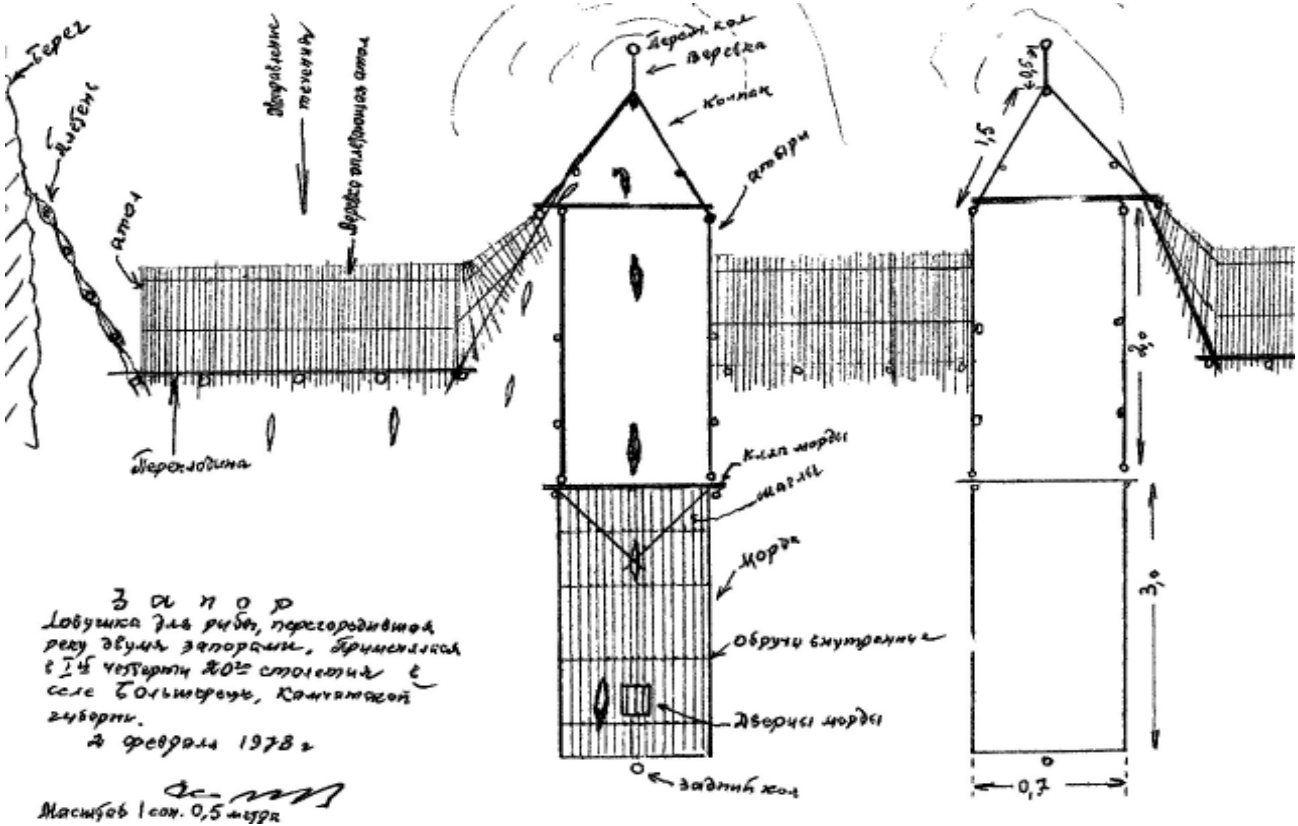
Рыба обнаружив, что попала в ловушку, плыла к шаглам, проникала в морду, откуда ей был один только путь — к рыбаку в бат. Если же рыба оставалась в пространстве колпака и атыри, её пугали «дрелью», напоминавшей по форме деревянную швабру, употребляемую ныне для мытья пола.

Из морды снулую горбушу доставали крючком, а прочую крупную рыбу, кроме чавычи, убитой обыкновенной дубинкой, — рукой за хвост. Чавычу убивали колотушкой, по форме напоминавшей увесистую кочергу с короткой ручкой, сделанной из сырого дерева. При этом морду полностью из воды не поднимали, так как чавыча могла её искромсать. Бить чавычу по голове следовало насмерть, ибо недобитая рыбина могла ударом хвоста выбросить рыбака из бата в воду.

Запор устанавливался при помощи спаромленных батов, колья вбивали колотушкой, иначе «бабкой». Ставить запор было делом, в общем-то, нехитрым, а вот суметь сделать удачный проход считалось большим искусством. Каждый вид рыбы требовал своего особого направления течения возле проходного кола, причём ширина прохода совершенно не определяла количество входивших в него особей.

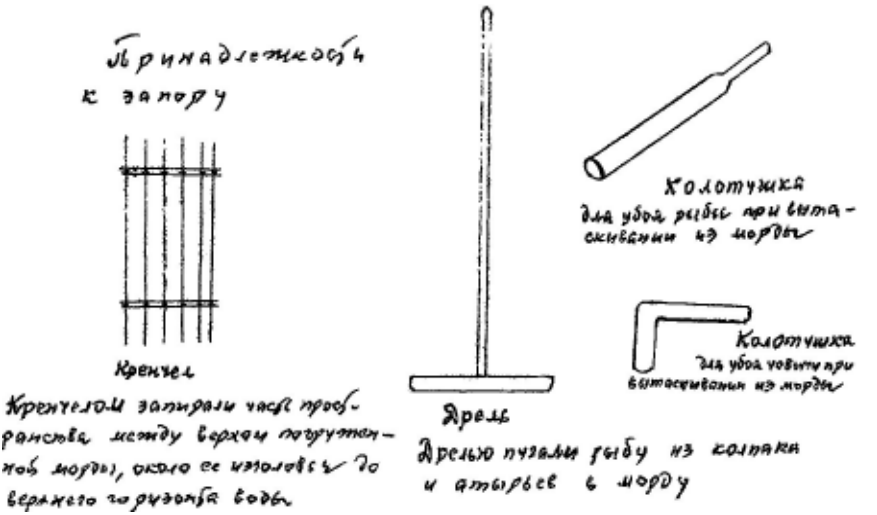
Рыбаку требовалось найти подходящее течение. Он привязывал к шесту отрезок верёвочки длиною метра два и погружал шест комельком в воду у колпачного кола с таким расчётом, чтобы отрезок, натянутый течением, был виден в воде. Отрезок, плававший внутри колпака, вытягивался по течению параллельно береговому звену атыри, показывая расстояние между ним и проходным колом. Вот это-то самое расстояние, измеренное числом пальцев руки, и было нужным. Оно устанавливалось в зависимости не только от вида рыбы, но, в свою очередь, влияло и на количество самцов и самок.

Это было настолько удивительно, что я до сих пор продолжаю над этим задумываться. Представьте себе, что рыбаки перегородили реку запорами. У вас попадаются икрянки, а у соседа — ничего. В следующем, третьем, запоре попадаются только холостые, а вот владелец четвёртого каждое утро вынимает из морды и холостых, и икряных особей.



Устройство рыболовного запора (рисунок автора)

У кого проход был настроен неправильно, и чавыча не ловилась, тот был вынужден переставлять колпак по-новому, с таким расчётом, чтобы угол течения по отношению к проходному колу пришёлся рыбе, как говорится, по вкусу. Я помню много случаев, когда даже горбуша, шедшая «валом», проскальзывая в щели между отдельными атолинами, совершенно игнорировала пришедшийся ей «не по душе» проход. И если в одних запорах за день выгружали из морды тысячи горбуш, а в других попадались только отдельные экземпляры, колпак следовало немедленно переставить.



Принадлежности к запору (рисунок автора)

Я лично постиг искусство установки проходного кола на добычу рыбы сообразно полу, остальное же, будучи подростком, не изучил.

Уборочный инвентарь, применявшийся при доставке рыбы, особенно горбуши, к вешалам, состоял из металлического крючка с короткой деревянной ручкой, пики, деревянного крюка и прутьев молодого ветловника.

Коротким крючком доставали рыбу из морды в бат. Железной пикой освобождали бат от горбуши. При помощи деревянного крюка переносили рыбу, цепляя на каждый по

десять, например, горбуш. Гольцов вязали прутьями по двадцать-двадцать пять штук, продевая их между жаберными крышками. Для этого годились прутья только от поросли ветловника, которые предварительно разминали, скручивая руками.

Вместо грузил привязывали на нижнюю тетиву сети камни, предварительно укрепив их ремешками внутри деревянного ободка. Это делалось с целью предотвращения попадания грузил в крупные ячеи и спутывания снасти.

Кроме деревянных поплавков, к верхней тетиве привязывали надутые пузыри диких и домашних животных. Но особенно ценились нерпичьи, превосходившие остальные по величине.

ЗАГОТОВКА РЫБЫ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ

Разные породы рыб ловились в свои сроки. Зимовавшего подо льдом гольца, хариуса и микижу ловили ранней весной после вскрытия льда на реках Плотниковой и Быстрой неводом на появившихся у кос удобных притонениях. В это время холостой голец с песчаной окраской кожи мало отличался от икрянки. Большая часть его отлично откармливалась с осени икрой в протоках и ключах, сплывая на зиму в глубокие ямы больших рек. На мой взгляд, эти рыбы зимой питались ракушками, в изобилии оседавшими на донных камнях. Душистая уха из гольца казалась тогда необычайно вкусной, может, лишь потому, что прошлогодняя рыба за долгую зиму уже предостаточно приелась. Большерецкий голец был мельче елизовского.

Кожа хариуса была чешуистой, тёмно-коричневой, его тело — белым, с тоненькими косточками, на вкус сладковатым. Хариус славился своей мелкозернистой жёлтой икрой, целые перепонки которой, посыпанные солью, можно было есть не брезгуя.

Микижа из породы лососёвых была довольно крупной. Она жадно хватала приманку на крючке. Бытовало мнение, что эта рыба ест мышей, поэтому жители относились к ней

с прохладцей. Кунджу, редко появлявшуюся в это время, вообще недолюбливали. Она считалась очень постной.

Но вот реки окончательно освобождались ото льда, берега покрывались свежей зеленью, и вслед за уплывшим к морю гольцом появлялась красная. Небольшая чешуя на коже отливала синевой на спине, а по бокам и на брюшке серебрилась. Кумачовой окраски тело встречалось только у неё и было настолько жирным, что из этой рыбы опасались готовить юколу, так как она через непродолжительное время горкла и покрывалась толстым слоем зелёной плесени. Красную даже не солили на зиму, считая очень «кропонькой», то есть предрасположенной к крошению. Из свежей готовили прекрасные супы с картофелем, заправленные дикой зеленью и сдобренные сметаной, но на поджарку она мало годилась, превращаясь на сковородке в жёсткие куски.

Ловили красную запорами и в меньшей мере ставными неводами. Она шла по Большой реке и всем её протокам до устья реки Быстрой, а от этого водного пространства её можно было встретить только в реке Плотниковой и её протоках. По реке Плотниковой она доплывала до Начикинского озера, нерестовалась и умирала.

Словно преследуя весеннюю красную, буквально по её следам шла царица камчатских рыб — чавыча. Она плыла по всем рекам, за исключением тундровых. Там, на устьях, только непродолжительно отдыхала. Такими реками были Амшигачева, Каначева и Начилова.

Кожа у чавычи в начале хода была серебристой и с такими же чёрными крапинками по спине, как у кижуча. Прежде чем приступить к нересту, она подолгу отстаивалась по ямам и плёсам рек (плёс — участок русла реки, более глубокий по сравнению с выше и ниже расположенными. — *Ред.*). Рыба меняла прежнюю окраску на багровую, раздавалась в ширину, достигая, как я уже упоминал, полутора пудов веса.

Тело чавычи, в отличие от весенней красной, нежное, бледно-розовое. Из неё можно было приготовить любое блюдо. Из длинных и узких лент, выкроенных из середины туши, делали лоснящиеся жиром балыки. Широкие брюшки и спинки

толщиной не более трёх сантиметров, отделённые от позвонка, солили на зиму.

Ловили чавычу всеми видами снастей, кроме колющих. Сказывали, что в селе Малки, расположенном в вершине реки Быстрой, её ловили мариком огромной величины. А чтобы проходящую рыбу было лучше видно в воде, на небольшой площади дна стлали бересту или лист белой жести. В Большерецке чавыча появлялась с половины мая по старому стилю и держалась до конца нереста, около двух месяцев.

В это же время в запорах попадалась редкая рыбка величиною с маленькую холостую горбушечку. На её светлой чешуе по бокам выделялись бледно-розовые полосы. Называли её «воровкой» и в пищу почти не употребляли. Из всех рыб она обладала самой большой способностью прорывать отверстие в грунте между колпаком и дном. Таким образом, она не только удирала сама, но и давала возможность спастись другой рыбе в проделанном ею ходе, за что и получила своё прозвище. Не успевала из рек исчезнуть чавыча, как в запоре уже начинала попадаться летняя красная и хаёк — кета. Эта рыба лососёвой породы, величиной со среднюю амурскую кету, шла около месяца.

Но вот наступал Ильин день, 20 июля по старому стилю, и реки словно вскипали от начала рунного хода горбуши. Его апогей наступал через два дня. Эти даты были настолько точными, что по ним безошибочно сверяли календарь.

В море около устья Большой реки горбуша появлялась на полмесяца раньше. В это время, если глянуть с берега кошки на море, можно было заметить на всём пространстве, которое способен охватить глаз, множество рыбин, выпрыгивавших с поверхности воды. Отблески чешуи в лучах солнца создавали у наблюдавшего впечатление, что рыба, поймавшая струю родной стихии, словно находилась в праздничном настроении. Такой настрой передавался людям. Теперь они были убеждены, что рыбы будет вдоволь, и поэтому с удвоенной энергией приступали к её заготовке.

Прежде чем продолжать повествование о горбуше, уместно сопоставить её значение для большинства камчатских

народов с древней мифологией. Если земля стоит на трёх китах, то жизнедеятельность камчадалов в прошлом держалась на горбуше, упряжке собак и бате. Эти составляющие для их жизни являлись основными.

Итак, рунный ход начался. Теперь горбуша из больших рек устремлялась в малые, а оттуда — в самые маленькие проточки, речушки и ключики. Она набивалась в эти ограниченные пространства так густо, что из воды торчали одни горбы, которые к тому времени у холостых особей увеличивались до пяти сантиметров в высоту. Вырастали порядочные зубы, а серебристая чешуя на спине и боках сменялась тёмно-коричневой. Брюшко же по-прежнему оставалось белым. Горбуши-икряночки назывались «ханайками».

В это время горбушей жировали водные млекопитающие и все земные дикие животные, кроме оленя и зайца. Жители Большерецка, оставив промысел рыбы у Еновского, к концу июля возвращались по домам и приступали к массовой заготовке горбуши на юколу и «кислы» для корма собакам.

По моим подсчётам, в большерецких водах за сезон проходило не менее миллиарда рыбин, в том числе девяносто процентов горбуши.

Прежде чем закладывать рыбу «на кислу», старую яму расчищали. Убирали вонючую воду и часть такого же ужасно пахнущего грунта, яму устилали зелёной травой, стеблями крапивы или иными растениями. Яма могла вмещать до пяти тысяч горбуш. Заполнив до краёв рыбой, её покрывали растительностью и слоем земли толщиной не менее тридцати сантиметров. Если слой земли оказывался тонким, на сочившуюся из ямы слизь и кровь мухи откладывали «плевки» — личинки. Из них водились черви, которые, киша тысячами, уничтожали чуть ли не всю рыбу.

Зимой, когда яму с кислой рыбой раскрывали, она распространяла отвратительный запах, ощущавшийся по всему селу не менее двух суток. В новых и небольших ямах рыба сохранялась почти целыми тушками, а вот в остальных она буквально превращалась в месиво, которое собаки ели без особого удовольствия. На нарту с десятком собак и неболь-

шим количеством вольницы приходилось закладывать от пяти до восьми ям «кислы».

В это же время чистили горбушу и на юколу. Большим несчастьем для хозяина оборачивались ясные дни, чередовавшиеся с ненастными. В повлажневшую юколу мухи откладывали свои «плевки», а наступившие вёдренные дни словно инкубировали их, и заводившиеся черви выедали всё тело, оставляя только кости и кожу.

Юколы заготавливали столько, сколько позволяло время и погода. Во всяком случае, количество её колебалось у разных хозяев и зависело от числа собак и определялось в пределах от шестидесяти до ста вязок, в каждой из которых считалось по пятьдесят юколин. Для собственного пропитания горбушу не заготавливали, так как и без неё хватало более жирной и крупной рыбы. И лишь только снятые узкой полоской с брюшка так называемые «пупочки» иногда жарились в сметане, представляя некоторый интерес взамен брюшков кеты и красной, которые в ту пору сопровождали рунный ход горбуши.

Но вот, ускользнув от острых зубов зверя, преодолев крутые шиверы, порою с оборванной махалкой на хвосте и подносившимися плавничками, горбуша, наконец, достигала желанного родного водоёма. Здесь три года тому назад она, вылупившись из икринок ранней весной, с полой водой покинула свою колыбель.

Расчистив каменистое дно реки со спокойным течением от налёта ила, горбуша приступала к возделыванию нерестилища в виде блинообразного углубления в грунте. К этому времени готовые к оплодотворению икринки легко отрывались от плёнок и перепонок и рассыпались по своеобразному гнезду. Самец обильно поливал икринки молоками, их надёжно прикрывали тонким слоем гальки, защищая от пернатых хищников и гольцов. Великое таинство продолжения жизни и сохранения рода заканчивалось.

Теперь горбуша, как и всякая порода лососёвых, кроме гольцов, хариусов, микиж и кунджа, менялась в обличии. Хвост и горб лысели, а на плавниках оставались одни кости. Вскоре

вся масса отнерестившейся горбуши погибала и разлагалась, в результате вода приобретала такой отвратительный вкус, что её почти невозможно было пить, а трупный запах распространялся до трёх вёрст от реки. Иная, осев, гнила, залегая толстым слоем хвостами наверх. Берега, сплошь покрытые тушками рыбы, являлись местом кормёжки ставших на крыло птенцов чаек, которые, лакомясь, выклёвывали одни глаза. Мёртвой горбушей питались утки, лисицы, горностаи, соболи и другие мелкие хищники, а называлась она «снёнкой», то есть снулой рыбой.

Эта рыбка средней величины, кормившая, кажется, всё живое, в Большерецке не ценилась. Обилие её в местных водах считалось само собой разумеющимся. Прозрение наступило в грозный 1923 год. В этот год я помнил первый подход горбуши, который превратился в настоящее бедствие как для людей, так и диких животных и птиц, потреблявших её...

Всё лето стояла ненастная погода, реки вышли из берегов, бурные потоки воды снесли запоры, и в результате ограниченное количество горбуши, оказавшееся в большерецких водах, разбрелось по затопленной растительности, а с падением уровня обсохло и погибло. Горбуша в тот год пришла необычайно крупной, но её оказалось очень мало. Видимо, на её величине сказалось обилие корма из-за ограниченного количества рыбы в местах нагула.

Вот как этот недоход сказался на заготовке кормов. Жители потратили массу времени на лов рыбы, только теперь уже не запорами, а неводами. Несмотря на их старания, корма заготовили наполовину меньше требуемого. Вырисовывалась перспектива голода, а в связи с ним — уничтожение большей части ездовых собак, от которых зависела нормальная жизнедеятельность людей. К счастью, упрочившаяся на местах советская власть, обратившись в соответствующие правительственные органы, добилась изъятия у рыбопромышленников не вывезенной рыбы японского посола с промысловых участков около села Утки. Большерецкие жители не раз ездили туда и привозили гружёные нарты горбуши. Её вымачивали, и тем самим спасли часть собак.

В этот недоходный год жители ничего не заработали на промысле рыбы, поэтому изъятую у промышленников рыбу им предоставили бесплатно, а на покупку продуктов открыли кредит в первом советском кооперативе, организовавшемся в Усть-Большерецке.

На помощь людям пришли власти, а животные и птицы оказались в бедственном положении. Утки, питавшиеся рыбой и икрой, были настолько постными и вшивыми, что их никто не решался отстреливать. Вороны и сороки так обнаглели, что буквально табуном окружали и самым бесцеремонным образом садились на головы женщин, выходивших из изб с тазом помоев на улицу, не дожидаясь, когда они выплеснут содержимое. Не успевала собака съесть свой корм, как наиболее голодные вороны выхватывали скудную порцию еды у неё чуть ли не из пасти.

Вороны, никогда в прошлые зимы не трогавшие корма в балаганах, на этот раз проклёвывали солому и корьё на крышах и, проникая вовнутрь, наносили ощутимый урон запасам сушёной и мороженой рыбы. Эти птицы, жившие среди людей около Большерецка, были такими худыми, что полуголодные собаки-вольницы из числа сук и молодняка остерегались есть их.

Не откормившийся и голодный медведь днём бродил рядом с селом, а ночью подбирался к ямам с кислой и в поисках пищи разрывал их, превращая содержимое в месиво земли с кормом, уже не годившееся для питания собак. При этом яму не оберегал никакой настил из толстых брёвен. Истосковавшийся по еде мишутка с лёгкостью разбрасывал брёвна, а заодно и чучела, так наводившие на него ужас в прежние рыбные годы.

Помню такой случай. Один хозяин услыхал ночью отчаянный и тревожный лай собак около балагана. В нижнем белье и торбасах он вышел узнать, в чём дело. Заметив какую-то животину около шайбы, где обычно хранилась кисла, он изо всей силы огрел её вилами. Ответный могучий удар свалил его в грязь, и когда он очнулся, то понял, что это была не лошадь, а медведь. К счастью, свора собак, наступавшая

на голодного и злого зверя, вовремя защитила своего хозяина и кормильца.

В эту пору медведя, бродившего днём и ночью до глубокого снега, били везде: и на упомянутых ямах, и в лесу. Мясо его было без жира, в желудке попадались всякие малосъедобные предметы домашнего обихода.

Один раз мы, плывя на кошку, вблизи её убили медведя, бродившего по морскому берегу. В животе у него оказались обрывки материи от японских халатов, обрезки верёвок и пакля. Видно, он съел их, найдя на заводской свалке пропитанными кровью и слизью рыбы.

Вот такую цепную реакцию вызвал недоход горбуши, этой, в общем-то, скромной рыбки, матушки-кормилицы всего живого по западному берегу Камчатки.

Во время хода горбуши, а особенно в его конце, дружно шла кета и поздняя летняя красна. Последняя имела необычную окраску. Её светло-зелёная голова с крючковатым носом резко отличалась от тела кумачового цвета. Она достигала веса в три-четыре килограмма.

Следом за горбушей, кетой и красной, как бы преследуя их, шёл голец, большой любитель той самой икры, выметанной на нерестилищах. В начале осени самец гольца, сменив серенький цвет, рядился в брачный наряд. До чего же он был великолепен в это время! В отличие от непривлекательной небольшой икряночки, самец раздавался в ширину, половина его тушки до брюшка словно горела ярко-оранжевым цветом. Остальная часть тушки с постепенно переходящей от светло к тёмно-зелёной окраске, являла собой истинный изумруд. С ним контрастировала большая часть спинки, краплёная не очень густыми, но чёрными-причёрными кружочками небольшого размера, то по оранжевому, то светло-зелёному фону мелкой чешуйки.

Брюшные плавники, разукрашенные полосками ослепительно белого, чёрного и кумачового цветов, можно было сравнить с окраской первосортного мармелада. В довершение всего, нижняя остроконечная челюсть заканчивалась своеобразной, словно курительной, трубочкой, которая,

войдя в углубление окончания носа, при надобности запирала весь рот.

Трудно описать все особенности гольцового наряда. Его можно лишь вообразить, представив в виде мантии фантастического короля древности. Вес такого красавца достигал полутора килограммов, а назывался он «васатинцем». Нерестились гольцы только на плёсах ключей чистейшей воды, холодной летом, незамерзающей зимой.

Переменчивость васатинца достойна большого удивления. Выметав осенью содержимое молок, он выплывал из ключей в большие реки. Зимуя на их плёсах в ямах вместе с икряночками, к весне превращался в прежнюю серенькую рыбку, почти не отличавшуюся от своей подружки. Видно, наряд ему был нужен для привлекательности, а заодно вместе с необычной формой нижней челюсти — и для устрашения соперников. Осенью и весной гольца ловили во множестве по косам больших рек неводом с частыми ячеями.

Первые гонцы кижуча, шедшие по Быстрой, Плотниковой и другим полноводным рекам, проплывали возле берега в середине сентября, выделяясь среди остальной рыбы тёмно-зелёной чешуёй на спине и серебристой на остальной части тела. Такие же чёрные крапинки на спине, как и у чавычи, роднили их по внешности. В эту пору кижуч был особенно нарядным, а его тело — необычайно жирным.

Славу кижуча портила так называемая «сарана» — белые крупинки, иногда сплошь усыпавшие розовое тело. Такая рыба считалась больной, её заготавливали только на юколу для корма собакам.

Кижуч в малые речки на нерест заходил не сразу, подолгу отстаиваясь по просторным плёсам больших рек и в их ямах до начала хода шуги. Ловился он до Нового года, в чём было его неоспоримое преимущество перед рыбами других пород, и вот почему. Заходившего в малые реки на нерест кижуча довольно ловили запорами. Там его складывали в шайбы, и он сохранялся в замороженном виде до зимы. Кроме шайб, находившихся на дальних реках в лесу, эту рыбу сохраняли в балаганах, раскладывая по настилу для замораживания.

Рыболовный запор на реке. 1920-е годы

Выборка рыбы из ловушек в баты

Традиционные камчадальские вешала и коптилки

Яма с «кислой» рыбой (все фотографии из фондов КГБУ ККОМ)

В местах нерестилищ кижуч, также как поздняя летняя красная, становился почти кумачовым. После хода этой рыбы наступал трёхмесячный перерыв до весенних гольцов, когда никакой ловлей не занимались, переключаясь на промысел пушного зверя.

ПРОМЫСЕЛ ЗВЕРЯ

С увеличением заберегов (льда, застывшего у берегов. — *Ред.*) и появлением шуги (первого осеннего кашеобразного льда, двигавшегося по воде. — *Ред.*) прекращали ловить гольца в больших реках, а через непродолжительное время завершали заготовку кижуча. Приближалась пора промысла пушного зверя. К этому времени понижавшаяся температура достигала такой отметки, что плывшая ранее плотной лентой шуга превращалась в сплошной покров по всей ширине реки. Наконец она запруживала устье Большой, а оттуда, разрастаясь вверх по течению, выжимала напиравшую из русла воду, которая, широко разливаясь, затопляла прибрежные тальники. Наступал рекостав (реки замерзали. — *Ред.*), а за ним лёд упрочнялся. Теперь, не боясь водных преград, можно было смело разъезжаться на промысел пушного зверя.

Шкурка соболя, нагулявшего за лето жирок, к этой поре покрывалась густым сероватым пухом и длинной шерстью, отливавшей по спинке чёрным блеском.

Охотники за соболем загружали нарты юколой, промысловым снаряжением и, переправившись на пароме через незамерзавшую реку Манаковую, отправлялись на юг, в район подножья сопок Ипильки и Опальской.

Мне лично соболя промышлять не доводилось, поэтому читателю придётся довольствоваться моим изложением рассказов отца и земляков, которых я от них наслушался, будучи подростком.

После выпавшего в канун охоты днём или ночью снежка, с рассветом следующего дня промысловики отправлялись преследовать зверя по следу. Отпечатки следов на только

что выпавшем снегу называли «переногой», а про само преследование по следу говорили: «переножить».

Соболь за ночь покрывал большое расстояние, поэтому выслеживание по снегу на лыжах могло продолжаться от нескольких часов до суток. По мере приближения соболя к каменистым местам, охотнику надлежало проявлять крайнюю осмотрительность, так как зверёк мог укрыться под толстым слоем снега в щелях каменных нагромождений, и тогда ничего не оставалось делать, как, спрятавшись в укромном месте с подветренной стороны, ждать до темноты его появления. При этом избавь Бог, чтобы человек или его верный помощник — зверовая собака — приблизились ко входу в укрытие соболя ближе, чем на выстрел дробового ружья.

Заметив издали место, где спрятался зверёк, охотник должен был обязательно в этом убедиться. Для этого он, не показывая утолоку от следов лыж и собаки с тулуном, должен был бесшумно сделать на почтительном расстоянии от входа круг, пытаясь обнаружить возможно существующий второй выход из укрытия. Если он его не замечал, то смело мог удалиться на значительное расстояние, где можно было преспокойненько разложить костёр, сварить чаёк и подкрепиться незамерзающей юколкой с высококалорийным медвежьим жиром, поделившись ею со своим четвероногим другом и помощником. После наступления сумерек охотник в маскирующей камлейке отправлялся с собакой в засаду. Если чуткий слух и нюх соболя не перехватил их дневных шорохов и запахов, зверёк появлялся на выходе с наступлением темноты. Если же он учуял присутствие человека и собаки, то мог в течение нескольких ночей не покидать своего убежища, а если решался это сделать, то вылетал оттуда поздней ночью, подобно пущенной стреле и, не задерживаясь, мчался прочь что есть мочи. Неудачный или запоздалый выстрел мог свести труд одного или нескольких дней на нет. Теперь оставалась одна надежда — на собаку, которая не всегда в темноте и спешке могла выручить хозяина.

Вот какой случай произошёл с моим отцом. Соболя он выследил, спрятавшись в дупле толстой берёзы. Отец отстегнул

собаку от тулуна, вынул из него сеть и укрепил её при помощи сошек в снегу вокруг дуплянки. Подпалил у входа дупла кучку берёзовой коры и стал ждать появления соболя.

Соболь очень боится дыма и потому, учуяв его запах, покидает дупло, взбираясь на вершину берёзы, где его убивают, стреляя самой мелкой дробью. Но бывает и так, что он, пытаясь спастись от явной смерти, погибает от угара и удушья и падает в дымокур.

На этот раз соболь, появившись в вершине ствола берёзы, прыгнул на снег, не задерживаясь. Это произошло так неожиданно и быстро, что отец, держа ружьё наизготовку, даже не успел навести мушку на мелькнувший в воздухе пушистый клубочек. Оправившись от падения, зверёк пустился наутёк, но тут ему путь преградили сети. Подбежавший отец сгоряча схватил запутавшегося хищника голой рукой вместо шейки за туловище. Решётка острых зубов мигом пронзила насквозь большой палец, но отец не выпустил беглеца. Превозмогая боль, он вынул из ножен свободной рукой всегда висевший за поясницей нож и его обушком решил исход схватки...

Соболь — очень осторожный зверёк и в капкан почти не попадает. Он может оказаться в ловушке в том случае, когда ловушка будет замаскирована под кочку на воде ключика, прыгая на которую зверёк преодолевает переправу.

За сезон добывали соболя от трёх до семи голов на двоих.

Кто не занимался охотой на соболя и оставался дома, тот с наступлением переноги выезжал на день за лисицей. Хитрую лису капканом ловить не умели. Добывали её в норе, при обстоятельствах, участником которых я был сам.

Мне было, вероятно, лет четырнадцать-пятнадцать, когда я поздним вечером обнаружил, что зверовая собака Тигра, которую старший брат собирался взять с собой на охоту, по неизвестным причинам оказалась дома. У меня сразу же возникла мысль наедине с ней испытать счастье в погоне за лисицей.

Как только представился случай, я запряг собак, оставшихся на моём попечении, прихватил повеселевшего Тигру, уложил в тулун топорик с лопатою и с первой зорькою выехал к знакомому березняку возле большой тундры.

Там я, закрепив нарту с собаками, надел широкие лыжи, обтянутые нерпичьей шкурой, впряг Тигру при помощи алыка в тулун и отправился искать лисьи следы. Четыре вольницы из числа неезжалых собак погнались за нами. Вскоре мы наткнулись на нужный след. Он был чётко виден в лесу, но когда вывел нас на окраину к тундре, оказался почти полностью скрытым под снегом от начавшейся позёмки. Иногда среди кустарника на тундре я замечал отдельные лунки, по которым, однако, трудно было определить направление следа. В эти углубления, запорошенные снегом, я осторожно всовывал пальцы, пытаясь тем самым определить направление бега зверя. В конце концов густо падавшие хлопья снега с ветром окончательно замели следы, но это меня не огорчило, так как при такой непогоде лисица должна была обязательно укрываться в норе.

Мой взор привлёк одиноко стоявший на тундре небольшой островок из берёзового леса. «Должно быть, она пошла к нему в нору», — подумал я, смело зашагав напрямик.

В густом березняке, поросшим кедровничком, было тихо и тепло, выпавший снег лежал нетронутым. Немного пройдя, снова напал на желанный след. По пухлому снегу брёл медленно, оставляя глубокую колею, в которой, устало переставляя лапы, шли собаки. Вдруг метрах в десяти на поверхности девственного снега появился, словно пламя, клубок рыжей шерсти. Лисица с белой манишкой, стоя на передних лапах, с тревогой в глазах уставилась на меня, а я, заворожённый её красотой и неожиданным появлением, удивлённо замер. Ружья у меня не было, и я подумал, что сейчас она ускачет от меня. Но в этом миг вспомнил рассказы о том, что этот зверь боится волков, и достаточно только немного повыть, как он нырнёт обратно в нору.

Я вытянул губы и протяжно завыл. Действительно, моя красавица тут же юркнула в нору. Подбежал к устью норы, сунул в неё пару лыж с камлейкой, освободил Тигру от тулуна. Собака с отчаянным визгом стала грызть и разгребать землю. Нарубив затычек и очистив длинный хлыст от сучьев, стал им прощупывать нору, пытаясь обнаружить возможные

иные выходы. Отнорков не оказалось. Тогда я, убрав лыжи и отстранив бесновавшегося Тигру, хлыстом, засунутым в нору, определил направление её хода. Заделав устье затычками, я прорубил над норой первый колодец и хлыстом снова определил направление норы. Так, продолжая неустанно работать, пробил три колодца, уткнулся в два отнорка, ни в одном из которых пропущенный хлыст лисы не обнаружил.

В каком из них должен быть зверь, я задумываться не стал, а призвал на помощь Тигру. Собака, вывалив красный язык и прерывисто дыша, с пущей настойчивостью стала рыть в левом отнорке. Сделав очередной колодец, я услыхал в продолжение хода характерный шорох скребущегося существа. Пропустил туда прежний щуп и почувствовал желанный рывок. Сердце радостно забилось. Лисица была совсем рядом. Оставалось ещё немного подкопаться, схватить её в рукавицах за задние лапы, связать их или вывихнуть из суставов, как это обычно делалось в таких случаях, и выбросить пленницу на снег.

Неожиданно возня в норе стихла. Вдруг мне, склонившемуся к норе, показалось, что промелькнула какая-то тень. Я поднял голову и увидел рыжую шубку, стремительно удалявшуюся мощными прыжками. Я отчаянно заулюлюкал, крича собакам: «Тёй, тёй, тёй...»

Вольницы, сладко дремавшие от безделья на талой земле, первыми пустились за беглянкой, а за ними выскочил из прокопа с грязной мордой Тигра и полетел следом.

Я, возбуждённый и разгорячённый земляной работой, в верхней рубашке, спешно надев лыжи, побежал вдогонку по следам умчавшихся. Когда подбежал к границе березняка с тундрой, увидел на окраине леса ожидавшего меня Тигру, а далеко на просторах тундры убегавшую вольницу, впереди которой ничего живого не было заметно.

«Видно, успела удрать в соседний тальничек», — подумал я и до крайности огорчённый, не спеша, побрёл следом вольницы, размышляя, что раз собаки не взяли её сразу на неглубоком снегу тундры, то делать в тальнике им нечего, так как лисица, добравшись до ледяного покрова реки Начиловой,

будет недосягаема. Пройдя так немного, вернулся обратно, остановившись около тревожно повизгивавшего Тигры. Я ударил его изо всей силы мёрзлой рукавицей по морде и со слезами на глазах в отчаянии заголосил:

— Вместо того чтобы тебе, лентяю, бежать вдогонку за лисицей, ты остановился тут и ждёшь меня, бестолковый дурак. А ещё считаешься зверовой собакой.

Уставший телом и душой, я сел на поваленную берёзу и горько-горько заплакал.

Тигра снова подошел ко мне и ласково лизнул прохладные щёки, наполовину облитые солёными слезами. Я обнял его за шею и ещё больше неутешно разрыдался на весь лес, причитая:

— Недосмотрели мы с тобой, кто дома нам поверит, что мы чуть-чуть не упромышлили пушнинку!

Тигра вырвался из моих, требующих участия, объятий, подбежал к толстой, наполовину склонившейся берёзе и снова призывно заскулил, как бы приглашая меня.

— Неужели, родненькой, ты загнал её в дупло, — вслух произнёс обрадованный я.

Когда приблизился к старой лесине, то увидел на высоте метра от земли скрытный вход в дупло. Заткнув лохматой шапкой вход, я сбегал к норе за оставленным снаряжением и одеждой и примерно через час выволок из дупла огненно-рыжую лису.

Снятую шкурку я молодецки подцепил за пояс, а жирную тушку за верную службу отдал Тигре, но он, к великому моему удивлению, так много и яростно трудившийся, даже к ней не притронулся. Мясо пришлось скормить не имевшей никакого понятия об охоте четвёрке неблагодарной вольницы.

На промысле зверя приключалось всякое. Это не минуло и меня с отцом. Во всяком случае, добыча соболя и лисицы упомянутыми способами являлась для большерецких охотников традиционной.

Кроме огненно-рыжих лисиц, которых было очень много, в весьма и весьма ограниченном количестве водились «самарашки», «крестовки», «сиводушки», чернобурки и чёрные.

Рыжий цвет шерсти у «замарашек» был, действительно, как бы чуть-чуть испачкан — затемнён. Замарашки с тёмным крестом на спине назывались «крестовками». Лисицы с тёмно-серебристой окраской шерсти именовались «сиводушками», с чёрно-бурой — «чернобурками», а совсем чёрные — «чёрными». Добыча последних почиталась за великое счастье.

Сказывали, что будто бы встречались лисицы чисто огненного цвета — «огнёвки», ценившиеся превыше всех остальных, но я лично их не видел.

Выдру добывали круглогодично, но в ограниченном количестве. Она попадалась в капканы, выставленные на кочках или мысочках при выходе из воды, где она оправлялась, и чтобы упрятать свои нечистоты, нагребала на них горку из грунта, как кошка. Это, очевидно, делалось с целью сокрытия своего присутствия.

Приближаться к месту выхода выдры из воды на берег следовало не сухопутьем, а по воде, бродом или на бату. Лучше всего капкан надлежало ставить в воде, перед вылазом. На суше же, подле вышеупомянутой горки, капкан ставили в исключительных случаях, оставляя покрытым грунтом, причём после завершения этой операции на место ловушки следовало слегка плеснуть воды, избегая при этом нарушения знакомой выдре обстановки. Тогда веерообразный выплеск воды не только сглаживал неровности грунта, оставленные после насторожки капкана, но и уничтожал запах побывавшего здесь человека.

Рассказывали, будто бы плававшая или бегавшая по суше выдра издавала звук, напоминавший свист. Щенилась она, надо полагать, по берегам рек в норах, которые я сам видел на реке Начиловой.

В воде выдра — лучший ныряльщик и пловец, а вот ходить по суше она — специалист небольшой. Иногда ей приходилось перемещаться зимой по снегу из одного водоёма в другой. Образуя на пороше льда словно мазки от волока шерстистого брюха, на пушистом же снегу она оставляла лоткообразное углубление, медленно продвигаясь вперёд.

В таких случаях беспомощная выдра становилась лёгкой добычей зверовой собаки или её хозяина.

Волков в Большерецке знали мало, водились они далеко от охотничьих угодий, и их не промышляли.

Росомах убивали случайно. Этот ловкий, сильный и хитрый зверь иногда попадался в капканы. Поздней осенью, перед охотой на соболя, во время отсутствия переноги, случалось добывать медведя или оленей. Их мясо укладывали в небольших шайбах на столбах или высоком дереве. Вскарабкавшись по стволу или столбу, крепкозубая росомаха прогрызала в шайбе отверстие и, проникая в него, поедала мясо, за что охотники её ненавидели и считали вредным зверем.

Промыслом зайца и горностая, как я уже упоминал, взрослые не занимались, считая это занятие неоправданной тратой времени.

За дикими баранами ездили весьма редко и охотились зимой в скалистых местах возле Опальской горы. Там бараны поедали мох на обросших камнях, укрываясь от лютых морозов и бушующей пурги за выступами скал, временами греясь в лучах солнца.

Мясо барана с чередующимися прослойками жира, нежное и вкусное. Из его огромных широкополых рогов изготовляли «колтоны» — табакерки для лемешины.

Мясо дикого оленя являлось значительным подспорьем в рационе питания жителей. Его били из нарезного оружия глубокой осенью, когда управлялись с заготовкой сена и горбуши для корма собак. К этому времени гнуса становилось меньше и откормившиеся стада оленей спускались с хребтов к их подножью и на тундры, где их и промышляли.

Ездили верхом на лошадях и добывали оленя столько, сколько оленьего мяса лошадь была способна доставить как поклажу во вьюках.

Второй период охоты на этого густошерстного зверя наступал зимой, после охоты на соболя, и тоже на тундрах.

Когда к стаду нельзя было подступиться, тогда стреляли поверх голов оленей, по возможности в лес. В этом случае животные поворачивали свой бег от охотника назад к нему,

где и становились его добычей. Мясо добытых оленей в эту пору вывозили нартами, запряжёнными собаками.

Нерпу промышляли, кроме костяной пики, о которой я уже упоминал, ещё и огнестрельным оружием на кочках, где звери, греясь в лучах солнца, отдыхали, выйдя из воды.

Ценилась шкура этого животного, из которой делали выкройки на лыжи и вырезали длинные ремни. Шкуру снимали, как рубашку тулуном, и раскраивали по окружности на ремни требуемой толщины.

Не менее ценным оказывался и плавкий жир нерпы, на котором повседневно жарили рыбу. При его перетопке, как и медвежьего, отходили «выжарки», которыми лакомились в основном дети, словно хрустящим хворостом, изготовленным из пресного, обжаренного в масле теста.

Киты вблизи берега Охотского моря не водились, и за ними не плавали, но случалось, что на кошку выкидывало их туши. Тогда из них вырубали рёбра, выделывая впоследствии подползки, которые были незаменимы при езде на нартах во время некати — мокрого снега.

Как только весенний снег начинал покрываться коркой наста, с появлением полянок выезжали на собаках в хребты за медведем, уже вылезавшим к тому времени из берлоги. Несмотря на долгую спячку, мясо его в ту пору всё ещё оставалось жирным и почти совсем не отдавало рыбой, а у сосунков было мягким и приятным на вкус. Этому способствовал, очевидно, тот факт, что косолапый, отъевшись за лето на рыбе, перед заходом в берлогу какие-то дни лакомился одними ягодами и орехами на кедровнике.

Из пропарившегося входа в берлогу на склоне горы, направленной к солнцу, медведь выходил ранней весной, делая небольшие прогулки по поляночкам в поисках корней. Теперь его, как и оленя на тундре, помогал обнаружить случавшийся бинокль.

По разводу медведь удирал от охотника стремительно, как по воде, а вот по насту его вмиг настигали спущенные собаки, которых держала на поверхности слабая корка подстывшего снега. Грузный мишутка после нескольких прыжков, запыхав-

шись, садился, защищая зад от наседавших собак. В такой ситуации он становился лёгкой добычей охотника.

Но не всегда преследователям сопутствовала лёгкая удача. К задержанному зверю надлежало приближаться нартами, не ближе, как на дальний выстрел пульного ружья и вдвоём. Один охотник при этом оставался с упряжкой собак, крепко закреплённой на месте, а второй катил к медведю на лыжах для ближней стрельбы.

Бывали такие случаи, когда каюр, не будучи в силах справиться с упряжкой разъярённых собак, всей ватагой наезжал на рассвирепевшего великана. Тогда тот рвал кукуль и всё, что попадалось: снаряжение, одежду, кромсал нарту и расправлялся с запряжёнными собаками. Беда могла постигнуть и незадачливого каюра, если он, удерживая нарту стиснутыми руками за копылья, сам волочился по снегу, не отпускаясь, до опасного сближения с затравленным медведем.

Шкуру с чёрно-бурой окраской весеннего медведя иногда стелили вместо половика на полу в избе. Из части кожи, от лап до колен, вырезали не знавшие износу ремни, которые в основном расходовались на обвязку нарты.

Медведя различали по полу и возрасту и называли: самца, достигшего полного возраста, — «секачом», половозрелую самку — «матухой», годовалого медвежонка — «сегодушкой», второгодка — «лоншаком».

Интересной, опасной и полной страху считалась охота на летнего медведя.

С наступлением погожих дней, по мере освобождения земли от снежного покрова и появления зелени, медведь приближался к рекам, вынюхивая по косам занесённую илом и песком прошлогоднюю снёнку. В ожидании хода горбуши в эту пору он спускался с верховьев в районы устьев рек Быстрой и Плотниковой и ниже — на Большую.

За первыми гонцами рыбы он, голодный, потеряв всякую бдительность, носился по воде на шиверах около берега кос только что упомянутых рек, днём и ночью, не опасаясь человека. Однако, с постепенным утолением голода, после захода горбуши в реки средней глубины, медведь перекочёвывал

туда, выискивая берега, заросшие лесом и другой растительностью. Теперь он выходил на кормёжку перед закатом солнца и промышлял рыбу до раннего утра, съедая до сорока горбуш за раз.

Но вот животное отъедалось всё больше и больше, толщина его жирового покрова достигала четырёх пальцев, и теперь он выходил к реке только глубокой ночью, почти бесшумно и с величайшей осторожностью. Не ломая сучьев под лапами, не шурша растительностью, делал несколько шагов и замирал, прислушиваясь. В это время сплошная утолока на крутых берегах и наличие в воде массы несъеденных шаглов горбуши, а также множество отпечатков следов лап на тине выдавали место его постоянной кормёжки. Тут можно было караулить его ночью, но самым излюбленным способом охоты в эту пору считалось бесшумное и тихое плавание по воде на одном или двух спаромленных батах, заставая в темноте пирующего медведя среди сотен горбуш.

Пожалуй, будет лучше, если я опишу свою охоту в такое время. Работая в Большерецком совхозе со старшим братом, в выходной день поплыли мы на бату к реке Якутовой за медведями. Свернув с реки Быстрой в протоку Отцовскую, заметили утолоку. Решили ждать, спрятавшись в кокорах — корягах — для караулки.

С закатом солнца нам показалось, что как будто бы треснула сухая хворостинка. Подождав немного, проверили и установили, что зверь, действительно, приходил и был готов спуститься на воду к рыбе, но, очевидно, хватив постороннего запаха, бесшумно скрылся. Мы зажгли спичку и по направлению пламени и дымочка поняли, что ветер тянул тут, вблизи широкой реки, на повороте, в неблагоприятную для нас сторону.

Недалеко от выхода полуглухой и неширокой реки Якутовой услыхали возню медведя в высокой так называемой «гусиной траве», обычно торчавшей прямо из воды около отлогой косы без растительности. Таким образом, этот оброс-ший пятачок, находясь на открытом пространстве, как на ладони, в глубине нисколько не просматривался. Мы при-

стали к противоположному берегу и взяли карабины наизготовку, ожидая появления затаившегося зверя. Прождав минут пятнадцать, не выдержали ожогов назойливого мокреца и поплыли дальше. Не успели свернуть за кривляк, как услыхали чавканье по тине лап медведя, спешно уходившего с того самого места, откуда мы ждали его выхода. Своим терпением и осторожностью животное перехитрило нас.

В наступившей темноте поплыли дальше, услыхав вскорости сопение и необычный всплеск воды. Зажгли фонарь и, плывя, стали прислушиваться и приближаться к мишутке, промышлявшему рыбу. В это время нос нанесло на подводную кочку из гагая, и бат остановился. Ничего кругом не видя, я навёл фонарь на звук, исходивший от фыркавшего существа. Луч света отразился от его злых, мгновенно погасших глаз. Медведь поплыл к берегу, не спеша забрался на него, сердито пофыркал и, недовольный, отправился в гущину леса. Застрявший бат не позволил нам сблизиться с ночным рыбаком и к тому же из-за дальнего расстояния свет малосильного фонаря не мог помочь нам, поэтому стрелять наугад мы не стали.

Проплыв дальше за пару плёсов, услыхали тяжёлые вздохи. Медведь, видно, был большой. Страшный хруст зубов и чавканье слышались совсем рядом, где-то под лохматыми ветками склонившейся над водой могучей талины. Я поднял из укрытия горящий над батом фонарь. Фитиль его догоревшей свечи упал в расплавленный стеарин и потух. Кругом воцарилась кромешная тьма. Не желая упускать возможной удачи и боясь опасного сближения с зубами и мощными когтями потревоженного хозяина здешних мест, я, сидевший в носу бата, выстрелил в темноту наугад. Страшный шум воды и каскад брызг обрушился на нас. Одним прыжком медведь преодолел подъём крутого яра. Ломая сучья и сухостой, с треском и шумом он умчался, стихнув в глуши.

Неудача преследовала нас недолго. В туманной зорьке мы снова услыхали знакомые всплески возившегося в воде косолапого. Отчётливо были слышны тяжёлые вздохи и хлюпанье воды, но проклятый туман, густо державшийся в узкой

реке и под нависавшими деревьями, не позволял рассмотреть объект нашей охоты. Наконец в серой мгле я заметил пятна, отличавшиеся от остальной среды, напоминавшие бесформенное облако. Не дожидаясь опасного сближения, я нажал на спуск и разрядил карабин, надеясь на удачу. Раздался короткий рёв смертельно раненого зверя, снова зашумели дудки шеломайника, затрещал падавший сухостой, и захлёбывающийся хрип стих.

— Попал, попал! — воскликнул обрадованный брат, вставая на шест. — Прижимай бат к берегу, будем следить.

Перспектива идти по следу раненого зверя сейчас, в кромешной тьме, меня не радовала. Я и без того натерпелся страха за время тревожного ночного пути, попав чуть ли не в самую пасть хищника. Но делать было нечего: я младший, должен был показать храбрость настоящего охотника, а то меня, Бог знает, как засмеют.

Из сушняка настрогали курчавых стружек, и брат, раздвигая шестом густо поросший в рост человека шеломайник, пошёл рядом со мной, вооружённым карабином.

— Видишь, кровь, — показывая испачканные листья на высоте около метра от земли, подбадривал меня, трясущегося от животного страха, брат, — должно быть, ловко попал.

Мы шли медленно, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Временами стружки сгорали, и мы, не успев зажечь новые, оставались наедине с мраком. В эту минуту казалось, что сердчишко моё переместилось куда-то под горло и яростно стучит, умоляя прекратить это ночное и опасное преследование.

Вдруг в конце узкой раздвинутой щели в растительности мы заметили тёмно-бурую массу. С особой бдительностью приблизились, брат ткнул неподвижную тушу шестом, она чуть всколыхнулась и замерла. Оказалось, я попал медведю в лёгкое.

Тут же разделали тушу, отварили нежную грудинку, запили наваристым чаем, пахнувшим дымком, и усталые, но довольные удачей, встали на шесты и засветло дошли до дома на гружёном бату.

Тогда охота на зверя считалась делом обычным, и я, как и все молодые люди, даже гордился удачей. Однако в данное время, начитавшись гуманных книг и наслушавшись нравоучений по телевидению, вряд ли возьмусь за оружие, которое у меня давным-давно лежит без пользы на попечении заботливой жены.

Этот рассказ во всех отношениях характеризует промысел медведя в ту пору.

Из привезённой добычи охотник наделял попа, учителя и пристава, родных и близких большим и лучшим куском свеженины, говоря при этом: «Возьмите на супчик». Слову «на супчик» придавалось такое значение: дающий, как бы умаляя величину подношения, ничуть не страдает от такой потери, преподнесенной уважительно, сердечно и по-дружески.

Из тонкой кожи на брюхе медведя и его камусов — шкуры от лап и до колен — вырезали ремни, а остальная часть шла на подошвы.

Раненый медведь опасен. Бывало, охотники гибли. Зверь нападал также и тогда, когда, как говорится, лицом к лицу неожиданно встречался с человеком в месте кормёжки. При встрече на дальних расстояниях медведь на людей никогда не нападал, спасаясь от них бегством.

В отдельные годы, весной, бывали случаи, когда рогатый скот приходил из леса с отметинами медвежьих когтей на боку. Сказывали, что однажды бык принес в село медведя на рогах.

Курьёзных случаев, приключившихся при охоте на этого царя камчатских зверей, можно было бы привести предостаточно, но я хочу рассказать об одном. Зимой охотник на соболя катился по склону сопки на лыжах. Лыжи его неожиданно стали проваливаться, и он вместе с ними задним ходом скатился в отлогое углубление. В темноте услыхал возню и понял, что провалился в берлогу.

Полусонный медведь, учуяв лаявшую собаку, пожелал её проучить и попытался вылезти из берлоги, но обледеневший выход не позволял. Когти скользили по льду, и зверь скатывался обратно на дно берлоги.

Желая поскорее избавиться от опасного соседства, при очередном скольжении охотник подпёр руками зад проснувшегося засони. Эта помощь недотроге не понравилась, и он ударом по плечу охотника упредил его новые намерения.

Наседавшая собака, запряжённая в алык, пристёгнутый потегом к тулуну, не давала хищнику покоя. Тот, наконец, выбрался и расправился с ней. В этой неравной схватке преданное хозяину животное погибло, спасая человека от верной смерти.

ПЕРНАТЫЕ И ИХ ОТСТРЕЛ

Доля диких уток в рационе питания большерецких жителей была незначительной, хотя их прилетало весной и оставалось зимовать предостаточно. За ними охотились во время весеннего перелёта, плавая на батах, и зимой по не застывшим рекам, выезжая нартами собак на один-два дня, а в году, в общей сложности, не более пяти-шести суток.

Считалось, что перевод времени и денег на патроны для дичи не оправдывает материальных и трудовых затрат, далеко несопоставимых в сравнении, например, с добычей туши медведя или оленя.

Зимовать оставалась одна порода кряковых, называемых «селезнями-зимовщиками», да крохали и гоголи. Надо сразу оговориться, что весь род кряковых в Большерецке почему-то называли «селезнями», не различая самочек и «мужичков».

Большие полыньи по рекам Плотниковой, Быстрой, да и на самой Большой являлись их излюбленным пристанищем, где они дневали тысячами, плавая и отсиживаясь на закраинах льда, временами оглашая пространство дружными криками: «Ка-ккк-ка!»

С наступлением сумерек вся стая в виде отдельных табунков, парами или в одиночку разлеталась по мелким не замерзавшим речушкам и ключикам на кормёжку и сон, оставляя на зорьке круглые ямочки в грунте, величиною с вазочку, где они с вечера выбирали икру, червей и ракушки, или

ростки гагая — водного растения. Их отстрел вечерней порой в таких местах назывался «караулкою».

Иногда жестокая пурга сгоняла дневную стаю с полыней больших рек в меньшие речные пространства, где они отсиживались около яра, под нависшим козырьком снега, надутого ветром.

Кряква — птица осторожная и хитрая. Бывало, подойдёшь на лыжах в камлейке к такому обрывистому берегу и уходишь, ничего не обнаружив. Но как только удалишься на почтительное расстояние, так и увидишь с шумом поднявшуюся пару. Поэтому в таких случаях охотник, подобравшийся к возможному месту днёвки уток, производил шорох, обозначая свой уход. Обманутые хитрецы взлетали, и тут выстрел с близкого расстояния сражал их налету.

Неслись утки ранней весной в прошлогодней траве, ещё не освободившейся от снега, откладывая до двенадцати крупных яиц с белой окраской.

Зимовали крохали двух пород. Один вид самцов отличался особой раскраской перьев. Величиною с добрую казарку, с обтекаемым туловищем, он был покрыт оперением резко контрастного цвета. Светло-жёлтый жилет на брюшке доходил до основания крыльев, где резко сменялся чёрным цветом, покрывавшим всю спинку. Часть шеи и всю голову с длинной косой украшали густые чёрные перья, тогда как перепончатые лапы выделялись кумачовым цветом. Длинный и узкий клюв с острыми зазубринами, чёрный сверху, с изгибом на конце, был незаменим при захвате мальков, которых крохаль, будучи прекрасным пловцом и нырялщиком, предостаточно ловил на дне водоёмов. Эта птица привлекала внимание как отдыхавшей на забреге, так и при полёте в голубизне неба. Яйца цвета слабого кофейного напитка крохали откладывали по дуплам, также как и вся их порода, прилетавшая весной.

Гоголей отстреливали так же, как и крохалей: днём в полыньях, а вечерами — на караулке по плёсам спокойных и глубоких рек. Кормился гоголь ракушками, прилипшими к донному кругляку, глубоко ныряя за ними. Гоголей зимовало

тоже две породы. Гнездились эти стремительные в полёте птицы в дуплах берёз на вершинах, в значительном расстоянии от рек, иногда даже в посёлке.

Кроме уток зимовать оставались лебеди. Собираясь в табуны до семидесяти птиц, они дневали на обширных тундрах с хорошим обзором. Редко парами или небольшой стайкой держались на плёсах больших рек, отдыхали там, наблюдая за открытой местностью.

С наступлением глубоких сумерек лебеди отправлялись в просторные ключи или небольшие реки со спокойным течением. Там они кормились, выкапывая в грунте сильными перепончатыми лапами углубления величиною с круглый поднос.

Отдых лебедей на открытой тундре временами прерывался многодневной пургой, тогда они, покинув насиженные места, перелетали в укромные водоёмы.

Один раз, в пургу, отец подъехал к ключу и пошёл на лыжах проверить брод с оштолом — ручным тормозом нарты с плетью и металлическим наконечником. Неожиданно против ветра в его сторону из-за поворота обрывистого берега поднялась с воды пара лебедей. Тяжёлые на взлёте, они подлетели к нему так низко, что он плетью оштола сбил одну птицу.

Другой раз лебеди отдыхали, укрывшись от пурги в крутоберёгом узком ключе. Казалось, тут их никто не мог потревожить. Однако они неожиданно взлетели, тревожно гогоча. Вскоре один из них, беспричинно отклоняясь в разные стороны, камнем упал на снег. Когда к нему на лыжах подкатили охотники, возле птицы они нашли горностая, который, видно, охотясь, прыгнул с обрыва на плававшего лебедя, тем самым вспугнул его и умертвил в полёте, перекусив горло.

Лебедь — птица очень зоркая, сторожкая и в то же время весьма благородная. Мы различали их по окраске оперения. Одни были чисто белые с чёрным клювом и такого же цвета лапами, другие — грязно-серые. Улетая весной на север, там они, очевидно, и неслись.

С наступлением весны, после полного освобождения рек ото льда, в конце апреля, появлялись прилётные утки, чирки, шилохвосты, свижи, кряковые, косатый селезень, несколько пород крохалей, две породы чернедей, каменушки и другие утки. Начиналась прекрасная пора. Всем надоевший снег долгой зимы почти весь стаивал. День значительно увеличивался, яркое солнце, ходившее по голубизне неба, грело щедрее, на обнажённых берегах появлялись первые подснежники и кужулки шеломайниковых пучек, от чего на душе делалось тепло и радостно, люди веселели и становились добрее.

Число перелётных уток со дня на день увеличивалось, они тучами садились на спокойные плёсы ещё не набухших рек, заполняли уютные и тихие курьи и там крякали, свистели и пищали на все лады.

Бывало, пойдёшь в эту пору к вечеру на караулку к знакомой заводи со стареньким ружьишком, поудобнее усядешься на примятую кучку прошлогодней травы и сидишь, ждёшь прилёта уток, слушая свист крыльев перелётных табунов. А кругом — хорошо-то как! Вечерняя зорька светит мило и долго. Всё видно, в тишине стоячего воздуха далеко слышен и радостный пересвист шилохвоста, и призывное кряканье прилётной крякушки, и перезвон свистунов-чирков. Опустится около тебя стайка нетерпеливых чирков, осмотрится и начнёт кормиться, тут бы в их кучу и стрелять, а рука и не подымается.

«Зачем, — думаешь, — убивать животинку, ведь у неё сейчас, наверное, вся душа поёт, великая радость по случаю прибытия из далёкой чужбины на любимую сторонушку. Может, бедная птица под крыльями мозоли набила, летя к большерецким водам, смертельно устала, присев отдохнуть, а ты в неё: бу-бух».

Так и придёшь домой ни с чем, но зато с какими песнями в душе и хорошим настроением от сознания сотворённого добра в эту прекрасную пору, когда вся природа вокруг тебя, торжествуя, возносит гимн вечной жизни.

Плавали отстреливать только чернедей, да и то далеко не все мужики, а лишь отдельные охотники, вдвоём на одном

бату. Они добывали несколько десятков уток и через пару дней возвращались домой. Чернедь — птица бесхитростная, скопляется по курьям в большие табуны, пролетает, не боясь человека, на близком расстоянии и кучно. В результате временами их выбивали из стаи до пяти-семи птиц.

Яйца чернедей окраской напоминали густой кофе с молоком. Неслись чернеди в гнёздах, небрежно устроенных на стеблях прошлогодней травы около воды.

Уток других пород добывали как сопутствующих чернедям.

Кряковые откладывали яйца на земле в редких лесах, под корягою и реже всего на корнях кокоры по косам.

Самцы всех видов уток отличались от одноцветного оперения самочек разномастной и многообразной окраской.

Не останавливаясь на достоинствах и внешности уток отдельных пород, полагаю нужным познакомить с разновидностью крохалей, называвшихся в Большерецке «сакшейками» и «лентяями».

Сакшейка отличалась от остальных крохалей своим оперением по бокам и на спине, словно напоминавшим чешую крупного сазана. Сличив виденное с рисунками в книгах и чучелом в музее, я пришёл к твёрдому убеждению, что сакшейка есть ни что иное, как чешуйчатый крохаль, считающийся редкостной птицей. Но тогда в Большерецке их прилетало порядочно, да, наверное, не вывелись они и сейчас.

«Лентяй», прилетавший в середине мая, вскорости терял крупные перья на крыльях и мог передвигаться только по воде, ударяя по ней лапами и култышками крыльев, удирая от опасности со скоростью галопирующей лошади. Нырял он подолгу и выныривал на значительном расстоянии от преследователя. За то, что эти птицы не могли летать до отлёта в жаркие страны, их и прозвали «лентяями». Они водились по островкам песчаных кос, где большей частью сидели, временами переключаясь на добычу мальков.

Прилетали кулики разных пород. Самых маленьких мало кто различал, да ими и не интересовались. Одна разновидность таких куличков числилась у охотников в помощниках. Сидя на караулке медведя или плывя по реке в поисках его,

охотники слышали тревожный крик кем-то согнанных куличков. Сомнений не оставалось: их мог напугать только медведь, вышедший из зарослей на песчаную косу.

Рыженьких куликов, размером чуть меньше чирка, называли почему-то «девчонками». Они, не опасаясь присутствия людей, паслись на песчаной косе против бабы, мывшей посуду на речушке, обыкновенно протекавшей в непосредственной близости от избы. Сюда они прилетали из тундры, наевшись спелых ягод шикши, за ракушечками с обросших камней. Такой же образ жизни вёл и тувик — длинноносый и длинноногий кроншнеп, избегавший такого сближения с человеком, как доверчивые «девчонки».

Гагары прилетали двух разновидностей. Одна меньшая, с рыжим оперением, гнездилась, как я примечал, в реке Каначевой. Всю ночь эта птица голосила, издавая продолжительные и раздражающие звуки «А, а, а!», напоминавшие голос человека, погибавшего от холода.

Вторая, краснозобая гагара, прилетала парами или в одиночку, собираясь иногда на воде до трёх-пяти птиц, где они затевали брачные танцы. В это время их голос напоминал плач наказываемого подростка, поэтому, услыхав их оргии, взрослые говорили: «Дети гагары украли пенки от варёного молока, за что их и наказывают».

Искусный ныряльщик, гагара совсем не могла взлетать при попутном ветре и ограниченном водном пространстве. Бывало, появишься на бату в устье узкой курьи, а она, боясь людей, полетит через косу. Смеху не оберёшься, наблюдая, как она, упав с низкого полёта на сушу, кубарем по нескольку раз обернётся и сидит беспомощная с разинутым ртом, озираясь кругом.

Гагары откладывали яйца на плавучих гнёздах в озёрах или тундровых реках с медленным течением. Насобирав в большую кучу прошлогодней травы, птица вила подобие гнезда, куда и откладывала яйца. В случае появления недруга яйца летели в непрозрачную воду, сама же гагара незаметно ускользала под водой. По прошествии опасности кладка снова появлялась в том же гнезде.

Речных крачек называли «мартышками». Они отличались большим мастерством ловить мальков, ныряя в воду с высоты полёта. Откладывали в вырытых ямочках на косах по три рябеньких яичка. Неопытному сборщику было трудно отличить их от гальки, поэтому по его следу проходил знающий, обыкновенно пожилой человек, подбирая ненайденное.

От повсеместного появления мартышек на реках и криков «пи-и-ир, пи-и-ир...» на душе становилось радостно. При появлении человека на косах, где они гнездились, птицы взлетали, кружились и кричали до тех пор, пока сборщики яиц не уходили. Временами они снижались, пролетая над головой, пытаясь тем самим отогнать посягавших на их будущее потомство.

Чайки появлялись ранней весной первыми и осенью улетали последними. Их появление знаменовало конец зимы и приход весны. Недаром про эту белоснежную и краснолапую птицу с незапамятных времён пелся куплет:

Чайка бела, ноги красны,
Где ты долго весновала?

Эти птицы водились во множестве, разных пород, с разнообразной окраской оперения. Чайки были с чёрной головкой, покрытые перьями серо-грязного цвета, размером от чирка до большого крохаля. Весьма редко попадались маленькие чаечки с нежно-розовой окраской перьев на брюшке.

Конусообразные яйца, величиною с утиные, откладывали в хорошо свитых гнёздах на корнях кокор в таком же количестве и такого же цвета, как у мартышек. Их, как и крачек, можно было вынуждать нестись больше, систематически собирая яйца.

Брать утиные яйца избегали, а вот яиц крачек и чаек я сам приносил до пятисот штук за день. В прошлом яйца, сказывали, собирали по целому бату на острове возле устья Большой реки, но впоследствии, во время русско-японской войны, японцы подожгли этот бесценный клочок земли и с тех пор пернатые, ранее гнездившиеся там тысячами, покинули

его. Этот остров С. П. Крашенинников упоминал в своём труде «Описание земли Камчатки».

Осенью, когда молодые чайки твёрдо становились на крыло, все косы рек Быстрой, Плотниковой и Большой сплошь покрывались тысячами днующих птиц. Их продолжительный и тоскливый крик возвещал о начале расставания пернатых с родными реками, их будущем перелёте в те далёкие места на юг, которые они будущей весной, гонимые извечным инстинктом, полученным от бесчисленных прошлых поколений, покинут без сожаления и снова полетят сюда одними им известными путями, чтобы здесь вывести потомство. Дума о расставании с ними наводила тоску и печаль о предстоящей долгой и снежной зиме.

Теперь они каждый вечер на закате солнца небольшими табунками поднимались с кос и летели длинными, временами прерывающимися лентами над руслами главных рек на ночь к лайдам устья Большой реки, чтобы там, переночевав в безопасности, рано утром снова вернуться к большерецким водам, подкормиться и отдохнуть. Наблюдать такие ежедневные перелёты этих вольных птиц доставляло большое удовольствие. Они наводили грусть и вызывали зависть.

Тогдашние большерецкие реки трудно было представить без птиц, будь то в воздухе или на воде, зимой или летом. Птицы оживляли окрестности, доставляли великую радость и словно заставляли лучше понимать природу, любить её и оберегать.

Всё живое местные жители крепко защищали, соблюдая сроки охоты, промышляя зверя и отстреливая птицу в разумных количествах, видя в этом основу своего существования. Поэтому и птица доверялась человеку. Зимой, например, гоголи табунами садились на Манаковую и плавали, ныряя возле берега, около балаганов и привязанных собак. Там же временами опускались стайки крохалей, добывая мальков.

Будучи мальчишкой, иногда я замечал снижавшихся над плёсом ключика, вытекавшего из-под земли на расстоянии четырёхсот метров от избы, парочку или табунчик кряковых.

Они подолгу там и в речушке Петровичей, куда впадал этот ключик, отдыхали и кормились. Если это происходило зимой, я надевал камлейку и, скрытно подползая к ним, отстреливал одну-две утки.

Промыслом уток ради спортивного интереса большей частью занимались молодые люди и подростки.

Гуси в Большерецке были редкостью.

Орлан-белохвост встречался весь год. Зимой он, выбрав ветлу, господствовавшую над местностью около села, днями сидел на её вершине, высматривая падаль, которая случалась от падежа собак или других домашних животных. Бывало, что этот пернатый хищник садился на крышу дома. Тогда в избе ожидали беду. Причём если он опускался на конёк, то ожидали смерти главы семьи. Такое приключилось с нашей семьёй, свидетелем чего был я сам.

За птицей орёл не охотился, но, заметив подбитую утку, недосягаемую для человека, непременно расклевывал её.

Иногда ранней весной орлы собирались в стайку из трёх-пяти птиц и подолгу парили в воздухе, оглашая местность воинственным кличем. Орёл — большой любитель всякой рыбы, от гольцов до кеты и красной, которых уносил в когтях к гнезду, свитому на самой могучей ветле. Интересную схватку этой костистой птицы с заострённым книзу клювом с крупной рыбы я наблюдал в Большерецке.

В середине весны я сидел с друзьями-одноклассниками на берегу разлившейся реки Манаковой. Относительно спокойное течение перед нами на плёсе в изголовье крутой шиверы сменялось далее, вниз по течению, значительным бегом воды. Из-за кривуна реки показался орёл и, поравнявшись с нами, улетел дальше, обозревая поверхность воды. Вскоре он вернулся и в непосредственной близости от нас стал описывать небольшие круги. Было видно, что он своим острым зрением заметил в мутной воде рыбу. Чавыча, преодолевшая упорное течение перед шиверой и на ней, отдыхала, слабо работая хвостом и плавниками.

Мы замерли, ожидая яркой схватки двух большерецких великанов. Во время одного из круговых пролётов орёл вдруг

сложил крылья, вытянул клюв вперёд и с выпущенными когтями камнем устремился к воде. После всплеска и веера серебряных брызг поверхность воды сомкнулась, и птица исчезла. Мы подумали, что попавшийся крупный экземпляр чавычи утянул хищника на дно, где он захлебнулся. Но тут охотник показался из воды, взмахнул крыльями, но снова был увлечён в пучину. Так он всплывал на поверхность ещё пару раз и широкими взмахами крыльев каждый раз удлинял своё пребывание на воздухе.

Постепенно рыболов перестал погружаться. Видно, смертельно раненая и измученная чавыча уменьшила сопротивление. Орёл размашистыми ударами крыльев по воде стал прибиваться к противоположной косе, держа добычу в когтях, нанося ей мощные удары клювом по голове.

Пристав к отлогому берегу, птица вытащила добычу на прибрежный кругляк из камня, отошла от неё на небольшое расстояние и, широко раскрывая клюв, тяжело задышала. После кратковременного отдыха, наступив одной лапой на слегка вздрагивавшую икрянку, орёл стал клювом рвать куски её жирного тела возле жаберных крышек и, жадно глотая их, окидывал местность взором победителя. На богатый стол слетелись голодные птицы, наблюдая за едой пернатого владыки. Чайки и вороны сидели поодаль, не решаясь коснуться добычи. Только назойливые сороки иногда приближались к великану и подхватывали упавшие крохи. Царь пернатых, продолжая пировать, не обращал на них никакого внимания.

Мы, голопузые, с босыми ногами, заворожённые только что произошедшей драмой, покинули место событий после того, как орёл, наевшись до отвала, улетел, оставив пернатой мелочи часть добычи, жертвой которой он сам только что чуть-чуть не стал.

Сокол — птица прилётная, промышляет рыбу таким же способом, как и орёл, только меньшую по размерам. Сокол и ястреб питались, вероятно, в основном птицей. Утки ужасно боялись этих неумолимых и быстрых в полёте хищников, а особенно сокола. Бывало, плывёшь и поражаешься смелости

утки, плюхнувшейся в воду около бата. Оказывается, она при нападении сокола спасается от него возле человека, которого обычно близко к себе никогда не подпускает.

Сокол и ястреб били уток во время их полёта, опасаясь нападать, когда те держались на воде. А если стервятник и решался налетать на спокойно плававшую утку, то она ныряла в воду. Тогда хищник садился на ближайшее дерево и выжидал её взлёта.

К весне прилетали кукушки, жаворонки и многие другие звонкоголосые птички, одна из которых пела нарастяжку, как бы спрашивая: «Чавычу видели, чавычу видели?»

Зимовали дятлы, синички и кедровки. Водились глухари, тетёрки и куропатки. Последние, да и утки часто разбивались о проволоку телеграфных линий.

В темноте, особенно на белую одежду, нападали, пролетая низко и бесшумно, неведомые существа, называемые «нату-пырями». Они были очень назойливыми, и мы, дети, их боялись, принимая за нечистую силу. Позже я понял, что это были летучие мыши, которых никто из жителей, наверное, вблизи никогда не видел.

Интересная птица — ворон. Он мощнее вороны, пребывал в основном на тундрах, надеясь там поживиться падалью или мясом оленя, задранного волком. Казалось, заснеженные просторы тундры безжизненны. Но стоило приступить к разделке туши упромышленного зверя, как откуда ни возьмись, издавая протяжный гортанный звук: «Колл, колл...», появлялся сначала один ворон, а за ним ещё несколько. Создавалось впечатление, что каждая птица наблюдала за своим определённым участком, извещая в случае обнаружения поживы соседей, а те, в свою очередь, — эстафетой остальных.

Вороны и сороки, в отличии ворона, держались обжитых человеком мест. Но это не исключало их присутствия и около промышлявшего на реке или лежавшего в гущине растительности медведя. Если зверь рыбачил, они кормились возле него, а если он пребывал близко от охотников, птицы призывно верещали, показывая залёгшего мишку,

надеясь полакомиться его жирными потрохами. Такой сигнал был особенно важен, когда охотник выслеживал раненного медведя.

Зимой сороки и вороны большого вреда не приносили, поедая домашние отходы на помойках, а вот летом, когда сушилась юкола, от них не было никакого спасения. Выклёвывая тело рыбы, они не столько поедали сами, сколько травили — портили, сбрасывая из-под балагана юколу на землю, где её уничтожали собаки-вольницы. Вороны ужасно боялись ружья. Бывало, высунешь из укрытия часть ствола, и всю стаю с помоек как ветром сдует.

Хитрая ворона не очень-то попадалась в капкан, а если и попадалась, то так кричала, что её товарки со всей окрестности собирались в огромную стаю и, долго и тревожно каркая во всю глотку, кружились в воздухе, оплакивая обречённую на смерть.

Убитую ворону вешали под балаганом для острастки. Некоторое время это отпугивало других пакостников, также как висевшее ружьё или чучело человека, но проходило небольшое время, и голод заставлял их забывать минувшую опасность. Они продолжали своё коварное занятие с новой силой. Городьба подбалаганика сеткою, звон колокольчиков и боталов при помощи длинного матауза, протянутого от них к избе, помогали тоже недолго. Тогда для отпугивания этих обнаглевших птиц мобилизовали детей, считая для нас это занятие вполне посильным. Но мы иногда, если взрослые отлучались на покос, оставляя на наше попечение всё хозяйство, так увлекались игрой, что не только про охрану юколы забывали, но и есть-то ничего не ели. Тогда возвратившиеся вечером родители, обнаружив непорядок под балаганом или на вешалах из-за этих вороватых птиц, крепко нам всыпали.

Сороки и вороны сооружали гнёзда в виде больших нагромождений из веток на вершинах нетолстых деревьев, исключавших возможность добраться до них нам, разорителям. Вместе со своей кладкой они высиживали и яйца беззаботной кукушки.

СОДЕРЖАНИЕ СОБАК, ЕЗДА НА НИХ И УСТРОЙСТВО СБРУИ

О назначении собачьей привязи и ошейника понятие имеет каждый. Из слабого ошейника животное может «вылупиться» сначала случайно, а потом, познав вольность, будет стремиться всячески освободиться от него. Иногда собаки перегрызали ненавистный ошейник, запустив под него нижнюю челюсть, поэтому он должен был сидеть на их шеях не очень слабо, но и не очень туго. Большей частью ошейники делали из прядей манильского каната, они не растягивались и к тому же были достаточно крепки.

Ездили на собаках на нарте или дровнях при помощи ремённой сбруи. Дровни предназначались для перевозки зимой дров из леса и сена с места заготовок, доставки других габаритных и тяжёлых сезонных предметов. Сказывали, что двенадцатипудовый колокол для большой старой церкви везли именно на паре дровней, запряжённой двадцатью собаками.

Этот вид саней состоял из двух полозьев, трёх или четырёх пар копыльев с вязками, нащепы и поперечины. В основании копылья имели по шипу, которые, входя в отверстие на утолщённой части полоза, удерживали копылья в вертикальном положении. Копылья скрепляли вязками, поверх которых накладывали пару нащепов. Полусогнутые передние окончания полозьев привязывали к поперечине, за которую и крепили всю упряжку. Эта часть полозьев удерживалась в полусогнутом рабочем состоянии при помощи притяжных ремней, шедших от них к переднему окончанию нащеп.

В отличие от трудяг-дровень изящно сделанная кутарная нарта представляла собой «выездные сани», на которых возили продукты с кошки, ездили за товарами в Гавань и на охоту. Таких вязков, долблёных возле перехвата копыльёв, как на дровне, нарта не имела. Три или четыре круглых поперечины с конусными концами входили в отверстия пары копыльев, которые, стянутые мокрыми ремнями, представляли собой основание каркаса будущей кутарной нарты.

Веслообразные копылья в форме усечённой верхней части пера птицы в основании имели небольшой шишок, который, входя в отверстия на полозьях, вместе с притяжными ремнями, пропущенными через четыре отверстия на них и одно на копыле, придавал нарте устойчивость.

На поперечины, заменявшие вязки, отстоявшие от полозьев сантиметров на тридцать, накладывали пару тонких досок с отверстиями по внешнему краю, проделанными друг от друга на расстоянии примерно десяти сантиметров. Доски прижимали вязками и укрепляли ремнями, шедшими от одного копыла к другому, парному. На концы этих досок для соединения надевали по колпачку с такими же отверстиями, как и на ней, схожему с отрезком полусогнутого плинтусочка с углублением посредине всего лежачего гребня.

Над доской высотою около двадцати сантиметров на всю её длину к вершинам копыльев привязывались по реечке, опять же со сквозными отверстиями, смежными с доской. Задний колпачок, реечки и края досок, составлявшие стенки нарты, взаимно и зигзагообразно опутывали тонкими ремешочками, пропущенными через их дырочки.

Поверх реечек в задней части нарты, на третьей и последней паре копыльев под косым углом крепили лежачую «барандугу», также с дырочками. Просунутые в них ремешки опутывали всю эту конструкцию прежним способом, составляя второй этаж задней и двух боковых стенок нарты.

Концы передней части полусогнутых полозьев привязывали к такой же поперечине, как и на дровнях, но только более тонкой, и удерживали от выпрямления накинутым на них передним «бараном». Его концы притягивали ремнями к передним копыльям, это придавало полозьям жёсткость при повороте и прочность при натяжении. За центр изгиба привязывали упряжку сбруи.

Кроме лежачего и переднего к паре разносторонних передних копыльев привязывался так называемый «стоячий» баран, высотой до пояса стоявшего человека, предназначенный для управления нартой. Возле него сидел каюр. Он держался левой рукой за стоячий баран, а правой — за

оштол. Им, пропустив наконечником в снег между копыльями, можно было притормаживать или даже останавливать нарту при надобности.

Длина кутарной нарты равнялась, примерно, четырём метрам, ширина — сорока, высота около центра изгиба лежачего барана — восьмидесяти сантиметрам, грузоподъёмность — более пятнадцати пудов.

Как дровни, так и нарты изготовлялись из твёрдой берёзы и кожаных ремней без единого гвоздя. Кутарная нарта с ажурным плетением, гибкими полозьями, не имевшая жёсткого крепления, в пути по неровности была обтекаемой, достаточно прочной, относительно лёгкой, вместимой и совершенной при эксплуатации. Её отдельные части, изящно изготовленные и покрашенные масляной краской в разные яркие цвета, порою представляли настоящее произведение искусства. Такая нарта с разукрашенной упряжкой, оштолом с подцепленными к нему бубенчиками и побрякушками и впряжёнными в эту сбрую сытыми и хорошо вылинявшими собаками придавала всей повозке нарядность, а каюру, одетому в меховую корякскую одежду, лихо подкатывавшему к чужому двору, важность, вызывая зависть у нерадивых хозяев.

Второй непременной составляющей собачьей упряжки являлась сбруя, состоявшая из темляка, средников, потегов, алыков и металлических побежников, вертлюгов и колец.

Темляк — это прочный ремень с пришитым к нему на одном конце большим кольцом, куда продевался кляп вертлюга, к кольцу которого прикреплялись первое звено средника и пара коренных алыков с потегами и маленькими вертлюжками.

Большой вертлюг служил промежуточным звеном при соединении одного средничка с другим, а вертлюжок, потег с кольцом на среднике — ошейника с побежником. Большой вертлюг был устроен так. На большом кольце имелись два свободно передвигавшихся колечка и отверстие в его сплющенной части. В отверстии во внутренней части большого кольца мог вращаться стерженёк со шляпкой, а с наруж-

ной — этот стерженёк, имевший форму полукольца, соединялся с ещё одном кольцом, на котором висел кляп.

Ветлюжок отличался от большого вертлюга тем, что не имел двух свободно передвигавшихся колечек. Их пришивали к одному концу потега и к ошейнику. Они требовались для скорого соединения потега с колечком на большом вертлюге и ошейника с побежником.

Средник — это отдельные части центрального ремня, к которому посредством тегов прикреплялись алыки и составляли упряжку. На одном конце средника пришивался большой вертлюг, а на другом — большое кольцо с двумя подвижными колечками. При помощи средничков можно было удлинить или укоротить центральную часть сбруи на любую длину.

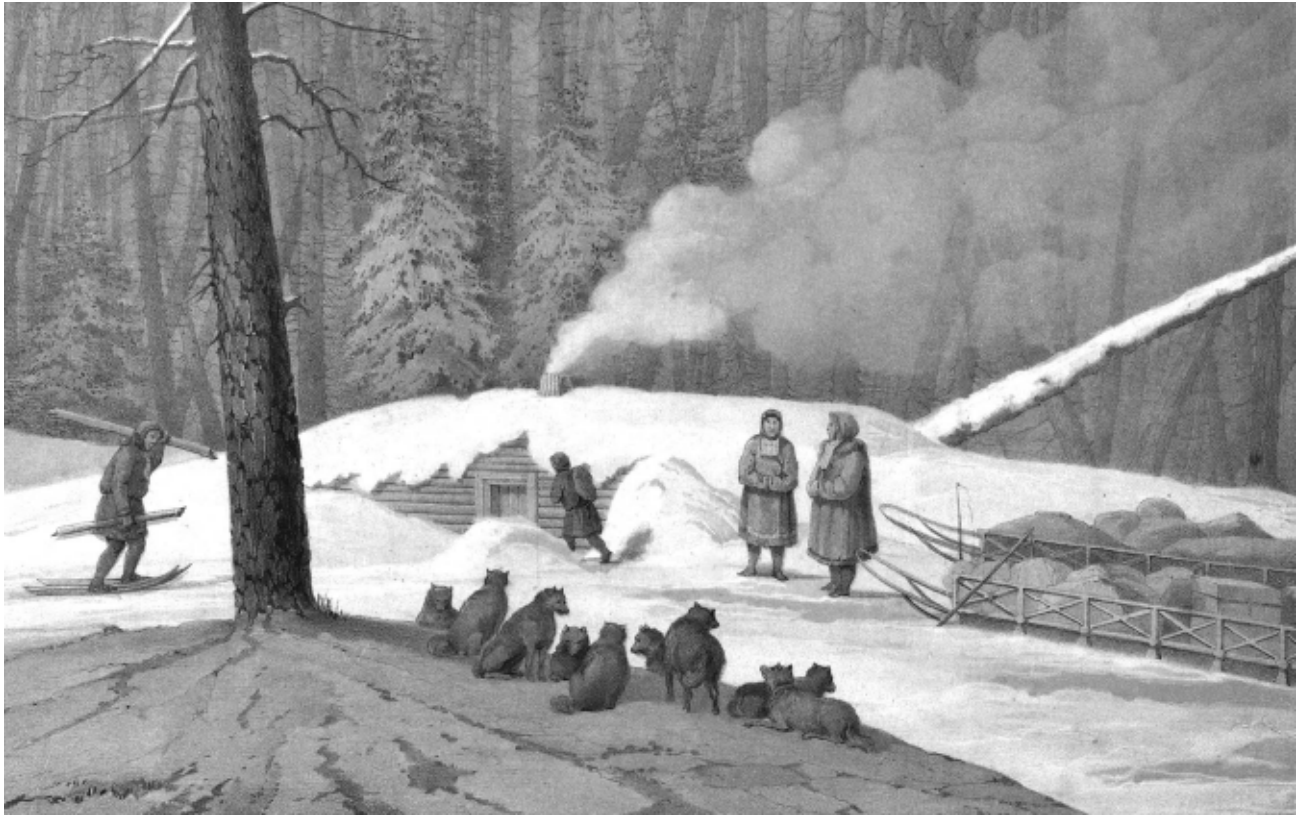
Потег — это ремешок длиною сантиметров сто двадцать. Он короче средника сантиметров на сорок, то есть на длину алыка и вместе с ним равнялся длине всего средника. На одном его конце имелся вертлюжок, а на другом — пришитый усами алык.

Алык — лямочка, надевавшаяся на шею собаки через голову. Алыки делились на косые и лямки. Лямки отличались удлинённой формой усов и имели, в отличие от косого алыка, две ремённых перекладины с одним подбрюшником.

На кольцах средника, кроме упомянутых двух подвижных колечек, висела пара побежников. Побежник длиною сантиметров тридцать подсоединялся к висевшему на шее животного вертлюжку и удерживал собаку от нежелательного отклонения от рабочего положения соединённых звеньев средника.

Вся сбруя была ремённой и шилась жильными нитками из кожи медведя. До появления металлических вертлюгов и колец пользовались деревянными или костными кляпами, приспосабливая их для соединения отдельных частей упряжки в одно целое.

Собак впрягали от семи до десяти при норме восемь-девять. Однако величина перевозимого груза, скорость езды и длина проделанного пути отнюдь не зависела от количества собак.



Ночёвка в зимнем лесу. Гравюра XIX века (из фондов КГБУ ККОМ)

Поезд на собаках в северной части Камчатки. Гравюра XIX века (из фондов КГБУ ККОМ)

Если про корову говорят, что у неё молоко на языке, то эта поговорка справедлива и для собак, с той лишь разницей, что у этого друга человека на языке не молоко, а резвость и сила.

Кормить одной «кислой» — это плохо, с придачей к ней свежемороженой рыбы — хорошо, куска мяса — очень хорошо, а куска жира — просто великолепно.

Мне приходилось наблюдать такое явление. Кормишь собак одной «кислой». Они за рабочую неделю так «замордуются», что пока отстегнёшь первую от цепи, доведёшь её до упряжки и накинешь алык, а потом приволочешь другую, смотришь: прежняя с упряжкой уже удрала на свою лежанку.

Другое дело, когда дашь им назавтра по кусочку нерпичьего жира. На следующий день четвероногих как будто кто подменил: упряжку не удержишь. Мораль тут одна: лучше держать меньше, да кормить лучше. Так, помню, и делал отец, никогда не впрягая более семи собак.

Всякому животному приедается однообразный корм, такой, например, как «кисла» собакам. Хочется их уважить и подкормить за тяжёлый труд. Подождёшь, когда они наедятся «кислы», возьмёшь, да и дашь им по кусочку юколы. Назавтра — шалишь, брат, «кислу» будут употреблять только сильно жадные до еды, да и то не сразу.

Разумеется, одной юколой каждодневно собак кормить не будешь, её бережёшь для дальних поездок, но в то же время встаёшь перед таким фактом: после одного или двух раз подкормки юколой или куском мороженой рыбы они, черти, совсем перестают есть «кислу». Что делать? Дашь «кислу» и уходишь от балагана домой, показывая тем самым, что нынче лакомой еды не будет. Голодные работяги, конечно же, догадываются: раз предыдущие дни хозяин приходил затемно и давал любимое кушанье, так почему же он и сегодня не сделает этого? И, представьте себе, придёшь позднёхонько, они радуются, виляют обрубками хвостов. Смотришь, а заданный корм оказывается цел-целёхонек. Разозлишься и уйдёшь, ничего не давая, а сам по-

нимаешь, что без доброй подкормки бедным животным завтра будет ой как тяжело. Придёшь в полночь, глядишь, а «кисла»-то почти вся съедена. Возьмёшь, да и порадуешь их юколкой.

Но если захочешь повторить это же самое завтра, то не удастся. Собаки до утра не притронутся к «кисле» и лишь только когда утром убедятся, что лакомства не будет, примутся за неё перед самым запряганием.

На сытых собаках ездить не рекомендуется, а вот при дальней дороге небольшую подкормочку сухой юколой делать надо. Собак, так же как и лошадей, после продолжительной и тяжёлой работы сразу не кормили, считая, что они могут «запалиться», то есть испортить здоровье, делаясь после этого худощавыми, малоработоспособными, с плохо облинявшей шерстью.

Неезжалых годовых щенков запрягали вместе с собаками, работавшими уже не один сезон. Первые дни молодой кобель не только не хотел работать, но и противился бегу, поэтому остальные животные большую часть езды волокли его по снегу. Иногда ему попадало от его запряжённых сородичей, после чего он мало-помалу приучался и становился полноправным членом упряжки.

Повороту по команде будущих передовиков обучали обычно в паре с уже понимавшим команды вожаком. Если у каюра почему-либо не было передовика, тогда он учил послушного трудягу так. Командуя, скажем, «налево», каюр заходил с правой стороны всей упряжки с оштолом в руках и, повторяя команду, вынуждал будущего передовика свернуть влево. Вскоре требуемые команды усваивались, и животное становилось полноценным вожаком.

В старые времена хозяева команду «направо» заменяли словом «кахка», а «налево» — гортанным звуком «хохги». Впоследствии молодые люди переучили вожаков, давая команды по-русски: «налево» и «направо».

Команду «ну-ка хеи» усталые собаки, притворившись, что не понимают, выполняли неохотно, а вот команду «стой», или «стоп», повторять хитрецам не требовалось.

Самые ленивые собаки запрягались поближе к седоку и назывались «коренными». Менее ленивые пристёгивались к следующему звену средника и назывались «впряжёнными вчетвёртых». Третья пара хороших трудяг называлась «впряжёнными вшестерых» и так далее, сообразно степени усердия, вроде «ввосьмерых», «под передом». И, наконец, лучшая из лучших, ходившая впереди в вожаках, именовалась «передовиком».

Писаных или каких-либо установленных правил езды на собаках не было, каждый дрессировал их по своему разумению. Одни считали, что животных следует держать в строгости и если наказывать, то не ежеминутными ударами плети на ходу или размахиванием ею по случаю и без случая, а по возможности реже, но крепче. Может, это покажется читателю жестокостью. А что делать с нерадивыми тягловыми животными, особенно тогда, когда жизнь каюра, да и всей упряжки, висела на волоске? В дороге, на охоте и при перевозке, а также в непогоду ведь всякое бывало.

На мой взгляд, над содержанием собак и их эксплуатацией задумывались мало. Сучки случивались со случайными кобелями, от чего породность не поднималась на качественно новую ступень. В Озерной и Голыгиной на юге Камчатки, например, собаки были куда породистее, значительно крупнее и сильнее большерецких. Многовековая практика хранения рыбы для корма в земляных ямах далеко не отвечала требованиям производительности, предъявлявшимся к этим послушным и трудолюбивым друзьям человека. В результате содержание большого количества собак было делом обременительным для владельца, а малое число животных возлагало на них очень уж непосильную ношу.

В домашних условиях на собаках ездили зимой всего два раза в сутки: за сеном или дровами. Это правило четвероногие настолько усваивали, что если хозяину требовалось съездить в третий раз, они от этого упорно отказывались и, совершенно игнорируя команду, изо всей силы тянули дровни к балагану на отдых. Только настойчивость каюра и плеть на оштоле могли заставить их выполнить его волю.

Осенью, когда собаки, вдоволь належавшись за лето привязанными, были так нетерпеливы, что на них не только было опасно ездить, а и запрягать-то приходилось с большим трудом. Они, сытые, отдохнувшие, полные сил, визжали, голосили и рвались с цепей к приготовленной сбруе. А когда каюр садился в дровни или на нарту, они так неслись по ещё малому снегу, что того и гляди, как бы по кочкам потроха седока не растерялись бы. Но по мере ежедневной езды пыл их спадал, они уставали, поездки им надоедали, и теперь собаки большей частью ходили в упряжке пешком или ленивой трусцой. Они проявляли резвость лишь после завершения работ, во время поездки к балагану. Тут ухо надлежало держать остро. Того и гляди натащут повозку на столбы балагана или, перевернув дровни по дороге к нему, протянут их по хребтине каюра. А то не диво и окровавленному седоку оказаться с перебитыми костями.

Такую же силу и настойчивость проявляли собаки при виде зайца, домашней скотины, зверя и человека или вообще чего-либо, отличавшегося от обычной обстановки на дороге. Людей они не кусали, а вот молодняк домашнего скота, сорвавшись с цепи, особенно летом, могли не только поранить, но и задрать. Этим, правда, занимался молодняк и сучки, нападавшие на пасущийся скот.

Уважавший себя хозяин никогда сучек не запрягал, ибо некладеные щенки затевали в упряжке на почве ревности постоянные драки, мешая езде. С этой целью их кастрировали, а попутно окорачивали им хвосты. Такую операцию мог совершить почти каждый. Делали её ранней весной, до появления мух.

В упряжке ценились «неймы». Эти собаки дичились человека, признавая лишь хозяина, кусая иногда приближавшегося постороннего и даже кормящего их. Они были очень работоспособны. Когда такая собака срывалась с цепи, её ловили, загоняя в глубокий снег.

При езде по уброду — глубокому снегу — тащить нарту, даже порожнюю, собаки были не в состоянии. В этом случае один или двое каюров, оставив нарты на попечение других,

надевали лыжи и шли впереди упряжек, проделывая глубокую колею, по которой брели собаки. Эти колеи иногда были настолько глубоки, что из них виднелись только кончики ушей животных да стоячий баран волочившейся ими нарты.

При езде по убойному снегу тундр, торным дорогам и по насту собаки бежали хлёстко и тянули нарту с меньшим усилием. По насту удавалось покрывать расстояние с небольшим грузом до восьмидесяти километров за день. Но такие дороги и целинные места при беге ранили подошвы лап четвероногих, и те становились неработоспособными. В этом случае для сохранения их в строю шили маленькие торбасишки, в которых они и трудились безболезненно.

На крутом спуске собаки тащили нарту с удвоенной силой, поэтому такая езда могла закончиться катастрофой. Во избежание этого на полозья привязывали цепи. Тогда спуск проходил благополучно. Иногда вместо этих предупредительных мер часть собак отпрягали, спускаясь с ними отдельно от нарты. При подъёме каюры соскакивали с нарты и, понукая собак, помогали им, толкая стоячий баран.

Зимой, когда снег оказывался сухим и потому некатким, полозья «войдали»: на их скользящую поверхность наносили тонкий слой льда при помощи «мохнашки» — клочка мохнатой шкуры оленя, смоченной в горячей воде. Когда горячей воды в пути не оказывалось, на войду мочились и тем самым выходили из крайне затруднительного положения.

При «некати», при налипании на полозья полуталого снега и при «разводе», когда полозья набухали, отчего их скольжение затруднялось, на рабочую сторону прибивали или прикрепляли шурупами стальные или костяные подполозки, последние из которых, как я уже упоминал, изготовлялись из китовых рёбер. Иногда полозья оббивали белой жестью, которая, как и стальные подполозки, во многом уступала костяным.

При переправе упряжки собак с нартою следовало быть осторожным, особенно если это делалось на одном бате: нетерпеливые существа могли преждевременно выпрыгнуть

в воду и, перевернув неустойчивую долблёнку, сотворить великую беду.

Езда в пургу опасна. Однажды я, будучи подростком, взялся отвезти мать в район Озерновских рыбных промыслов. Путь шёл больше между морем и рекой по кошке, один из берегов которой встречался с обширной и безлесной тундрой. Ровный, бесконечно широкий и долгий припай на Охотском море тянулся по правую руку. Нас накрыла такая пурга, что мы не могли отличить не только шахму, но и поверхность тундры от снега на морском льду. Создалась угрожающая обстановка, так как мы совершенно потеряли ориентировку на незнакомой нам местности. Собаки могли затянуть нарту на припай, который с отбойным ветром отнесло бы в открытое море и перекрошило, отчего мне с матерью и собакам предстояла долгая и мучительная смерть.

Ничего не оставалось делать, как положиться на чутьё наших преданных друзей, сплошь облипших снегом. Так мы ехали часа три, пока собаки не наехали на избушку с единственно торчавшей из-под снега трубой, с жившим в ней одиноким сторожем, охранявшим японский промысловый участок.

Подобных случаев, когда упряжка собак спасала каюра от верной гибели, можно было бы привести множество.

Сбрую и кутарную нарту следовало оберегать от собак. Они могли запросто объесть их ремни, да и удрать, почуяв свободу, иногда вдали от жилья. Это могло стоить каюру жизни.

По торной дороге или насту упряжка в девять собак свободно тащила десять пудов груза с сидящим каюром, проделывая тридцать-сорок вёрст в день.

Собаки — существа ласковые и преданные человеку. Наказанное животное могло тут же ласкаться к обидчику, выручать его из беды, порою жертвуя своею жизнью. Они знали своего хозяина, и команде постороннего каюра подчинялись нехотя и не полностью или совсем отказывались.

Летом собаки отдыхали и отъедались, избегая есть свежую рыбу, предпочитая тухловатую. Сытые животные выедали одни головы. Летом их держали около самой воды или в непосредственной близости от неё, где они утоляли

жажду прямо из реки, а находившиеся вдали от водоёма пили из корыт. Корыта надлежало мыть чаще, очищая их от наросшей зелёной плесени, и укреплять, чтобы после ухода хозяина собаки не перевернули ёмкость и не остались без питья в жару на целые сутки.

На собак нападал мор, проявлявшийся в виде чумы. При этом из носа выделялась густая гнойно-слизистая жидкость. Случалось бешенство и другие болезни. Их лечили, примешивая к корму креолин, горючую серу и надрезали ухо, делая кровопускание.

Помню один год, когда бешенство напало сначала на лисиц, а потом на собак и даже коров. Утром бабы, первыми вставшие и выходившие на улицу, подбирали одну-две мёртвые лисицы. Бешеные собаки с пеною у рта и отвисшими хвостами бегали безостановочно, опустив голову.

Собачья служба человеку на Камчатке явилась одним из трёх краеугольных камней, которые помогли ительменам выжить среди суровой природы. Собаки в прошлом были той силой, которую можно приравнять к тяглу, использовавшемуся в других странах среди иных народов. Они привели человека к новой, высшей ступени жизни.

Условия Крайнего Севера, обилие здесь рыбы для корма ставили собак на юге и в центре Камчатки в исключительное положение, несравнимое с применением оленей, лошадей, яков, верблюдов, слонов и прочих животных, использовавшихся как тягло. Поэтому это домашнее животное по праву заслужило уважение. Его следует увековечить в виде фундаментальной скульптуры вместе с горбушей и батом на памятнике где-нибудь в городском парке Петропавловска.

Перескажу одну из многочисленных легенд о хорошей упряжке собак, столь желанной и дорогой сердцу любого каюра. На Камчатке жил некто Чуркин. Он знал какое-то слово, услышав которое его неважно выглядевшие собачишки обретали необыкновенную силу и резвость.

Выехал Чуркин из села часа на три раньше нарты с пологом, запряжённой двадцатью добрыми собаками, управлявшимися двумя каюрами, из которых стоял одной ногой

на лыже, а другой — на полозе, держась за стоячий баран. Они везли петропавловского начальника высокого ранга, укрывшегося в упомянутом пологе.

Вскоре они, не доезжая юрты, которых по дороге путникам встречалось не так уж мало, заметили Чуркина, маячившего со своей хилой упряжкой через большую тундру.

— Догнать его и обогнать! — крикнул проснувшийся от сна убаюканный качкой начальник.

Каюры звякнули побрякушками на оштоле, гикнули и, натёйкивая собак ободряющими возгласами: «Тёй, тёй, тёй, тео-о-о-ой!», мигом догнали и обогнали Чуркина, обдав его снежной пылью, летевшей от оштолов, буравивших снег промеж копыльев.

Чуркин подъехал к юрте на собаках, бежавших мелкой трусцой тогда, когда те трое уже заканчивали чаевать.

— Чего же ты отстал от нас? — с усмешкой спросил начальник. — Говорят, у тебя хорошие собаки, а я вижу одних опрелок?

Посмеялся он над его собаками и стал собираться в дорогу.

Опрелки — это собаки с облезшей шерстью. Нет ничего обиднее для хозяина, как намёк на это постороннего человека.

На такую просмешку Чуркин ничего не ответил, молча нарубил длинные вершины берёзовых веток и воткнул их комельками промеж всех пар копыльев, отчего нарта превратилась как бы в своеобразное помело.

Недоумевая о проделках Чуркина, те трое уехали, оставив обиженного каюра за едой. Вскоре позади себя на дороге они заметили полосу приближавшегося бурана с тучей снега, а когда это смятение приблизилось, все трое поняли, что их нагоняет упряжка с нартой Чуркина.

Чуркин, как сказочный Кощей пролетел мимо, вихрем опрокинул нарту с сидевшем в пологе начальником и поднял настоящую пургу, так занёсшую дорогу, что обидчики, встав на лыжи, трое суток потом преодолевали оставшиеся десять вёрст.

Вот каких собак имел Чуркин и как жестоко он наказал за обиду того самого важного начальника, который позволил себе насмехаться над его четвероногими!

ИЗГОТОВЛЕНИЕ БАТОВ И ХОДЬБА НА НИХ

Об изготовлении батов я, признаться, знаю мало, так как в Большерецке их почти не делали: поблизости не было нужного леса. Мастерством выделывания батов славились мужики из села Малки, расположенного километрах в восьмидесяти вверх по реке Быстрой. Они их делали в достатке для себя и на продажу в Большерецке, приплывая перед началом промысла рыбы на кошке, преодолев опасные заломы и спуски через высокие пороги.

Вместе с этим ходовым товаром малкинцы приплавляли берестяные туески, которые иногда были заполнены солёным диким луком, почему-то не росшим на большерецких лугах. Эти изделия, с большим вкусом скреплённые тончайшими ремешочками, по-своему прочные и не пропускавшие жидкость, в основном преподносились знакомым и друзьям в Большерецке как подарки.

За баты большерецкие хозяева предлагали муку, деньги и услуги в виде своего труда по доставке с кошки продуктов, которые приобретали малкинские рыбаки на промысле у Еновского. Чтобы продавцы были податливее, им перед началом торга ставили заранее припасённый спирт, после чего они добрели и покупателю бат доставался почти за бесценок.

Благополучное преодоление трудного пути, совершение удачной сделки, встречи с давними приятелями и угощения почитались у них в Большерецке за ярмарочный праздник после каждодневного труда, поэтому они вели себя разгульно до самого последнего дня тяжкого похмелья и отплытия на заработки к рыбным промыслам, где их ждал тяжёлый месячный труд.

Наилучшими стволами для изготовления батов считались тополёвые, имевшие однородную древесину. Ветловые лесины, хотя и были прямоствольными, но всегда «облупистыми», то есть имевшими сердцевину, которая при просушке бата могла попросту отколоться.

Изготовляли баты, как мне представляется, следующим образом. От срубленной лесины отрезали сутунок длиной

семь-восемь метров. Топором, а главным образом теслом, вырубали внутри него возможно больше древесины, стараясь избавиться от лишней тяжести. Выделка начиналась с проделывания минимально узкой щели, по мере работы увеличивавшейся вглубь и вширь, сообразно контуру сутунка. Это было нужно для того, чтобы максимально сохранить древесину по всему неполному периметру окружности, от чего в будущем зависели высота и ширина бата.

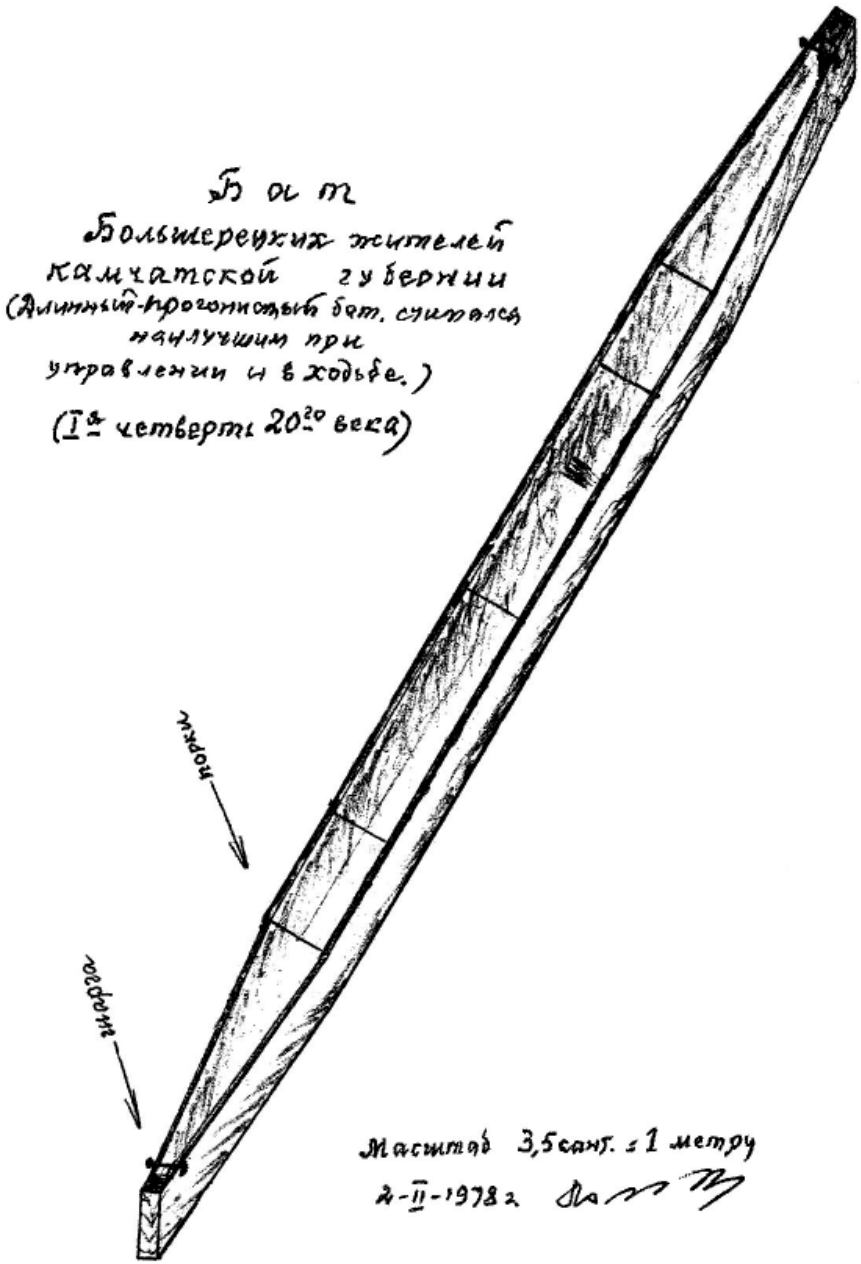
В местах будущей кормы и носа делали стёсы, и такой полубат привозили или приплавляли к жилью. Здесь его просушивали на вольном воздухе и обрабатывали, приближая толщину стенок к нужной величине. Вся эта работа происходила при помощи распорок, которыми систематически и понемногу расширяли борта бата.

Когда толщина стенок и дна приводилась к норме, а её измеряли не кронциркулем, а при помощи просверлённых сквозных отверстий, тогда долблёнку заполняли водой и разогревали её до кипячения, при помощи опущенных раскалённых камней.

Распаренный бат расширялся до предельной возможности и, просушенный, с двумя шаргами на корме и носу и несколькими распорками был готов к эксплуатации. Шарги просовывались с самого раннего этапа работ, оберегали бат от раскалывания во время расширения и являлись непременными частями до достижения полной ветхости.

Изготовляли бат не менее двух лет. Спешка с расширением могла закончиться катастрофой, так как он мог дать такую трещину, после которой не помогал никакой ремонт.

За отсутствием красок, а вернее из-за их высокой стоимости, баты не красили, поэтому они за лето набухали водой, становились тяжёлыми и неходкими. Когда на них не плавали, то вытягивали на сушу, давая возможность хоть немного просохнуть. Чтобы зимой бат не раздавило снегом, его хранили на высоких лёжках, придавливая тяжестью. Это делалось для того, чтобы большой силы ветер не опрокинул и не сбросил бат, и тем самым не разбил это самое дорогостоящее и нужное из нужных приобретений.



Бат (рисунок автора)

Трещины в батах заделывали при помощи пакли, жгутиков из прядей верёвок, пропитанных смолой или краской, и оббивая жестью. Иные хозяева обрабатывали трещины мхом, смешанным с икрой, и заделывали их деревянной планкой при помощи шпунтиков. Этот способ ремонта считался наиболее надёжным и долговечным.

На бате средней величины с подъёмной силой в тридцать пудов при встречном и довольно быстром течении делалось до тридцати вёрст в день. Непременным инвентарём при плавании было весло, а при ходьбе — шест длиною метра три, в зависимости от водной обстановки.

Парусом на одном бату не пользовались, так как он, неустойчивый, мог перевернуться. Они были настолько вёрткие, что неопытный человек не мог в нём устоять даже на одном месте. Два спаренных бата представляли собой катамаран, были очень устойчивые, и на них можно было плавать по тихим водам под парусом. Обычно на бату «пехались» — толкались шестами — двое. Один, наиболее сильный и опытный, стоял на корме, работал и правил. Носовой батовщик содействовал кормовщику в управлении и помогал ходу бата.

Навык ходьбы на бату вырабатывался с малых лет, когда ещё мальчишке каждодневно приходилось выполнять какую-либо работу, связанную с этим, в общем-то, опасным на ходу судёнышком в тиховодных и мелких речушках.

Трудно описать все нюансы ходьбы на бату, их можно только познать на практике, но, пожалуй, начинающему важно помнить, что носовой батовщик не должен был «пехаться», ставя шест в воду под большим углом к груди. Нужно было шест ставить в воду и провожать его усилиями рук параллельно ходу бата, придав своей фигуре изгиб в пояснице под углом девяносто градусов.

При несоблюдении этого непременного правила, которое нарушали все, без исключения, двое начинающих батовщиков далеко не уйдут, измучаются и переругаются, а на худой конец и набедуются. Начинавших плавать ждало много неприятностей и опасностей из-за сложных ситуаций, встречавшихся в пути.

При наличии многочисленных водных преград и тех занятий, которые обеспечивали ительмену нормальную жизнь, трудно вообразить жизнь первобытного жителя Большерецка, да и моих родителей и земляков без бата. Она просто была бы невозможной.

Ведь при помощи бата добывали рыбу, промышляли зверя, доставляли материал для строений и поделок инвентаря. Он наравне с ездовыми собаками служил средством общения между людьми, доставки продуктов и товаров с рыбных промыслов на кошке. Поэтому его и следует отнести к одной из тех трёх краеугольных основ, на которых в прошлом зиждилась жизнь многих и многих поколений ительменов.

ЗАБОТЫ РАЗНЫХ ВРЕМЁН ГОДА

К какому сословию относились мои большерецкие сородичи, ответить затрудняюсь. Знаю, что основой их существования была добыча рыбы, охота и заработок на рыбных промыслах. Выход продукции рогатого скота не был товарным. Они, мои земляки, до прихода советской власти никаких налогов не платили и все в равной степени не так уж много пользовались социальными благами. Встаёт вопрос: какую же они приносили отечеству пользу?

Их жизнь, как и всех народов Камчатки, протекала на самой крайней границе востока нашей родины. Эту землю заняли их дальние предки, а они, продолжая жить там в содружестве с российским народом, оберегали её от чужеземных посягателей и причём не раз.

Так вот, сообразно их занятию и возникали у них в разное время года многочисленные заботы, о которых частью я уже упоминал. Были они у мужчин, женщин и подростков следующими.

Осенью мужчины с ходом гольца и кижуча занимались их заготовкой. Они же тогда ремонтировали и сбрую для езды на собаках, нарту и дровни, готовя снаряжение для предстоящей охоты на пушного зверя. Иногда мужчины выезжали в хребты на промысел оленя. По приезду оттуда

заготовляли дрова и подвозили сено с таким расчётом, чтобы семья ни в чём не испытывала недостатка.

У женщин работы по дому всегда было навалом, особенно по шитью торбасов и одежды, да ещё перед началом охотничьего сезона. Приходилось сучить помногу жильных и крапивных ниток, приносить из проруби воду. Порядком наработавшись, ложились поздно, а вставали чуть свет.

У детей наступало время учёбы, по дому они помогали пилить, колоть и носить дрова, отпрягать и запрягать собак.

Зимой мужчины активно промышляли пушнину, в большинстве надолго уезжая в лес.

Под конец зимы, после завершения охотничьего сезона, глава семьи обычно ездил на север к корякам за оленьим мясом и выделками из кожи. Там за дешёвые подарки выменивали у оленеводов всё, что те могли предложить, а именно: рукавицы, наколенники, чижы, камасы, чупахи, малахаи, дублёные парки и куклянки. Это была не торговля или обмен товарами, а, скорее, сведение и продолжение приятельской дружбы, в результате чего оба таких лица назывались не иначе, как приятелями.

Коряки были очень отзывчивыми на подлинную дружбу, которую они весьма ценили. Иногда кочевник, заметив понравившуюся ему вещь, мог, не спрашивая хозяина, взять её, к примеру, нож, добрую собаку или ещё чего-либо, и в этом случае перечить ему не следовало, иначе дружбе наступал конец.

Для «укрепления» дружбы, особенно только начинавшейся, иногда привозили в стойбище спирт, которым надлежало угощать всех, от мала до велика. На следующее утро похмельные кочевники использовали каждый свою мочу как выпитое накануне вино, полагая, очевидно, что прежние его свойства сохранились и никуда из тела человека не ушли. Это они проделывали не только со своей мочой, но и выпрашивали у приезжего приятеля, что вызывало у их большерецких друзей немалое отвращение.

Вернувшись из этой поездки ранней весной, хозяин снова пополнял домашние запасы сена и дров и уезжал в Гавань, где продавал добытую пушнину и приобретал необходимые

товары, привозя членам семьи гостинцы. С последним настом он подвозил дрова на всё лето, выходил на ловлю появившихся весной гольцов и приступал к изготовлению или ремонту запоров и снастей. Женщины в это время ухаживали за стельными коровами.

Весеннее время до Петрова дня, 29 июня, уходило на отстрел прилётных уток, установку запоров на красную и чавычу и промысел их сетями. Переставив запоры для лова летней рыбы, оставив их на попечение подростков, мужики уплывали на рыбные промыслы к кошке возле устья Большой реки.

Проводы и расставание промысловиков с домочадцами происходили торжественно и шумно. После небольшого праздничного стола мужчины разных семей, спаровавшись батами, садились в них и выплывали на Манаковую. Их дальнейшее плавание сопровождалось дружной пальбой из винчестеров, в результате среди домашних животных поднималось такое беспокойство, что собаки срывались с цепей, коровы, задрав хвост убегали, как сумасшедшие, а жеребцы угоняли своих кобыл подальше в лес.

Стрельба открывалась на счастье и должна была знаменовать рунный ход кормилицы-горбуши, а с ней и хороший заработок на промысле. Настроение у всех было приподнятое, а у нас, мальчишек, до того радостное, что мы, босоногие, долго гнались за уплывавшими вниз по реке Манаковой паромами, до тех пор, пока река Быстрая не преграждала нам путь.

По дороге к промыслам Еновского и другим рыбаки заготовляли сухостой, приплавляли его к кошке, где использовали на костёр для приготовления пищи. Начиналась пора тяжёлого ежедневного труда, длившегося весь световой день.

После этого в разгар лета наступала новая страда: пора заготовки корма собакам и пропитания себе, на которой трудились от мала до велика, иногда кушая около балаганов, не уходя в избу до позднего вечера.

Не успевали завершиться работы по запасам кормов, как следом приходило время сенозаготовок, которым и завершался цикл забот по различным временам года, изложенный мною весьма кратко и в основном.

ИГРУШКИ, ДЕТСКИЕ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Дети обзаводились игрушками и играли в такие игры, которые были свойственны занятиям взрослых в процессе их труда. Никому и в голову не приходило тратить деньги на приобретение «безделушек» для игр детей. Они сами вырезали из дерева собачек, батики, мастерили лыжи, маленькие дровеньки для катания, лук и ложе со стрелами, приобретая навык работы с топором и ножом.

Из ветловых прутьев вязали лошадок, делали для них из половинок катушки сёдла и увязывали игрушечные вьюки. Из отрезков бамбука, привезённых с кошки от японских промысловых участков, сооружали пушечки-водомёты. Шили игрушечную сбрую для езды на собаках, а девочки — так и торбасишки для кукол, приучаясь тем самим к работе с иголкой по коже.

Взрослые со знанием дела мастерили для детей кукол, сшивая их из тряпок, наряжая в длинные платьица с фартуком, а кукол мужского пола — в штанишки и торбасишки, с кепочкой на голове. Куклам нашивали цветными нитками глаза, рот, нос и уши.

Летом излюбленными игрушками были окатанные водой камни разной величины, заменявшие детям в играх диких и домашних животных.

Среди игравших высоко ценились цветные осколки битого фарфора, куда раскладывали «изделия» из земли. Эти «ценинки» часто выкапывались из-под земли на бугре, у которого стояла дедушкина стайка. О таинственном происхождении упомянутых ценинок ниже приведу свою догадку, которая, возможно, поможет обнаружить место расположения первого острога в Большерецке.

Куклы делали также и из метёлочки — веточки кедровника и чемерицы. Для этого подрезали верхушки иголок у метёлочки, также как и макушку чемерицы, отчего они после напяливания одежонки превращались в куклы. Будучи поставлены на стол, при постукивании по нему они изображали пляшущих баб.

Играли в городки, шарики, лапту, прятки, камешки, коней и быков. При игре в шарики требовалось концом палки загнать шарик в ямку, которую с палкой в руках охранял «вратарь». Если шарик попадал во вратаря или тот пропускал его в ямку, его игре наступал конец, он выбывал из партии. При игре в камешки их подкидывали и ловили по отдельности в разных количествах, выполняя в общей сложности семь «фигур».

Мячи дети делали сами из губки, росшей на талине, и из шерсти, скатанной в клубок.

Большое удовольствие ребятишки получали зимой при катании на куске кожи или другом ином предмете с сумёта — сугроба. Сумёты надувало сильным восточным ветром во время пурги. Они возникали по законам сыпучих тел от перемещения потоков воздуха между двумя стенами, параллельно стоявшими в недалёком расстоянии друг от друга. Сумёты поднимались чуть ли не до конька на крыше. В их центре дети проделывали ходы и устраивали игрушечные жилища, обставляя их изнутри «домашней» обстановкой.

Иногда мальчишки ловили вольниц и катались на них, подражая взрослым каюрам или сами, изображая собак, впрягались в их сбрую.

Такие игры и забавы проходили на морозном и вольном воздухе, были активными, и потому, когда после ужина перед сном полагалось читать: «Богородица, дева, радуйся...», усталый и полусонный мальчишка, не желавший совершать молитву, частенько для отрезвления получал оплеуху.

Весной, после утреннего присмотра за привязанными собаками, ребята дружной ватагой отправлялись удить гольчиков закидушками, наживлёнными на крючках икрой. Ловили больших гольцов, а также микиж и хариусов.

ЛЕСА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

По берегам большерецких рек больше всего росло тальника. Из его молодых стволиков собирали части запоров, городили изгороди, рубили корбасины, а самое главное —

употребляли на шесты и поделку лыж. Весной, когда наступала бескормица или приедалось сено, скоту привозили ветки тальника, поедавшиеся им с большой охотой.

Древесина тальника — белая, однородная, в обработке мягкая, лёгкая и по-своему прочная. Просохшие дрова из него были незаменимы летом, так как они не давали большого жара и горели длинным пламенем.

Ранней весной на стволе молодых талин, особенно около комля, между древесиной и корой образовывался небольшой слой сладкой и весьма приятной желеобразной массы.

Ольха отличалась от тальника строительными качествами в худшую сторону. Она была более хрупкой, её высокие и прямые стволы не годились для стен жилых строений, так как при высыхании растрескивались.

Имея почти оранжевый цвет древесины и кору морковной окраски, эта порода леса была весьма необходимой в хозяйстве. Из её коры приготовляли дубильный экстракт, который в смеси со сходами наждачного точила делал кожу непромокаемой, устойчивой к носке в сырость и чёрной, как сукно.

Брёвна из тополя привозили издалека и строили из них жилища.

Высокая и стройная ветла из числа молодых деревьев частично шла на строения. Очищенное лыко от коры этого дерева употреблялось для изготовления верёвок и в прошлом, до прихода россиян, очевидно, являлось единственным материалом, из которого вили канатики.

По непонятным причинам, как и кедры на Дальнем Востоке, целые плантации ветлы гибли на корню, являясь, таким образом, поставщиком населению добротного сушняка, использовавшегося как дрова.

Для большерецких жителей бесценной была древесина берёзы. Там, где требовалась прочность, гибкость и твёрдость, она была незаменима. В воде берёза плавала полузатопленной, отчего выстроенный из неё в 1739 году первый морской бот «Большерецк», который вместе с другими судами совершил плавание в Японию, немало поразил тогдашних строителей и моряков своей необычно большой осадкой.

Высокая и прямоствольная берёза годилась на телеграфные столбы, но для стен строений её не употребляли, так как при высыхании она настолько «сводилась», что не диво было сооружению и развалиться.

У берёзы, достигавшей более двух охватов, да и у лесин меньшей толщины была толстая и слоистая кора, хорошо снимавшаяся топором. Она с большой отдачей тепла использовалась как дрова в каминах, а особенно на охоте и в костре. Белые берёзы не были такими ширококронными и столь высокими.

Кедровником-стлаником не пользовались, так как поблизости он почти не рос.

НАСЕКОМЫЕ И ГРЫЗУНЫ

Назойливость мошки, мокреца и комара, наверное, знает каждый. Большерецкий комар отличался от известного мне, водившегося в Хабаровском крае. Он был гораздо мельче материковского, летал не так кучно и нападал на живое существо не так зло и решительно.

Прежде чем ужалить, большерецкий комар долго витал и тянул своё «и...и... и-и-и» около обнажённой части тела. Ближе к устью Большой реки гнуса становилось меньше, он был менее активным, а на кошке и вовсе отсутствовал.

О том, что моль поражала одежду, возможно, не знали. Мало было шерстяного, поэтому это насекомое серебристого цвета не уничтожали, так как принимали за «божью уточку».

Бабочек было не столь уж много, как на материке, и по количеству, и по разновидности. Их, наверное, следовало отнести к мотылькам.

Большие пауки не попадались ни в лесу, ни в жилье. В избах водились маленькие паучки, называемые «мизгирями».

Кроме редко встречавшихся блох, бытовали клопы, одолевали тараканы. Эти рыжие с длинными усами насекомые гнездились в щелях под обоями и обивкой из ситца.

Зимой, с наступлением стужи, когда мужики уезжали на охоту, хозяйка, натопив жарко печь, открывала настежь две-

ри. Всей семьёй уходили к соседям. Выманив, таким образом, эту нечисть из укрытий к печке, морозили их и, сгребая в посуду, уничтожали. Через некоторое время оставшиеся незамеченными тараканы оттаивали и заводились снова, и никакой порошок буры не спасал от них жилище. Они ползали в церкви, в оштукатуренном доме пристава и школе.

Огромный вред приносили большие зелёные мухи. Из их «плевков» выводилась масса белых червей, уничтожавших юколу так, что буквально могли привести хозяина в части кормов в разорение. При влажном и сравнительно прохладном климате многочисленная валявшаяся по земле горбуша разлагалась медленно, поэтому мушиные черви выполняли роль санитаров.

Не менее ощутимый вред приносили крысы. Этих отвратительных существ прежде не было. А появились они, сказывали, в мою детскую пору в связи с приездом священника Нежинцева, который привёз их в сундуке с продуктами с материка. Может быть, это и так, но я полагаю, что они были завезены, скорее всего, в Гавань, а уж оттуда распространились по всей Камчатке.

К каждому живому жители Большерецка имели жалость и убивали его лишь при нужде, поэтому сначала с крысами не боролись, принимая их за безобидных «зверьков». Но когда грызунов развелось множество, и люди поняли их вредность, стало уже поздно. Эти наглые твари в поисках пищи летом покрывали большие расстояния, преодолевая широкие водные пространства, кочуя от жилья к жилью, проделывая десятки километров по безлесным тундрам. Они запросто прогрызали стены и полы строений, сооружённые в основном из мягкой древесины, уничтожали не только продукты, но и кожаное снаряжение.

Приходилось наблюдать за жизнью их колоний, разместившихся в крутом яру около воды. Эти существа, ныряя под воду и плавая на поверхности, охотились за мальками и нападали на небольших рыб.

Мыши служили отменным кормом для лисиц и соболя, водились вне жилых строений и в достатке. Они не причиняли

вреда человеку. Но в один год их появилось так много, что эти сравнительно безобидные грызуны иссекли всю траву на покосах, чуть не оставив скот без сена. Тогда встречались мыши разных мастей. Я лично видел зверушку с крестиком на спине возле лопаток, среди словно бы подпалённой шерсти.

Лягушек и змей не было. За змею принимали вьюна.

ВЕРА В НЕЧИСТУЮ СИЛУ

Признавали колдовство, хотя колдунов как таковых в Большерецке, да и в соседних сёлах не знали.

Кроме нечисти, принятой среди людей христианской веры, мои сородичи верили в существование чисто ительменских духов, как-то лесачиху, кутху и апапеля.

Лесачиха жила в лесу, кутха — в избе под печкой или под крышей между потолком, а вездесущий весельчак апапель мог обитать в тундре, на берегу возле реки и в лесу, словом, присутствовал там, где был человек, когда находился вне жилья. Их внешность, действие и назначение, полагаю, читатель определит сам, прочитав нижеследующие рассказы.

Зимой среди двух гряд сопок на окраине леса около тундры заночевал одинокий путник. Он лежал, укрывшись в кукуле на нарте среди распряжённых собак. В полночь его разбудил визг и тревожный лай собак, почувствовавших недоброе. Высунув голову из заиндевевшего входа в кукуль, каюр увидел вдали женщину, шедшую при полнолунии по тундре от одного подножья сопки к другому. Ночная путница, одетая в белоснежную куклянку, на ходу расчёсывала длинные волосы, из которых так и сыпались крупные искры. Видно, она хотела заманить понравившегося ей мужчину, после чего, Бог знает, что с ним могло бы случиться. Зная это, наш ночной свидетель не поддался её соблазну и впоследствии благополучно вернулся к своей жене.

Это рассказал мне один из жителей Большерецка, уверяя, что упомянутое действительно произошло с ним.

Кутха представлялась наподобие обезьяны. Она мирно сидела, дожидаясь лакомых угощений. Если они ей нравились, то могла оставить порожнюю посуду заполненной драгоценностями, сообразно количеству и привлекательности угощения. А если пища приходилась не по вкусу, то она творила козни против хозяев.

Мы, дети, кутху очень боялись. Ею взрослые нас частенько стращали за баловство. Кутхе присваивалось иногда другое название — «суседка», искажённое слово «соседка».

Надо заметить, что как дети, так и взрослые охотно слушали рассказы о проделках колдунов и других злых духов, принимая их за истину, поэтому вера в Бога нередко отступала далеко на задний план.

Апапель как больший затейник и шутник, сопровождавший в пути охотника и рыбака, уважался. Он мог, шутки ради, припрятать какую-нибудь вещь на становье и напомнить путнику о ней только тогда, когда тот уже далеко отъезжал с прежнего места. Теперь натешившийся апапель отставал от объекта своей шутки. Он также затуманивал голову охотнику, подолгу блуждавшему в лесу. Вдруг ранее хорошо известные путнику места становились незнакомыми, реки казались текущими в противоположную сторону. Словом, водил человека этот мохнатый, безрогий и двуногий зубоскал «возле и около», а когда нашутился, отпускал с миром.

Вот что я слышал про случай на охоте, приключившийся с моим отцом и его напарником, рассказанный перед смертью моему старшему брату. Это произошло в вершине реки Каначевой в непосредственной близости от пирамидальной горы Опальской, большей частью покрытой снегом, при следующих обстоятельствах. Привожу рассказ от лица напарника.

«Покрыв за три дня около сотни вёрст от устья Каначевой, к вечеру последнего дня мы совсем приблизились к сопке Ипильке, откуда, как на ладони, виднелась Опальская гора.

Наскоро поужинав и поставив палатку, легли спать, каждый в своём кукуле, надеясь утром обнаружить оленей на тундре. Вдосталь наработавшись за день, отец сразу же заснул, а я, возбуждённый событиями последних дней и предстоящим

утром, не спал, переворачиваясь с боку на бок. Кругом стояла непроглядная тьма и мёртвая тишина, так что временами я слышал бульканье лопнувшего пузырька с воздухом, испускавшегося иногда умиравшей в воде рыбой.

Размышляя о делах предстоящего дня, почувствовал лёгкий шорох возле бата, опрокинутого около воды. Осторожно спустившись с яра на песок, не заметив ничего подозрительного, я напился освежающей воды и вернулся в палатку.

Вскоре, услышав характерный шорох листьев жухлого шеломайника и шелест сухой травы от осторожно приближавшегося существа, я замер от страха. Толкаясь шестами по реке, мы нигде не видели свежих следов медведя. Утолоки иссохшей растительности подсказывали, что зверь ушёл отсюда давным-давно, а олень около реки в лесистой местности никогда не водился, предпочитая открытую тундру.

Между тем шорох приближался, и я, покрывшись испариной пота, тихонько локтём толкнул соседа. Тот прекратил храпеть, поднял голову и, прислушиваясь, замер. Когда невидимка, задержавшись против палатки, словно руками стал ощупывать её и пальцами водить по полотну, отец громко крикнул:

— Кто?

В ответ послышались поспешные удаляющиеся шаги, шум стал затихать.

Через непродолжительное время, теперь уже оба не спавшие, мы снова услыхали то же, что и в первый раз. Схватили, не сговариваясь, винчестеры и стали ждать. Я, осеняя себя крестным знамением, прочитал “Отче наш”, прося у Бога спасения и ограждения от злого духа.

После того, как чудище снова начало проделывать прежнее, мы раздвинули полог палатки и дружно пальнули вдогонку по направлению удалявшегося топота ног и шума.

— Попали, попали! Слыхал, как захарчел! — воскликнул отец. — Строгай стружки, пойдём следить, а то мясо до утра протухнет.

Поставив курки на взвод, вошли в начало тропы, вооружённые винчестерами, шестом для раздвигания раститель-

ности и горящими стружками для освещения тропы. Сразу же заметили кровь.

Освещая и раздвигая шестом густые дудки шеломайника, высотою со всадника на лошади, шаг за шагом, исследуя растительность, мы продолжили путь, готовые в любое нужное время пристрелить неизвестного зверя.

Эта дорога, сравнимая с восхождением библейского Иисуса Христа на Голгофу, показалась мне вечностью и полной животного страха.

Наконец, саженях в двадцати от палатки возле берега сухой проточки, занесённой дресвой, заметили что-то тёмное, а когда приблизились, то увидели непонятное существо.

Это был человек с длинными волосами на голове, раскиданными по плечам и спине. Густая и такая же чёрная, но короткая шерсть покрывала всё туловище, руки, лицо и ноги.

Мой спутник концом ствола винчестера брезгливо перевернул труп на спину, и тут я увидел, что это была особь женского пола. На пальцах её рук и ног выступали не очень длинные, но довольно толстые ногти.

— Пойдём за вёслами, надо её закопать, — тревожно предложил отец.

Когда дело было сделано, не дожидаясь утра, мы сняли палатку, погрузили скарб, столкнули бат на воду и, не обнаружив пары вязанок уток, в непроглядной тьме поспешно поплыли от этого проклятого места.

Вечером на становье, где оставалась поклажа, состоявшая из туши убитого медведя, я осторожно спросил отца:

— Мы апапеля убили?

— Что ты болтаешь! Человека убили, вот кого!

Он спокойно вытянул из кармана штанов колтон, положил щепоть табака за губу и сплюнул слюну на землю.

— А почему он мохнатый и вообще странный?

— Сказывают, такие от Опальской сопки приходят, но ты никому не говори, что мы человека убили, слышишь, а то нас обоих в острог на вечную каторгу сошлют. Побожись, что ты никогда и никому про этот случай не расскажешь!

Я испугался и со всей серьёзностью в страхе произнёс:

— Ей Богу, я никогда и никому не скажу, что мы убили человека.

— То-то же, помни да не забывай, — назидательно предупредил отец».

Прочитав это, каждый может, упрекнув меня, сказать, что это «охотничьи побайки».

У нас не было привычки про такие серьёзные дела, как охота, говорить неправду. Таких людей презирали, обзывая их «врачунами» и «бахвалами», поэтому этот коротенький рассказ произвёл на меня большое впечатление.

Будучи уже зрелым мужчиной, я пытался узнать у брата детали, звал его в те места, но он ничего не смог дополнить и не пожелал сплавать туда. Я же всё ещё нахожусь под впечатлением той тревожной ночи, которую довелось провести отцу с его компаньоном. Колеблюсь сказать, была ли это правда, боюсь поверить, думая, не была ли та навязчивая особа «снежным человеком»?

О КЛИМАТЕ И НЕКОТОРЫХ РАСТЕНИЯХ

Гром в Большерецке был редок и глух. Он слышался где-то в отдалении, а молнии возникали в виде шарообразных вспышек вблизи поверхности земли.

Родители рассказывали, что прежде летом было жарче, а зимой — настолько морозно, что сороки и вороны падали в полёте, а слюна при плевке на лету смерзалась в бусинку.

Весной к закату солнца на Охотском море поднимался густой туман и продвигался к Большерецку, покрывая всю местность мглой. Держался он чуть ли не до обеда следующего дня. Когда уносился в небо и собирался там в кучевые облака, а после таял, небо становилось чистым-пречистым и тёмно-тёмно-голубым с дневным светилом, не столь уж частые лучи которого спешили поглотить зелёные растения.

Иногда туман был настолько густым и непроницаемым, а колебания воздуха оказывались так ничтожно малы, что из этой насыщенной массы выпадали осадки в виде охлаждающегося пара. Тогда говорили, что «на улице бусит».

Дожди, особенно летом, были столь частыми, что иногда беспрерывно продолжались до месяца.

Они начинались не сразу, а исподволь, сначала в виде отдельных редких и мелких капелек, заволакивая небо, сопки и местность, а потом расходились и трусили целые сутки, неделю и больше. Иной раз это очень сильно надоедало. И вот, наконец, проскользнувшие из-за туч лучи солнца приводили всё живое в неописуемый восторг.

Из-за таких дождей разливались вышедшие из берегов реки, сносившие запоры. У зазевавшихся хозяев вода могла унести бат, шайбу и даже собак вместе с привязью.

С наступлением в конце лета погожих дней жители старались использовать это сравнительно жаркое время на заготовку сена.

К осени ясных дней становилось больше, а ближе к зиме начинали ходить микучи — дожди с градом, порою переходящие в слякоть.

Высота выпавшего за зиму снега не превышала метра, но сдутый ветром с ровных мест в леса он мог быть и выше, полностью не тая около шести с половиною месяцев. Земля практически не промерзала. Её, освободив от снега, можно было брать заступом.

Южный ветер приносил главную непогоду. Он дул со стороны Курильских островов и поэтому назывался пренебрежительно «курилкой».

При западном ветре погода была переменчивой, ясные дни чередовались с ненастными. От него бушевало Охотское море. Оно перекидывало через кошку воду, срывало ставные невода и береговые строения.

Северный ветер не был сильным. Он как бы тянул на выдох, назывался «хиусом» и сопровождался необыкновенной стужей. Во все времена года этот ветер славился как спутник хорошей погоды.

Восточный ветер — наиболее буйный. Он дул в основном поздней осенью и зимой, принося с Тихого океана тепло и непроглядные пурги. Порывы такого ветра частенько срывали крыши со строений и надували великие сугробы. В такую

пору было удобно промышлять спрягавшихся от непогоды птиц и лисиц: они, не чуя шороха, близко подпускали людей.

В окрестностях Большерецка росло много ягод. Ранней весной можно было найти прошлогоднюю бруснику и клюкву. Летом во множестве вызревала на сухих кочках шикша, на кустах — жимолость и голубика. Самой крупной ягодой была спелая морошка величиною со среднюю клубнику, с бледно-жёлтым цветом.

Но самой сладкой, нежной и приятной на вкус считалась княженика. Она росла по кочкам и лугам в траве. Бывало, косишь траву на сено и как будто уже наешься ею, а как взмахнёшь косой по-новому, увидишь эту ягоду — спелую, крупную да румяную, поневоле прекратишь работу и начнёшь по-новому ею тешиться.

В отличие от других кисло-сладких ягод, шикша, морошка и княженика были сладкими. После шикши рот и зубы становились чёрными и приобретали естественный цвет лишь спустя несколько дней.

Цветов в Большерецке произрастало множество, с различной окраской, но они, несмотря на свою привлекательность, запаха не имели.

Странное растение, называемое «гагаем», росло по тихим плёсам. Его с охотой поедал рогатый скот, стоя днями в воде. Густо-зелёные растения, образовав на дне реки кочку, уподоблявшуюся женской голове с длинными космами и маленькими на них цветочками с белыми лепестками, заполняли чуть ли не всё русло реки, мешая перемещаться на бату.

На плантации дикого хвоща иногда выгоняли зимовать табуны лошадей, которых оттуда по весне пригоняли весьма справными. Кстати, лошади никакой работы не выполняли, кроме случавшейся в какое-то лето поездки на охоту за оленями в хребты. Этому мешали бездорожье, глубокий снег зимой и многочисленные водные преграды, а также удобство пользования батом и упряжкой собак.

Картофель вдоволь выращивали на огородах. У каждой хозяйки имелась грядка многолетнего лука-батуна. У моих родителей, кроме этих культур и стручкового гороха, огород

ничем больше не засаживался, а вот у дедушки рос не только зелёный салат и укроп, но и собирался урожай свёклы и моркови. Высаживали рассаду капусты, однако кочаны не формировались. Может, это зависело от семян, но, скорее всего, — от обилия навоза.

БОЛЕЗНИ И ИХ ЛЕЧЕНИЕ

Хотя в Большерецке и была так называемая «больница», однако в мои юношеские годы доктор обслуживал больных в общей сложности не более двух-трёх лет. Остальное время больница стояла, не принося пользы, поэтому жители врачевались своими способами.

От простудных заболеваний лечились, натирая грудь медвежьим жиром или покупным свиным салом, а также настоем корней борца или «медвежьих дудок». Пили настои ромашки и кустарничков брусники.

При угаре, засунув в уши по ягодке брусники, выходили из дому наружу и, укутавшись потеплее, сидели на снегу, пока не приходили в себя.

Боль в животе успокаивали массажем.

Чирья лечили подорожником и тонким слоем берёзовой коры, прикладывая их на больное место для того, чтобы ускорялось нагноение и выделение гноя.

Рубленые и рваные раны, гноящиеся и долго не заживающие, врачевали в источниках термальных вод, находившихся в пятнадцати верстах от соседнего села Апачи. Там чирьи и гнойные раны мигом очищались, тело становилось розовым и раны срастались. Там же лечили ревматизм ног, прикладывая к ним селитру — донное отложение.

От зубной боли избавлялись ладаном, упаковывая им дупло больного зуба, от чего последний, переставая болеть, раскрашивался. Воспаление с поражённых глаз после езды по снегу при весеннем солнце, сопровождавшееся острой резью, снимали, прикладывая к ним тряпочки, пропитанные мочой. Другое, причисленное к болезням «нутра», лечили, кто чем мог, и они считались не поддававшимися

врачеванию, то есть безнадёжными. Роды принимала бабка, имевшаяся в каждом селе, за что её в обязательном порядке одаряли полотенцем.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, ПОВЕРЬЯ И ПОГОВОРКИ

Начальство, старших и родителей почитали. При встрече с уважаемым лицом головной убор не снимали раболепно, а приподымали за козырёк над головой. Это сопровождали лёгким поклоном. Дети побаивались родителей и не очень-то перечили, особенно главе семьи. Если старший, пусть даже посторонний, наказал за баловство или недостойное поведение подростка, жаловаться родителям те опасались, так как могли запросто получить не только нотацию, но и ремня.

Взрослые любили давать людям прозвища. Женщинам их присваивали по имени мужей, как-то: «Кольчиха», «Митриха», «Петрушина» и тому подобные. Прозвища мужчинам давали так метко, что они словно прилипали и оставались на всю жизнь. Разумеется, ими пользовались за глаза, и присваивались они сообразно схожести во внешности, повадках, действиях и так далее, например: «Задочек», «Бородач», «Пружина», «Хохол», «Поп», «Боженька», «Дьявол» и прочее.

Меня сверстники в детстве окрестили «тельном» и «басилкой». А присвоили их за то, что мой крёстный отец, учитель из русских, был единственным лысым человеком в селе, певшим в церкви на клиросе басом. Его голая кожа на голове напоминала подрумяненную рыбную котлету, которую, как я уже упоминал, называли «тельном». Было обидно, когда мальчишки, прикладывая ладонь к макушке головы, дразнили меня, подпевая баском. Я гонялся за ними, убегавшими, и кого настигал, тому, разумеется, препорядочно давал тумаков.

Вообще говоря, мои сородичи были народом весёлым, большими просмешниками и любителями разных забав.

Не совсем пристойно писать об одной такой забаве, но для познания хотя бы частицы такого рода развлечений, приходится познакомить читателя с нею.

Весной с появлением чавычи, когда сочная растительность покрывала добротный чернозём зеленью, а птички весело щебетали, большерецкие мужики по полым водам сплывали на паромах с частями запоров километра на четыре в реку Якутовую и здесь на одной из шивер перегораживали водоём.

Вечером после работы, поужинав около костра и палаток, один из весельчаков, поймав подростка, говорил:

— Давай-ка, посмотрим у него циньку.

К такой потехе присоединялись другие старшие, которые, подвергнув младших такому же осмотру, добирались до более пожилых и совсем старых.

Обижаться на это не полагалось, так как все шутили и смеялись, а если кто и пытался дуться и очень уж сопротивлялся, у него «смотрели» повторно, после зачинщиков.

Бились в «душки». У варёной утки вынимали из груди две парно соединённые полуовальные косточки, называемые «душкой». Двое, договорившись о выигрыше, взявшись за концы душки, переламывали её. С этих пор между ними устанавливались отношения, при которых принимавший какой-либо предмет от участника, бившегося в душки, должен был непременно сказать: «Беру, да помню». Если он этого не говорил, другая сторона уличала его в забывчивости и восклицала: «Помни», и тем самим выигрывала.

Помню, как однажды мой отец «объегорил» одну участницу такой игры, которая потом бесплатно сшила ему полдесятка алыков.

По гребню кости на груди варёной утки угадывали, вернее, пытались угадать погоду следующего дня. Если на нём виднелись затемнения в виде туч, это предвещало плохую погоду, а при чистом — ясный или другой день, сообразно степени затемнения.

Верили в следующие приметы:

Нож случайно упал вверх лезвием — хочет пластать, будет добыча.

Река Быстрая шумит отдалённо в вершинах — предстоит хорошая погода.

Сопки приблизились, видно их чётко — предполагается ненастье.

Собаки валяются на снегу — выпадет снег.

Будешь свистеть — накличешь лешего.

Будешь мочиться на костёр — появятся коросты.

Будешь баловаться с головёшкою — ночью обмочишься.

Поговорок знали не так уж много: «Не пои, не корми, а лучше ласково взгляни», «За такие малости не стоит благодарности», «Хоть кол на голове теши, а он всё равно будет стоять на своём», «На ветке передаёт» (то есть намекает).

Самобытных сказок знали мало. Их содержание, некогда слышанное мною, я позабыл.

За злостное баловство и систематическое непослушание мать могла проклясть детей, например, словами: «Не покрасуешься ты долго на этом свете!» Дети проклятья очень боялись, а матери произносили его в крайних случаях, в пылу страшного гнева.

Среди взрослых не было принято матерно ругаться, а равно и затевать драку. Скандалистов обзывали «мерзавцами», «прохвостами», «канальями», «скважинами», «варнаками», «каторжниками», «страмниками»...

ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ, СЁЛАМИ И ПРОЕЗЖИМИ ЛЮДЬМИ

Население Большерецка никаких непосредственных торгово-экономических отношений с Японией не имело, кроме редких случаев обмена собачьих шкур на спирт. Рыжие шкуры японцы принимали за лисьи, а остальные разномастные у них шли на пошив душегреек.

На бутылке со спиртом был изображён старец, сидевший на корточках со сложенным ногами, поэтому такая ёмкость называлась «старичком». Это было изображение их императора.

Перед окончанием гражданской войны на Дальнем Востоке Большерецк часто посещали проходившие со стороны Охотского моря и проезжавшие из Гавани японские под-

данные. Однажды они даже зимовали маленькой группкой, расселившись по отдельным избам. Поговаривали, что один из них, пожилой, который не работал, будучи в преклонном возрасте, как будто бы числился полковником японской армии, а остальные, помоложе, вероятно, служили меньшими чинами.

Эти мои догадки подтверждались тем, что тот, который жил у нас и за бесплатную еду временами работал по хозяйству, был необычно грамотным, холёным, с золотыми зубами, имел маникюрные принадлежности, значительно отличался от тех промысловых рабочих, своих сородичей, которых я хорошо знал.

Теперь их действия мне ясны. Японцы изучали обстановку, знакомились с населением, углубляли свои познания в русском языке и вообще, без сомнения, числились в резидентах их армии, дожидаясь возможного падения советской власти в России, захвата ими Камчатки и так с давних пор страстно желанного присоединения полуострова к своей «Великой Империи».

С Америкой вели торговлю через посредство факторий, обосновавшихся на кошке, которые действовали, вероятно, от лица Русско-Американской компании, в соответствии с межправительственным соглашением обоих стран.

Надо полагать, что такие фактории были посредниками между Еновским и рыбаками, которые, по-моему, вели между ними соответствующие расчёты.

С близлежащими северными селениями — Уткой, Кихчиком — и другими дальними имели связь постольку, поскольку проезжали по ним, следуя к кочевым корякам.

С сёлами к востоку от Большерецка, как-то Апачей, Начикой, Коряками и Елизово, знакомство имели также малое, как и с северными, проезжая их по пути в Гавань.

Однажды зимой возвращавшихся на собачьих нартах из Гавани накрыла туча пепла (как тогда посчитали — сажи). Они, истончив об неё полозья, едва дотащили полупорожние нарты домой. Эта сажа так заволокла днём ясное небо в Большерецке, что понадобилось зажигать огни. Оставшиеся без

мужиков женщины, полагая, что наступил «конец света», стали плакать, молиться и паниковать, ожидая с часу на час, когда небесные и нечистые силы примутся отбирать их, кого в рай, кого в ад. К счастью, спустя сутки пепел разнесло, небо очистилось и «светопреставление» не состоялось.

Позже выяснилось, что это явление стало следствием извержения вулкана за две сотни вёрст от Большерецка.

Большая часть глав семей имела пушнину и деньги и потому раз в год ездила в Гавань. Здесь они сбывали пушнину подороже, а разнообразные товары, минуя проезжих купцов, покупали подешевле.

Каждую зиму к концу пушного сезона через Большерецк проезжало на север более десятка нарт каюривших купцов. Свои товары в Большерецке они почти не продавали, припасая их для обмена на пушнину в дальних сёлах, жители которых редко ездили в Гавань.

Купцам запрещалось торговать спиртными напитками, поэтому они ухитрялись перевозить его скрытно, например, под видом непомерного количества тройного одеколона в бутылках большой ёмкости.

Помню, как-то отец получил от старосты полномочия на проверку контрабанды в трёх нартах японских купцов. Не обнаружив ничего подозрительного, земляк купил банку консервированных ананасов. Когда впоследствии ёмкость вскрыли, в ней оказался чистейший спирт. Вся партия этих «консервов» была реквизирована и поделена между членами общества без оплаты.

К концу гражданской войны, следуя с кошки в Гавань или обратно, через Большерецк проходило помногу разного народа: корейцы, китайцы и русские, искавшие возможность уехать с Камчатки.

Большерецкие жители славились гостеприимством, и, бывало, люди жили месяцами, стояли на бесплатном довольствии. Никто не спрашивал у путников, куда и зачем они передвигаются.

Однажды у нас на постой осталась пара странных мужиков. Один — высокий, худощавый, с большим ястребиным

носом, угрястым и пепельного цвета лицом, с фигурою вроде вопросительного знака, был очень немощным. Он носил фамилию Голынский. Другой — Сташинский — являл собою богатыря. Лет сорока, в меру упитанный, стройный, рослый, с громадными кулачищами. Его серо-жёлтое лицо имело на лбу, около левой брови и на бычьей шее по продолговатой шишке, величиною в третью часть указательного пальца. Он оберегал Голынского и прислуживал ему.

Однажды я услыхал их разговор по поводу одного такого же путника, остановившегося у нас и чем-то, видно, им не понравившегося.

— В прежние времена я бы дал ему двадцать пять горяченьких, так он бы только зевнул, — похвалился Голынский.

— Ко мне однажды пристал такой же вот субчик и ударил меня кулаком по носу, — продолжал начатую тему Сташинский. — Я сказал, что, если покажется с носу кровь, то тебе несдобровать. После я его как ударил кулаком по темени, он так и дух испустил.

В избе никого не было, мне стало страшно, и я, выйдя на улицу, встретил там того самого, который им не понравился и пересказал ему услышанное.

— А ты разве не знаешь, кто они? Это же сахалинские палачи, бежавшие оттуда. Они ждут прибытия парохода, чтобы удрать за границу, — предупредил он меня.

Теперь я вспомнил, что такие люди «диганятся» — издеваются над людьми, поэтому дал зарок: втроём с ними без родителей не оставаться.

Я не упомянул о нашем южном соседе — селе Хайково, расположенном на склоне отлогой сопки возле реки Амшигачевой и ключика Хайкового.

Прежде кета, водившаяся в этом ключе, называлась «хайко». Она метала икру, от чего этот глубоководный водоём с наичистейшей водой и обрывистыми берегами и получил название Хайкового.

Когда-то здесь, возможно в 1910 или 1912 году, точных сведений не имею, казна построила два административно-жилых здания, одно из которых являлось почтово-телеграфной

конторой, а второе — волостным правлением. Вокруг них стали строиться и заселяться исключительно русские.

С переходом волостного правления из Большерецка в Хайково, это село стало именоваться Усть-Большерецком. С упрочением советской власти в Усть-Болышерецке открылся кооператив, лавка «Госвино» и появились бытовые службы, сопутствовавшие присутствию людей с твёрдым заработком.

Первоначально это село служило большерецким путникам промежуточным пунктом дороги от кошки до дома, а потом, по мере роста его влияния, превратилось в административно-торговый центр.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ РЕК

В бассейнах рек Быстрой, Плотниковой и Большой в радиусе тридцати километров от Большерецка жители знали около восьмидесяти наименовании рек, проток и ключей. Почему им присваивали те или иные названия, я до конца не знаю, поэтому разделяю их на три категории: 1) известные по «Описанию земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, 2) знаю сам, почему они так названы, 3) не знаю, но догадываюсь.

С приходом россиян все реки были переименованы в честь тех лиц, которые некогда жили на их берегах, например: Трапезникова — в честь посадского человека, Остафьева — освобождённого из холопов, Запороцкая — ссыльного, Карымаева — по имени тойона Карымая, Чекавина и Амшигачева — в память казаков из камчадалов.

Названия рек наглядно дают представление о социальном составе населения тогдашнего Большерецкого острога, которым управляла обосновавшаяся там приказная изба.

В части второй категории следует сказать, что эти реки, речушки и ключи протекали в непосредственной близости от села и служили Большерецку не только удобными водными артериями, но и местом промысла рыбы. Им присвоили названия: Паранчиновая — в её истоках жил камчадал Паранчин, Петровичева — на берегу стоял балаган Петра

Логинова, Мостовая — через неё был перекинут узенький мостишка с перилами, Грунчина — здесь утонула жительница Груня (Агриппина), Манаковая — в ней погиб житель Манаков, Чистый ключ — здесь текла чистейшая вода, одинаково прохладная зимой и летом.

Название этих рек можно было бы и не приводить, а упомянуты они лишь для того, чтобы сориентировать человека с пытливым умом, который когда-нибудь пожелает прогуляться по территории бывшего острога с археологическим инструментом.

О происхождении названий рек, отнесённых мною к третьей категории, можно только догадываться. Так, тундровую реку Гольцовку, протекавшую в полуверсте от села, назвали, вероятно, из-за гольцов, водившихся в ней. В протоке Белой глины, впадавшей километрах в четырёх от Большерецка в реку Роговую, добывали белую глину, шедшую на побелку изб и печей, отчего, надо полагать, она и получила своё название. Реке Плотниковой, притоку Большой, дано название после убытия из Большерецка С. П. Крашенинникова, так же как и Корабельной, являвшейся протокой Плотниковой.

История появления их названий, вероятно, такова. В рапорте от 5 августа 1739 года С. П. Крашенинников писал в Петербург своим академическим начальникам: «Судну, строенному в Большерецке из берёзы, имя дано “Большерецк”, спущали его мая 25-го числа». Капитан М. П. Шпанберг, живший тогда в Большерецком остроге, не был удовлетворён этим судном из-за его большой осадки.

Можно предположить, что позже кораблестроители остановились табором в упомянутой протоке Корабельной, которая ещё в мои детские годы славилась обилием строевого тополёвого леса. Он, безусловно, более отвечал требованиям кораблестроения в условиях Большерецка в отличие других пород древесины.

На реке, ранее называемой Большой, также являвшейся местом заготовки леса, по всей видимости, рубили срубы для зданий, то есть производили плотницкие работы, а поэтому, надо полагать, и назвали её Плотниковой.

Во всяком случае, местным жителям незачем было присваивать рекам такие названия, как Корабельная, которые ни в какой мере не могли ассоциироваться с их родом занятий. А раз это так, то нам приходится признать, что в Большерецком остроге ещё с давних пор строили морские суда, бороздившие воды Охотского моря, обследуя Курильские острова до Японии и выполняя транспортные перевозки от Большерецка до Охотска и обратно[6].

Примерно в трети пути до Апачи по реке Плотниковой в обрыве увала, составлявшего южный берег этой реки, добывалась глина, из которой ещё до приезда Крашенинникова изготовляли и обжигали кирпичи, поэтому это место называлось «Кирпичным».

26 сентября 1711 года Анциферов и Козыревский из Большерецкого острога обратились с челобитной к Петру I. В ней есть следующие строки: «А прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи ласкою под твою руку привели, а их в аманаты изсажали и нынешнего ж 711 году, мая в 21 день, вор и заводчик, лучший иноземец Канач собрався с родами своими Большой реки пяти острогами...» [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов / Под ред. А. П. Алькора и А. К. Дрезена. — Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. — С. 34].

Речь идёт о Каначе и Карымче. Так вот, оказывается, почему тундровая река, на которой так помногу ловили чавычи, называлась Каначевой, а горная река, изобиловавшая летом кормившимися медведями, именовалась Карымчиной!

Описание многих из этих рек я умышленно не делаю, так как почти все они обозначены на крупномасштабных картах Камчатки.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Большая часть населения Большерецка говорила, мало искажая русскую речь, так же, как в Апаче, Начиках, Корякаx и Елизово. Но их говор во многом отличался от жите-

лей сёл, расположенных к северу, начиная от Утки, а также проживавших в Малках и Ганалах, которые говорили куда хуже большерецких, значительно искажая русскую речь.

Произношение моих односельчан было мягким. Они не говорили «чего», «что» и «почему», употребляя взамен, соответственно, «цово», «цо», «пошто». Если кто начинал пользоваться чисто русскими словами, только что упомянутыми выше, его презирали и говорили, что он «дерёт норку» и изъясняется «свысока», то есть воображает из себя «шибко учёного».

Я заметил, что у части жителей имелись следующие отклонения от нормальной русской речи:

Следовало говорить	Говорили	Следовало говорить	Говорили
Чавыча	цавица	Мышоночек	мисоноцок
Черемша	церемса	Бычок	бицок
Чаще	цасце	Бычишка	бициска
Чащоба	цасцоба	Высчитывал	висцитивал
Начальник	нацальник	Тысяча	тисаца
Шалаш	салас	Щеночек	соноцик
Шоколад	соколад	Щекотно	сцокотно
Шорох	сорох	Мещанин	месцанин
Шесток	сесток	Щавель	сцавель
Немощной	немосцной	Щучий	сцуций
Живучий	зивуций	Жадничать	задницать
Желудочек	зелудоцок	Жемчужина	земцузина

Полагаю, что такие искажения привнесли первопроходцы. Они, переняв упомянутое произношение от архангельских поморов, в течение ряда столетий хранили и вследствие общения с сибирскими народами приумножали его, донеся до камчатских жителей. Иначе, откуда бы взялись те самые архаизмы, которыми пользовались мои земляки, краткий перечень которых прилагаю в конце настоящей рукописи в виде словаря большерецких говоров.

ГДЕ ДЕЛАТЬ РАСКОПКИ?

Пройдет какое-то, думаю, непродолжительное время, и археологи займутся раскопками в Большерецке. Рано или поздно возникнет вопрос: кто такие аборигены Камчатки и откуда они появились? Может, они принадлежат к тем азиатам,

которые переселялись через Берингию в Америку или, наоборот — следовали из Нового Света на Запад. А разве нельзя допустить, что в давние времена вместо Охотского моря была суша? Можно предположить и то, что полуостров, возможно, частично был обжит переселенцами со стороны Японских островов через гряду Курильских земель. Эти догадки мы оставим на обоснование археологам, а сейчас постараемся извлечь выгоду из моих наблюдений, воспоминаний и предположений.

Прежде всего, исследователь должен будет обратить внимание на два бугра, ни с того, ни с сего оказавшихся в Большерецке на ровном месте. К сожалению, должен обратить внимание на следующее. В последний раз я посещал место родного села 25 июня 1970 года. Заметил, что упомянутые два курганчика плохо определяются на местности. Разыскивать их надо ранней весной или после уборки сена, которой там занимался совхоз.

На большем бугре стояла дедушкина стайка. Южная сторона этой возвышенности в прошлом, вероятно, была продолжением крутого берега некогда протекавшей здесь реки, а в мою бытность — кочковато-мокрой местностью. Идя по этому берегу от стайки строго на запад, метрах в двухстах наткнёшься на выход из-под земли ключика с небольшим плёсом, соединявшимся с речушкой Петровичевой узким горлом.

Восточную кромку бугра три-четыре века тому назад омывала, наверное, тоже речушка, которую жители называли «логотиной». Там, где устье логотины встречалось с бывшей рекой, имелся глубокий водоём диаметром пять-шесть метров. Похоже, что вынутый из него грунт в прошлом служил строительным материалом для создания господствующей высоты. С этой же восточной стороны, кроме упомянутой сухой логотины, в двух-трёх сотнях метров от бугра протекала и Мостовая.

Почему я за раскопки около этого бугра? Во-первых, из-за господствующего положения кургана над всей местностью. Во-вторых, ввиду соседствующей с курганом выемкой грунта. В-третьих, потому, что, когда я был мальчишкой то, копаясь в обрыве кургана с южной стороны, находил немало битых

остатков жжёного кирпича и фарфоровой посуды. Эти кирпичи взрослые мельчили и добавляли в раствор глины как красящее вещество, смазывая им стены изб. Те выгодно отличались рыжим цветом от покрытых глиной белого цвета. Этот слабый кирпич, по свидетельству Крашенинникова, изготовляли в Большерецке ещё до его приезда.

Все эти три факта свидетельствуют, что в прошлом на этом кургане, несомненно, находилось солидное жилое строение, которым мог быть только сам острог, и вот почему.

Вспомним ещё раз о челобитной служилых людей Анциферова и Козыревского Петру I, написанной 26 сентября 1711 года, в которой сообщается, что «ниже прежнего ясачного зимовья острог земляной построили, а в нём ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стоялой бревенчатый поставили...»

Поскольку ниже этого места больше не имеется признаков наличия подобного сооружения, нам остаётся причислить упомянутый курган именно к местонахождению «острога земляного». А раз это так, то это место в прошлом было притягательно и для камчадалов. И вот почему.

Вспомните историю борьбы местных жителей с русскими землепроходцами. Прежние остроги по несколько раз переходили из рук в руки. Аборигены сжигали строения, а служилые на прежнем месте отстраивали новые. Доказательством тому служит та же вышеупомянутая челобитная, в которой сообщалось: «...служить тебе великому государю на Большую реку, умирять изменников, которые в прошлом 707 и 710 годех тебе, великому государю, изменили, и ясачное зимовьё и острог на Большой реке сожгли...»

Жители острога, очевидно, также как и русские, через верхний бруствер острога сваливали под берег реки бытовые отходы, то есть то, что теперь необходимо для изучения истории прошлых веков. Таким образом, возле этого кургана или в нём самом можно отыскать культуру двух эпох: одну трёхсотлетней давности — стоянки первых землепроходцев из россиян, а вторую, — вполне возможно, дальних предков моих сородичей.

Второй бугорок, меньший в сравнении с первым. Возле него в юго-западной части метрах в десяти-пятнадцати стояла наша стайка, а в восточном направлении, метрах в двадцати — и сама изба. В мою бытность этот бугорок имел высоту не менее трёх метров. Помнится, мы, дети, играя на нём, находили в углублениях остатки трухлявого дерева.

Этот курганчик стоял от первого большего к северу метрах в двухстах пятидесяти возле упомянутой логотины и ста двадцати — от Мостовой.

При встрече устья ключика с речушкой Петровичевой, если следовать вниз по течению на запад, на берегу метрах в сорока можно встретить две полузалитые ямы. В прошлом они представляли небольшие озерки. В давние времена эта водная артерия с высокими берегами, очевидно, была удобна для первобытного поселенца. Видно, что тут явно стояла пара юрт. Однако в 1970 году, когда я посетил эти признаки стойбищ, то они слабо определялись на местности. Тогда я пришёл к выводу, что если места стоянок за полвека смогли почти сравняться с поверхностью земли, значит, они молодые по происхождению. Отыскать их нетрудно, а заодно и поразмыслить над возвышенностями, составлявшими некогда берега солидной реки.

Если от только что упомянутого стойбища, перебредя Петровичевую, отправиться строго на юг, то в половине лесистого пути между этой речушкой и Манаковой можно наткнуться на берега бывшей речки. В мою бытность по её крупно-каменистому дну, заросшему тогда растительностью, бежал почти невидимой ниточкой только ручеёк. На его северном яру прежде я, кажется, тоже замечал признаки оснований юрт. По состоянию этого родничка можно заключить, что поселение, если оно действительно имелось, могло быть только очень древним.

Будучи ещё подростком, я задумывался над происхождением озёрушек, ни с того ни с сего образовавшихся в окрестностях Большерецка на такой местности, которая явно противоречила их природе. Взять хотя бы ещё одно озерко. Оно находится там, где воображение может принять его только

за остов некогда стоявшей здесь большой юрты. И действительно, когда изучишь местность вблизи него, то непременно придёшь к выводу, что тут некогда было весьма удобное место для поселения. Находится оно метрах в пятидесяти от южного берега реки Петровичевой.

Если считать вышеописанные «две полузалитые ямы» за начало пути по северному берегу Петровичевой и следовать вниз по течению, то озерко окажется метрах в двухстах на противоположном берегу её плёса. В близком расстоянии южного берега озерка находится кочковатая низина, вероятно, представлявшая в прошлом обширную курью или неглубокую речку. Южная кромка этой мокроватой местности является северным берегом ключа, впадавшего в недалёком расстоянии в Грунчиную.

Соседство стойбища с двумя упомянутыми речками, очевидно, когда-то впадавшими метрах в трёхстах-четырёхстах в довольно обширную Грунчиную, делало его идеальным местом для поселения. В том числе и потому, что большая часть местности Большерецкого острога когда-то, несомненно, была тундрой с ягелем, годной для выпаса оленей.

Внимание к озерку привлекают невысокие обрывистые берега, схожие по очертанию с квадратом или же, точно теперь не помню, четырёхугольником.

На обрывистом берегу заливчика, впадавшего в Грунчиную около её восточного берега, имеются очевидные признаки основания юрт. Они, вероятно, двух или трёхвековой давности, поэтому вряд ли могут представлять интерес для археологов.

Но им следует обратить внимание на большие ямы по южному берегу Светлого ключа. Он берёт начало из-под земли и сразу же образует солидную курчажину с прозрачной водой, одинаково холодной зимой и летом. Его изголовье находится на уровне устья Паранчиновой. Он течёт параллельно Манаковой с востока на запад на расстоянии восьмисот метров от южного берега только что упомянутой реки. Впадает же он в неё под крутой шиверой в пятистах метрах от устьев Манаковой и Грунчиной.

В половине длины Светлого ключа в него в половодье вливается протока, начинающаяся из так называемой «Старой Плотниковой». В прошлые века протока была, вероятно, полноводной, но потом, когда река Плотникова изменила русло на юг, она захирела.

От устья протоки южный берег Светлого ключа становится высоким, сухим и крутоярым. Метрах в пятистах от обоих устьев возле довольно широкого и длинного плёса, на яру имеются большого размера выемки грунта. Это, несомненно, признаки местонахождения больших юрт.

Я за раскопки в этом месте вот ещё почему. Светлый ключ очень подходил для нереста многих рыб. В нёго попеременно заходили кета, летняя красная, голец, а кижуч пребывал здесь до самого Рождества. Когда протока была полноводной, то ясно, что в ней обильно нерестилась и горбуша. Такие реки и берега всегда были весьма удобны для стоянок людей каменного века.

В юношеские годы я знал недалеко от села озерко, к которому частенько ходил промышлять уток. Озерко имело правильную окружность. Его диаметр равнялся, примерно, тридцати-сорока метрам. По краям возвышался небольшой валик из песка и гравия. Это несомненное творение природы можно было принять за яму, образовавшуюся от взрыва бомбы большой силы. Глубину его я не измерял. Мне думается, что это результат работы некогда упавшего метеорита.

Сложно и долго описывать его местонахождение. Озерко находится в северо-восточной стороне от бывшего села, примерно в трёх километрах в лесистой местности, в самом коротком перешейке между Паранчиновой и Быстрой. Кажется, что оно образовалось на бугорке. Место там было сухое и потому весьма удобное. Прежде берега были покрыты молодым ольховничком.

Кроме мест раскопок в самом Большерецке, надо обследовать близлежащую территорию вокруг села. В пятистах метрах от устья Гольцовки на её северном берегу возле некогда бывшего моста имеются подозрительные ямы. Когда-то здесь, несомненно, стояли юрты. Только не надо путать мост, кото-

рый был в последние годы существования Большерецка и оставался после его переноса, примерно до 1940-х годов.

Выход речушки Паранчиновой, протекавшей мимо изб Гавриила и Петра Кравченковых (смотри план Большерецка), прежде начинался от бурной протоки реки Быстрой. Протока эта тоже называлась Паранчиновой. Она несла половину стока воды Быстрой. Там, недалеко от выхода речушки Паранчиновой, на высоком и обрывистом берегу самой протоки Паранчиновой, где чистый яр встречался с тундрой, я заметил ямы — явные признаки былых стойбищ. Место там продувное, соседствует с тальниковым и, кажется, берёзовым лесом.

Название и протоки, и речушки произошло, очевидно, вот откуда. В романе «Государство солнца» Н. Смирнова есть фраза: «К отцу иногда заходили камчадалы, особенно один — Паранчин, родственник моей матери». Далее упоминается, что Паранчин «ещё держал оленей». Логично предположить, что Паранчин и его дальние предки прежде пасли свои табуны на расположенной рядом тундре и одновременно промышляли в реке рыбу, уток, а возможно, и медведей.

В наше время упомянутую стоянку можно обнаружить, а можно и нет. Дело в том, что протока Паранчиновая во время моего посещения этих мест настойчиво точила свой южный берег. Вполне возможно, что вскорости русло протоки повернуло на север, как это случалось со многими реками прежде, и находки могут оказаться даже и на берегу песчаной косы, возле подножия стойбища.

Для успешных поисков предметов, принадлежавших людям каменного века за пределами Большерецка, необходимо обратиться к труду С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», где он упоминает об острожках по рекам. Эти водные артерии были обозначены на крупномасштабных картах Усть-Большерецкого района. Вспоминая сейчас виденное, я прихожу к выводу: те ямы были давним творением рук человека.

«Амшигачева, по-камчатски Уаушим, речка от Чекавиной верстах в девяти, течёт в Большую реку с северо-восточной

стороны. Обе объявленные речки прозваны от казаков именами камчадалов Чекавы и Амшигача, которые на них жилища свои имели». Ямы обнаруживались подле поворота увала на запад, в километре от устья на восточном берегу Амшигачевой. Устье названной реки я имею в виду то, которое находится восточнее села Усть-Большерецка.

Надо заметить, что этот берег, мне кажется, был не очень удобным для стойбищ. Поэтому, не лучше ли искать таковые под увалом, на западном берегу Амшигачевой?

Река Начилова. «В восьми верстах от объявленного острожка пала в Большую реку Начилова речка...» С. П. Крашенинников упоминает: «Строения в нём две юрты, девять балаганов да одна изба казачьего сына Алексея Мутавина. Ясашных пять человек, из которых один собольник да четверо лисичников. Тойон называется Гурулей». Расположение этого острожка надо искать на западном берегу Начиловой, в пределах до двух километров от устья, чуть ниже телеграфной линии, пересекавшей названную речку. Там я помню признаки бывшего жилья.

Речка Карымова в мою бытность называлась Карымаевским ключом. «Жилья по реке Быстрой... 4) Карымова, а в них по одному двору; 5) камчатский острожек, Карымаев называемый». В сноске на этой же странице упоминается о «Карымаеве остроге»: «Строения в нём шестнадцать балаганов, тойон называется Кармай». К сожалению, в этих местах бывать мне не приходилось. Знаю лишь, что на Карымаевском ключе ещё до 1920-х годов был рыборазводный пункт[7]. Впадал этот подземный источник в протоку реки Быстрой, называемой Карымаевской рекой. В мою бытность выход Карымаевской реки из года в год захламляло и заметало галькой. Впоследствии она обмелела и стала малопригодной как для промысла рыбы, так и добычи зверя. Однако в давние времена оба бассейна и их берега считались весьма богатыми и рыбой, и зверем, особенно кижучем и медведем.

С 1930-х до 1950-х годов, как я знал, на обширных полях к северу от Карымаевского ключа обосновался полеводческий участок Большерецкого совхоза.

Реки Карымчина и Каначева. Оба эти водных источника имеют весьма богатую историю. В прошлом они славились промыслом рыбы и зверя. Вновь обратимся к челобитной служилых царю от 26 сентября 1711 года: «...а прежних воров заводчиков лучших иноземцов Карымчу Товача с товарищи ласкою под твою руку привели». И дальше: «...а их в аманаты изсажали», а «и нынешнего ж 711 году, мая в 21 день, вор и заводчик, лучший иноземец Большой реки Канач, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами».

На Карымчиной я не бывал. В 1970 году, будучи проездом из Большерецка в городе Петропавловске, осведомлялся о местах раскопок, опрашивая старожилов. Тогда двоюродный брат, Иннокентий Николаевич Логинов, рассказал, что ему доводилось охотиться в районе реки Карымчиной. По её берегам он во множестве видел заросшие ямы. К великому огорчению, он скончался 7 ноября 1980 года, унеся с собой эту тайну. Я же думаю, что найти их в данное время не представляет трудности.

О населении Каначевой, также как и Карымчиной, в трудах Крашенинникова никаких данных я не обнаружил. Вероятнее всего, эти большие роды в его бытность прекратили своё существование. Однако мне посчастливилось ловить чавычу и промышлять уток в устье Каначевой и недалеко от неё. Около южного берега в нескольких сотнях метров, кажется, я тоже видел ямы. Они находятся от устья примерно в двух-трёх километрах.

Ключ Океанский. Заманчивым для раскопок может стать «острожек Коажчхожу». В его предполагаемом местонахождении я был наездом, когда случайно посетил по суше рыборазводный завод. Крашенинников пишет: «От речки Аушиммеля в пяти верстах на северном берегу Большой реки есть камчатский острожек, Коажчхожу называемой, под которым пал в помянутую реку небольшой ручей одного имени с острожком».

На этой же странице в сноске упоминается: «Там же имеются следующие данные об острожке Каожчхожу: строения в помянутом острожке одна юрта, десять балаганов. Ясашных

семнадцать человек, из которых пять человек собольников да двенадцать лисичников. Тойон называется Сикушкоачь».

Названия упомянутых «реки» и «ручья» в мою бытность, несомненно, изменились. Но я с уверенностью могу сказать, что известный мне рыборазводный завод, называемый Океанским, стоял, возможно, на месте острожка или вблизи его на ключе Океанском, или около его устья.

Ясно, что вышеназванный водоём начинается из-под земли. И там, где стоял рыборазводный завод, ключ имел длинный плёс шириною примерно сто метров. Этот завод находился в половине пути между Большерецким совхозом и Амшигачиевским мостом на южной стороне от теперешнего шоссе. Берег там высокий, чистый. Острожек, вероятно, соседствовал с тундрой, на севере и северо-востоке — с берёзовым лесом, рядом росла древесина мягких пород.

Охарактеризую общие условия для проведения поисковых работ. Прежние поселения камчадалов располагались, как правило, около берега рыбной речки, протоки или ключа, связанных с реками Быстрой, Плотниковой или Большой. Это было удобно для сплава с их кос сухих коряг для отопления. Заготовка таких дров почти не требовала применения каменного топора. Прибрежный лес, из которого аборигены возводили балаганы, юрты и барабары, без особого труда доставлялся по этим водным артериям. Там же имелся и большой выбор камня, обнажённого на косах в малую воду, весьма пригодного для поделок как по величине, так по прочности и форме.

Мои предки поселялись, очевидно, невдалеке от устьев речек с тем расчётом, чтобы не вести далеко по воде подвязи с лесом против возможного течения. Устье ключа, протоки или речки обычно словно бы «подпирались» сильным течением основной реки, а в конечном пути оно становилось весьма слабым, чем и должны были пользоваться прежние поселяне.

Берега должны быть высокими и потому не затопляемыми в весенний паводок. Место — чистым, достаточно продуваемым во время гнуса, с хорошим обзором, позволявшим заранее заметить приближавшегося врага. Непременное

условие — соседство тундры для выпаса табунчиков оленей с обилием ягод, черемши и других съедобных растений.

В недалеком расстоянии от стойбища находилась, вероятно, роща берёзового леса, из которого жители делали долговечные сосуды, ручки для топоров и ножей, древки стрел, а также, это уж обязательно, выездные нарты и грузовые дровни. Стойбище, несомненно, обрамляли густые заросли леса мягкой породы, как-то тальника, ветлы и ольховника. Кора ветлового леса сдиралась на покрытие крыш, а кора ольховника являлась источником дубильно-красящих веществ, шедших на обработку кожи для одежды и обуви.

Население острога нужно определять не числом юрт, а количеством балаганов. Может быть, что «юрт одна, балаганов десять», а «ясашных семнадцать человек». Ведь каждый балаган служил, как минимум, одной семье в роду, а может быть, и нескольким, например, братьям.

Упомянутыми мною местами пренебрегать нельзя. Они, можно смело сказать, были привлекательны для размещения стойбищ не только во время прихода первых служилых, но, наверняка, оставались ими с незапамятных веков.

Все эти места можно обнаружить весной и летом. В случае успеха остолбить и запретить возводить там строения. Площадь под селом Большерецком, до поры до времени, как заповедную, сохранить нетронутой. Запретить пахоту. Пусть там занимаются только заготовкой сена.

Мне много раз пришлось ссылаться на труд С. П. Крашенинникова. Упоминание о нём может показаться не вполне уместным. Но я думаю, тут как раз и настало время вспомнить о его заслугах. На собранных им материалах можно написать несколько романов, повестей, стихотворений и статей, вполне подходящих к современности. А сколько в его письменном наследстве имеется тем для создания художественных исторических полотен! Ведь знание истории нашей страны, прошлого родины порождает патриотизм!

Настала пора задуматься о создании памятника Степану Петровичу Крашенинникову, хотя бы на пожертвования частных лиц. Первый взнос будет мой!

ПОСЛЕ БУРИ

Революция и гражданская война в России отозвались в Большерецке слабым эхом, тогда как приход советской власти напоминал поток ветра, бурно вклинившегося в застойную жизнь села. Мне было двенадцать лет, когда в ноябре 1922 — апреле 1923 годов на Камчатке упрочилась советская власть.

Спокойная и размеренная, словно течение речки по ровной тундре, жизнь села с приездом энергичной учительницы, молодой и весьма приятной женщины Букаемской вдруг, словно от бурно растаявшего снега, поднялась, забурлила и стала подмывать устоявшиеся берега.

Учительница приехала в начале учебного года после сильного восточного ветра. Этот ветер снёс с некоторых балаганов крыши, опрокинул баты, разметал неукреплённые стога и вырвал листы жести с конька церкви возле большого позолоченного креста.

— Ой, как плохо! Не к добру, не к добру всё это, — крестясь, говорили старушки.

Новая власть привезла учительницу Букаемскую, она же завела в школе иные, показавшиеся жителям довольно странными порядки. Детей перестали телесно наказывать. Да это теперь и не к чему было, так как дети и без того были послушны и преданы ей.

На коньке школы вывесили кумачовый флаг, который, призывно трепеща на ветру, словно приглашал в классный зал, в котором после занятии школьники дружно распевали совсем незнакомые и дерзкие песни, как-то: «Карла Маркса поп читает, ничего не понимает», «Ай, куда ты паренёк, да и куда ж ты...», «Журавушка-журавель, журавушка молодой...», «Слушай товарищ, война началася...», «Смело, товарищи, в ногу...», и многие другие, призывные, бодрившие душу, удивлявшие своей новизной.

Школьники украсили помещение лозунгами, плакатами, красными флажками и ветками зелёного кедровника, отчего класс стал необычным, торжественным. Из клочков шку-

рок пушного зверя смастерили большую и разномастную аппликацию и из них же выложили огромный, во всю стену, лозунг: «Вся власть Советам!»

По вечерам в школу стала наведываться молодёжь, сначала нерешительно, потом дружной ватагой, читая свежие газеты и распевая новые песни, а когда кто-то догадался принести «тальянку», все эти занятия стали заканчиваться непременными танцами, как в старину.

Вскоре появилась сцена, на которой стали репетировать и ставить революционные пьесы, в конце которых «буржуй» с большим брюхом, смастерённым из подушки, обязательно попадал впросак или был побеждён.

Новую жизнь молодёжь приняла восторженно, а пожилые — с недоумением и сдержанность. Однако особых выпадов со стороны старших против советской власти не было, так как мы, комсомольцы, много разъясняли и горячо отстаивали перемены.

Все эти новшества, проводимые школой, мирно сосуществовали со службами, по-прежнему отправлявшимися в стоявшей рядом церкви. До самого закрытия Большерецка в нём были два очага общественной жизни: в одном собиралась молодёжь, а во втором — пожилые и старики.

Работу учительницы Букаемской, второй после неё, фамилию которой я позабыл, и учителя Головина по праву можно причислить к подвигу первых большерецких землепроходцев.

КОНЕЦ БЫВШЕГО ОСТРОГА

Когда Еновскому стало ясно, что рыболовный участок с консервным заводом ему больше не принадлежит, он попросту больше не приехал на кошку.

Одинокий завод, где совсем недавно летом жизнь била ключом, теперь со всеми цехами и службами безмолвно стоял, упершись в небо некогда дымившимися трубами. Он густо оброс травой, часть коммуникаций занесло морским песком и другим богатством Нептуна. Бездействовал завод до начала

«новой экономической политики», дожидаясь, когда другие хозяева вдохнут в него жизнь[8].

После того, как стало ясно, что без помощи Еновского церковь не построить, а на казну и вовсе нечего надеяться, жители стали поговаривать о том, не пришла ли пора оставить Большерецк, всё ещё стоявший на перекрёстке трёх важных и оживлённых путей. Это требовало от селян траты немалых сил на поддержание мостов, многочисленных переправ и отбывания каюрства по доставке из села в село зачастивших чиновников и почтовых отправлений. Приспособленные после пожаров под церковь и школу жилые здания тоже требовали больших восстановительных работ. Роль центра почтово-телеграфной связи давно уже перехватил Усть-Большерецк, волостная власть тоже перешла к нему, а тут ещё вспомнили крутые и многочисленные шиверы, так изматывавшие в конце пути и без того уставших батовщиков при доставке грузов с кошки.

Многие пришли к выводу, что настало время переселяться из Большерецка, сплыв со всеми строениями и скарбом ниже на семь вёрст по Большой реке в так называемую «речку Кавалерскую», возле которой водоёмы богаче рыбой, охотничьи места ближе, а лес и трава для сенокоса — совсем рядом.

На этот раз Большерецк получил третий, последний и смертельный удар после первого — перемещения приказной избы из Большерецка в Петропавловск и второго — переноса центра волостного правления в Усть-Большерецк. Годами стоявшие постройки и сооружения стали разбирать и постепенно на паромах сплавлять в Кавалерскую. Большерецк начал медленно и мучительно умирать.

Предки жителей этого села, некогда много и часто боровшиеся за существование Большерецка, выработавшие в течение многих веков определённый уклад жизни и своеобразную культуру, теперь забытые, оставались в нём в виде призраков, а их легкомысленные потомки покидали свою колыбель в последний раз навсегда и без сожаления. Измена свершилась...

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ И РАССТАВАНИЕ

Прошло более четырёх десятков лет с тех пор, когда в один из солнечных августовских дней 1927 года, покидая наполовину уменьшившийся Большерецк, я уходил из него под звон старинного колокола, звавшего к обедне. Тогда я не думал, что предстоит долгая разлука с очагом моих родителей. Я шёл с поднятой головой, устремлённый в будущее.

Маленькая котомочка за плечами, состоявшая из буханки хлеба, нескольких юколок, пары верхней одежды и нижнего белья с запасными торбасишками, ладно прилаженная за костлявыми плечами, бодрила меня.

В городе Петропавловске-Камчатском меня ждала командировка на учёбу с выездом на материк: «чего же боле»? Поэтому я расставался с землёй моих предков, совсем не думая о том, какая тоска будет меня грызть впоследствии.

По мере возмужания печаль по родной сторонушке становилась всё более настойчивой и, в конце концов, попросту стала не проходящей. В 1970 году, отвергнув приятное отпускное времяпрепровождение в доме отдыха, я купил билет на самолёт, следовавший в Петропавловск, и умчался в аэропорт.

Четыре пропеллера воздушного лайнера, в салоне которого я сидел, вступая в единоборство с воздушной стихией, один за другим набирали нужный режим работы. Мне казалось, что они так же торопились, желая поскорее вырваться из цепких лап тормозов, чтобы устремиться туда, куда я спешил, так тоскуя.

Наконец самолёт, оторвавшись от земли и работая всеми винтами на полную мощность, взлетел встреч солнцу, чтобы, как мне показалось, поскорее свести меня с лучами светила, только что прощупавшими землю моего детства и юношества.

Желая поскорее добраться до места, я отправился из петропавловского аэропорта в местный, откуда следовало продолжать путь дальше, с тем, чтобы, не теряя времени, поскорее достичь желанной родины.

Но, увы! Моим пылким мечтам не суждено было сбыться. Прождав из-за туманной погоды пять суток, я не смог улететь

в Усть-Большерецк, от которого рукой подать до Большерецкого совхоза, а оттуда до бывшего Большерецка — всего три километра. Пришлось ехать на морском лайнере, раз в неделю курсировавшем теперь вокруг западного побережья Охотского моря.

Прежде из Гавани ехали на собаках шесть дней, я же оказался на бывшем заводе Еновского за одну ночь. Завод я признал сразу же, он действовал с новой силой, раздавшись вдаль и ширь, теперь называясь Октябрьским рыбокомбинатом.

Рейсовый катер доставил меня вместе со студентами Харьковского строительного института, ехавшими на практические работы в Большерецкий совхоз, сначала до Усть-Большерецка, а потом до места их назначения.

На следующий день, купив бутылку коньяка и консервы из лососёвой рыбы, я нанял моториста с лодкой, и мы отправились к месту бывшего Большерецка.

При виде известных чаек, крачек, гагар, уток, шеломайника и воды горной реки Быстрой, сердце моё замерло. Я вспомнил, что в последний год перед моим уходом в Большерецке жили тридцать семь мужчин, хозяев изб, столько же взрослых женщин да сто шесть детей и юношей, из которых мужского пола было пятьдесят семь душ.

Из общего числа моих сверстников, получивших образование, впоследствии работали и служили в Советской Армии: экономистами, метеорологами и фельдшерами — по одному, учителями — пятнадцать, инженерами — четыре, врачами — три, административными работниками — девятнадцать, командирами взводов — два, бухгалтерами — четырнадцать человек.

На душе у меня отлегло от сознания того, что хоть Большерецк и умер, но его молодая поросль-то осталась! Она продолжает творить добрые дела вместе с другими членами общества, тогда как в прошлые времена в лучшем случае из некоторых вышли бы фартовые охотники, искусные шитницы, и только.

Кроме того, стоявший рядом Большерецкий совхоз и работавшие в нём люди — разве не продолжение усилий, сде-

ланных в прошлом моими земляками по освоению этой земли, обусловивших тем самим создание этого хозяйства? Воистину, Большерецкий совхоз есть лучший памятник ушедшему из истории Большерецку.

Мы приближались к месту назначения. Когда я увидел заросшее поле, на котором прежде стояло село, я изумился. О, Боже мой, как всё изменилось, как заросла густой травой местность!

Вынув коньяк и закуску, я предложил сопровождавшему меня лодочнику остаться здесь и позабавиться спиртным и едой. Перебрёл речушку Мостовую, обошёл место нашего балагана и отправился туда, где некогда стояли отцовская и дедушкина избы. В основании их бывших фундаментов выросла сочная, густая и широкопёрая трава. Рядом пробивались кустики княженики и, как бы приветствуя, ласково глядели на меня широко раскрытыми лепестками, словно спрашивая: «Надолго ли ты приехал и не останешься ли тут навсегда?»

Я перевёл взгляд от них на часы, сломал ветку бузины, прежде росшей на нашем огороде, спрятал в карман, чтобы увезти её своим детям и внукам. Ещё раз окинул взором прежде знакомую мне местность. Под горлом в груди защемило, я встал на колени, немного постоял, склонившись, а потом, набрав в платок священной земли, пошёл прочь, не оглядываясь...

Оставшийся коньяк разлили пополам, закусили. По течению, не пуская мотор, молча поплыли вниз по реке Манаковой, чтобы засветло войти в реку Быструю.

Прощай, земля моих предков, прощай, Большерецк — пора моего детства и безмятежной юности, я расстаюсь с вами навсегда!

Хабаровск, 27 января 1982 года.

Приглашение на «Большерецкую вечёрку» по случаю 300-летия камчатских родов Логиновых, Селивановых, Коллеговых, 21 января 2012 года

Фрагмент родословного древа большерецких родов, составленный специалистом госархива Камчатского края Е. П. Абрамовой

Потомки уроженцев Большерецка Логиновых, Селивановых, Коллеговых, 21 января 2012 года

Авторское дополнение к тексту рукописи в письме руководству Камчатского областного краеведческого музея, датированном 30 января 1982 года:

«Ещё в старое время были рыборазводные заводы на Карымаевском, Океанском ключах и, кажется, в районе Чекавы. Примерно в 1920—1921 годах в Большерецке работала шведская экспедиция. Она считалась якобы ботанической. Отец сопровождал её на лошадях, как будто бы в район Опальской горы, куда-то в “Хадутку”... рассказывал, что там видел необыкновенные по красоте места и прекрасные цветы, никогда им не виданные. Члены экспедиции их гербарировали...[9]

Уж очень хороши упомянутые мною в рукописи фольклорные танцы “Чижик” и “Восьмерка”. Они весёлые, массовые, частично схожие с еврейской полькой. Подбросьте идею студентам педагогического института. Будучи на каникулах по сёлам, пусть они разыщут старожилов, расспросят их об этой музыке и манере танца...

Надо бы установить предполагаемое место стоянки строений острога. На машине это можно проделать за одни сутки. Если бы была организована экспедиция, хотя бы на добровольных началах, я составил бы план её путешествия по дням. А если подключить кинематографиста, то он заснял бы кое-что. Правда, там не будет броских кадров. Попадутся лишь Малкинские хребты, Опальская гора, место села Большерецка, местность естественной гавани Чекавы времён Крашенинникова. Привлекательным должно показаться буйство растительности, заломистые берега рек Быстрой, Плотниковой, Большой и мощь вековых берёз.

Из пернатых можно было бы отснять повадки перелётных птиц — уток, гагар, чешуйчатого крохаля, куликов. Попал бы в кадр и орёл с гнездом. Интересный и познавательный текст к кадрам я бы написал изречениями Крашенинникова, включая населённые пункты, как-то Петропавловск, Елизово, Начики, Апача и т. д. Всё это делать надо, разумеется, без отрыва трёхвековой давности от современности. Эти мои мысли вы, вероятно, отнесёте к области фантазии. Да, скорее так, наверное, оно и будет».

1. Словарь большерецких говоров, наиболее часто использовавшихся в первой четверти двадцатого века

Акиках — горячо.

Алыки — лямки сбруи для упряжки собак.

Ананах — больно.

Апапель — добрый лесной дух.

Арлучи — плоды шиповника.

Атыри — решётчатая конструкция второй части запора — ловушки для рыбы.

Атол — часть запора, состоящая из отдельных, связанных в звено жёрдочек, преграждавшая ход рыбе.

Балаган — сооружение на столбах, использовавшееся для сушки и хранения вяленой рыбы.

Барабара — конура для ощенившейся сучки.

Бастрык — жердь, при помощи которой увязывали ремнями воз сена.

Баран — часть кутарной нарты в форме дуги. Бараны разделялись на передний, стоячий и лежачий.

Бат — лодка, выдолбленная из целого древесного ствола.

Батовщик — человек, работавший на бату.

Блажить — неправильно рассказывать, путать события и действия при изложении.

Благовестить — звонить в колокол.

Бриткий — острый как бритва.

Бродни — длинные торбаса для работы в воде.

Букарка — букашка.

Букишка — домовой.

Бунчит — бурчит, выказывает недовольство.

Бусит — стоит густой туман, из которого выпадают мельчайшие капельки воды.

Варнак — ругательство.

Васатинец — холостой голец в осеннюю пору.

Вахлак — небрежно одетый человек.

Вахня — нежирная, невкусная рыба.

В добыче — вернуться с удачной охоты с мясом.

Выкунял — выходился.

Выпороток — шкурка утробного олешки.

Вкрачи — скрытно.

Вышка — чердак.

Войда — клочок мохнатой шкурки оленя, использовавшийся для нанесения тонкого слоя льда на скользящую поверхность полозьев при некати — плохом скольжении.

В омачку — есть юколу или юхалу, макая её в топлёный жир.

Вчетвёртых — вторая пара собак, запряжённых в сбрую, от коренных.

Вшестерых — третья пара собак, запряжённых в сбрую, от коренных.

Вязка — единица меры юколы в пятьдесят штук.

Вязки — способ соединения частей транспортных средств, в том числе саней. Вязки для нарты существенно отличаются от вязки дровни.

Гавань — город Петропавловск с частью бухточки, в которой швартовались суда, где на берегу имелись пакгаузы и лавки для торговли (Ковш, ныне акватория морского рыбного порта. — *Ред.*).

Галанка — просторная рубаха с косым воротником, сшитая из грубой материи.

Галанить — важно прохаживаться по избе.

Гарна (гарнишки) — походная одежонка, снаряжение.

Гойтан — тесьма, на которой висел крестик.

Голк — выстрел.

Гольный — чистый, например, чистый спирт.

Давеча — спустя некоторое время.

Дековаться (диганиться) — издеваться.

Десятник — посыльный или второстепенное лицо при сельском старосте.

Дикоплеший — дурной, дурковатый.

Дилушкаться — приятное препровождение времени за разговорами.

Дымлёшки — выходные торбаса из кожи, выделанной особым способом, чёрные и мягкие, как из сукна.

Доспел — успел.

Дрель — пугало для рыбы, оставшейся в запоре (колпаке и атырях).

Дровня — рабочие сани для езды на собаках.

Дресва — песок мелкой фракции.

Евала — грузный, нерасторопный (от названия издыхавшей после икрометания рыбы).

Ехидный — язвительный, злобный, действующий исподтишка.

Жаринка — жареная рыба.

Жертва — приношение церкви.

Жилетка — стёганая телогрейка без рукавов. Кроме них различали костюмные жилетки.

Жирбак — жирный человек, зверь.

Жирник — плошка из камня или жести с жиром и фитилём для освещения.

Заботиться — управляться с обычными работами в вечернюю пору около скота, приносить домой дрова и воду.

Загнетка — кучка горящего угля в печке на шестке.

Закильки (закильки не знает) — не имеет меры баловства.

Запор — деревянное сооружение, состоявшее из кольев, колпака, атырьев, морды, атола, кренчела и слеги. Ловушка для рыбы.

Заслонка — часть железного листа, закрывавшая чело печи с целью удержания в ней нужного жара.

Затуран — толокно.

Зариться — очень сильно желать, завидовать.

Згалиться — издеваться.

Здор — олений жир.

Из концы концов в конец — после всего.

Измошился — истрепался, растрепался.

Изнахратил — привёл в совершенно негодное состояние.

Инода — оказывается.

Из точи в точу — аккуратное шитьё, нитка прошла из точки в точку.

Изьяно — убыточно.

Каибить — хорошо, что.

Калауз — вещевой мешок, обычно сшитый из кожи нерпы.

Каменка — очаг в бане, выложенный из камня.

Камкир — сердитый.

Камлейка — белый маскировочный халат, пригодный также для защиты от пурги.

Камаса (камусы) — меховая обувь, а также и шкурка от лапок оленя и медведя.

Каналья — не матерное ругательство.

Канишкаться — поспрашивать.

Капшит — сосёт в животе, потягивает на еду.

Кахка — команда упряжке собак при повороте направо.

Кашлак — человек, носивший приспущенную на передах обувь. В результате торбаса кривились. Их владелец считался неаккуратным.

Каюр — человек, управлявший упряжкой собак, а также и отбывавший очередь по выполнению общественной надобности.

Квашонка — ёмкость для закваски теста, обычно маленькая кадочка.

Кисла — рыба, квашенная для корма собакам зимой, которую хранили в ямах, накрытых сверху толстым слоем земли.

Кислица — дикий щавель.

Кипрей — лекарственная трава, также годная к использованию вместо чая. Из сердцевины её ствола готовили сладковатую массу, называемую «толкушей».

Кирилка — блюдо, приготовленное из смеси жареной рыбы, ягоды и жиров.

Кирмовать — покрикивать, принимать начальственный вид.

Кляп — непременная часть собачьей сбруи, использовавшаяся для соединения её частей, например, ошейника с побежником.

Кобениться — гримасничать.

Кокора — коряга. Лишний раз подтверждает, что в Большерецке в прошлом, действительно, строились морские суда, иначе откуда бы взялось название «кокора», без которой даже лодку не построишь?

Колпак — головная часть запора, ловушки для рыбы.

Колтон — табакерка для табака, закладываемого за губу.

Кондер — козырёк на фуражке.

Корбасина — жердь.

Кошка — часть суши, тянувшаяся между морем и рекой.

Кренчел — непременная часть запора, решетчатая конструкция, устанавливавшаяся над горлом морды, запиравшая рыбе выход из атырь.

Кривляк — широко распространённое название поворота реки.

Кропкий — крошившийся.

Крипотки — чулки на вате.

Кужулки — ранняя прорезь из земли шеломайниковых пучек.

Куклянка — меховая шуба с капюшоном без застёжек, надевавшаяся с головы.

Кукситься — натирать руками сонные глаза.

Кукуль — спальный мешок.

Кулёмка — ловушка для горностая, вырубленная в стволе стоявшего дерева с защепкой.

Куличи — пряная и сдобная стряпня к Пасхе.

Култук — замкнутый плёс подземного ключа.

Кутха — домовая. Прежде Кутха почиталась за прародителя ительменов.

Куражится — капризничать, воображать.

Курчажина — полуовальный плёс, образовавшийся от вытекавшего из-под земли ключа. Он завершается узкой горловиной, по которой вода обычно течёт медленно.

Курья — заполненный водоём отступившей реки.

Лавка — 1) торговая точка, 2) приспособление в избе из досок, приделанное к стене и использовавшееся для лежания на нём.

Ламуты — не крещёные, отсталые люди, временами как будто бы бродившие по лесу возле села. Ими пугали детей.

Лайда — обнажённая во время отлива часть суши около устья Большой реки.

Лесачиха — нечистый дух в виде женщины, бродившей по лесу.

Лемешина — табак, молотый с золой. Закладывался за губу.

Лён — часть шеи от затылка до лопаток. Называлась так, видимо, из-за спинной жилы, из которой делали пряди для сучения ниток, схожие со льном.

Логотина — яма от лужи. Могла быть с водой и без неё.

Ложе — приспособление, схожее с ружейным ложем, но удлинённое. Дети просовывали в отверстие удлинённой части ложа лук и пускали из него стрелы.

Лоншак — медведь или бычок-второгодок.

Лопоть — рабочая, «нособная» одежонка.

Лощалка — состарившаяся рыба с отросшими зубами, облезшим горбом, потерявшая мягкие ткани на плавниках.

Лукавый — хитрый, действующий исподтишка. Использовалось в равной степени по отношению к собакам и людям.

Лямка — удлинённый алык, лямочка с подбрюшником для упряжки собаки.

Малахай — меховой капюшон.

Мамонь — брюхо. При употреблении этого слова имелся ввиду жирный живот.

Марик — приспособление для лова рыбы в виде подковы, насаженной на конец шеста. Напоминало поворотный крюк.

Мерзавец — не матерное ругательство.

Мизгирь — паучок, водившийся в избе.

Микучи — кратковременный град, чередовавшийся с дождём.

Могутной — сильный, ловкий, расторопный.

Мойнок — часть мякоти на шее, обычно запечённая, подавалась к праздничному столу.

Морда — решетчатая конструкция на обручах, важная часть запора, в которой собиралась вся пойманная рыба.

Мерной — худой, усталый, голодный, то есть заморенный.

Мостолыги — кости оленьих конечностей с костным мозгом.

Моторный — мастер работать батовщиком на корме.

Моршин — не матерное ругательство. Происходило, видимо, от слова «морж», употреблялось в пренебрежительном смысле.

Мошиться — трепаться. Бывшее целым растрепалось, «измошилось». Очевидно, произошло от слова «мох».

Мутырь — тяжесть на конце верёвки или палки.

Мутовка — лопаточка для замеса теста.

Муторный — надоедливый, например, муторная работа.

Мялка — небольшое сооружение двух видов: вертикальное («стоячая») и горизонтальное («лежачая»), использовавшееся для размягчения кож в ходе их обработки.

На ветке передаёт — намекает.

Нагонял — отчитал.

На дранки ездил — был порот, наказан ремнём.

На еду — поймать немного рыбы или оставить продукт для повседневного потребления.

Нажадался — наголодался.

Намедни — не так давно.

Напахался — наработался.

На повоздусьи — на воздухе.

Нардело — затвердело, загрубело. Говорили, например, «вымя у коровы нардело» — то есть она вот-вот будет телиться.

Нарта — выездные сани, запряжённые собаками.

На сендухе — на окраине, на отшибе, на бою ветра.

Наст — весенний подстывший снег, способный держать собак и повозку.

Натопырь — летучая мышь.

Натакался (затакался) — натолкнулся на неприятность. Например, неожиданно встретился с медведем, угодил в непроходимую речку или чащобу.

Наянивать — лезть на неприятность, причём настойчиво.

Недоход — малый ход рыбы.

Некать — сухое или влажное состояние снега, при котором повозка плохо скользит.

Норки — ноздри. Говорили: «норки дерёт», иначе «норки задирает».

Нужды нет — не нужно. Использовалось и в смысле: «мало ли, что тебе надо?»

Нутрит — претит.

Огнище — место бывшего костра.

Огнуя (охлюя) — неопрятная, неаккуратная особа женского пола.

Озираться — оглядываться.

Озойно — габаритно, громоздко.

Окаянный — не матерное ругательство.

Оклемался — оправился от недуга.

Окрысился — возмутился, «встал в позу».

Окстись — опомнись.

Онучки — портянки.

Опана (апана) — рыбная похлёбка для маленьких щенков.

Опрелка — собака с облезшей кожей.

Оборки — завязки на торбасах.

Опупок — небольшая возвышенность с плавным склоном.

Осередишок — небольшая часть суши, выступающая из воды.

Откулопать — отковырять.

Отнюдь — ни в коей мере.

Отопки — сносившиеся подошвы торбасов.

Оштол — чуть пригнутая палка с наконечником на одном конце и с плетью и побрякушками на другом. Служила для управления повозкой.

Оцгнуть — ударить, ожечь ремнём, верёвкой или прутьями.

Ошурки — выжарки.

Подштанники — кальсоны.

Парка — одинарная меховая одежда, наподобие куклянки.

Пахарукий — неумелый, неуклюже действующий руками.

Пахта — отходы при топлении коровьего масла.

Пашина — кожа медведя от колена до паха.

Пелеговать — трогать.

Первис — сетка, натянутая через реку для лова пролетавших уток.

Перемогаться — колебаться.

Перенога — преследование зверя по свежему снегу.

Пехаться — толкаться, работать шестом, стоя в бату.

Перешеменьгивать — переставлять с места на место.

Пилхач — голодный дух, голодный медведь, безостановочно шлявшиеся за пределами жилья в поисках пищи.

Плевки — яички, откладывавшиеся мухами на пище.

Побежник — цепочка, соединявшая кляп ошейника собаки со средником.

Побрякушки — кованые изделия, прикреплённые на упряжке в местах соединения звеньев средников и на оштоле. Имели то же назначение, что и колокольчики на запряжённых лошадях.

Подлец — не матерное ругательство.

Подхилый — лукавый, действовавший исподтишка.

Поклажа — добыча, оставленная в лесу.

Потег — ремень, соединявший алык со средником при помощи кляпа.

Потрафил — угодил.

Потюшило — угораздило.

Приженики — пирожки.

Присольна — чуть подсолённый продукт кратковременного хранения.

Причинное место — половой орган.

Прореха — ширинка.

Прошва — прослойка из тонкой кожи, вставленная между подошвой и передом.

Прохвост — не матерное ругательство.

Пузан — жареная целиком рыба с икрой.

Пулали — человек с широкими скулами.

Пурга — метель.

Развод — набухший водой, подтаявший снег.

Раздобуривать — болтать, ничего не делая.

Рачить — наговаривать зло, желать плохого.

Расшеперился — свободно разместился, распластался, занял много места.

Рекостав — подъём воды от заторов шуги перед замерзанием рек.

Ровдуга — замша, кожа оленя особой выделки.

Рубель — зубчатая каталка для глажения белья.

Рунный ход — самый густой ход горбуши.

Саламат — картофельное пюре, поджаренное на сковородке.

Сгадиться — дразнить, посмеиваться.

Секач — самый большой медведь, самец.

Селянка — мясо, жареное кусочками.

Сечка — металлическое приспособление для измельчения (рубки) мяса.

Скважина — не матерное ругательство.

Снёнка — погибшая и разлагающаяся рыба.

Скикала — пропала, исчезла.

Сковородник — палка, служившая для вынимания посуды из печи.

Снагитоваться — приготовить вещи, уложить их перед отправкой в путь.

Средник — отдельные звенья главного ремня собачьей упряжки.

Стайка — коровник.

Становьё — стан, табор.

Ступа — металлический сосуд для измельчения сухих продуктов, пряностей (гвоздики, корицы, кардамона, перца).

Сцунять — призывать к порядку, унимать.

Сумёт — сугроб.

Суседка — домовая. Наверное, произошло от искажённого слова «соседка».

Таган — палка для подвешивания посуды, воткнутая одним концом в землю над костром.

Тарки — слойки.

Тархать — трепать.

Тельно — рыбная котлета с картофельным пюре внутри.

Темляк — ремень для соединения собачьей упряжки с повозкой.

Тесло — желобковый топор для долбления ствола дерева на бат.

Толкуша — кушанье из кипрея.

Торкаться — соприкасаться, слегка биться или ударяться.

Торная — наезженная дорога.

Торока — увязь за седлом.

Тотунокать — передвигать, шевелить.

Тулун — вещевой мешок из нерпичьей кожи с сеткой для ловли соболя.

Тужица — негодный топор для рубки мяса, костей.

Туяз (туес) — берестяная посуда.

Уброд — глубокий снег.

Укамкался — осердился.

Ундан — отходы от сбоя сметаны на масло.

Утолока — умятая растительность.

Ухайдакал — потерял.

Уцюцюх — мокро.

Учикался — невесёлый.

Фартовый — удачливый.

Фефера сыграл — шутку выкинул.

Фиряться — шумно переставлять, кидать, выказывая недовольство.

Хаёк (хайко) — кета.

Хадар — беспорядок.

Хазач — матня.

Хребты — каменные горы с острыми пиками.

Ханайка — икряная горбуша.

Харичать — красть, забирая всё подчистую. Лиц, занимавшихся грабежом, называли «харниками».

Хинькать — хныкать.

Хиушкать — приласкать, позабавиться.

Хиус — холодный северный ветер.

Хлёстко — быстро бежать.

Хлебница — деревянная лопата для посадки хлебов в печь.

Цаца (цацка) — отрок, паренёк. Ласкательное обращение.

Ценодрал — важный, большой, неуступчивый начальник.

Ценинная — фарфоровая (например, посуда).

Цинька — писька ребёнка, мальчика.

Цол — пошёл. Обычно так подгоняли скот.

Чага — нарост на берёзе, употреблявшийся в качестве заварки для чая.

Чашечник — полотенце для обтирания мытой чайной и столовой посуды.

Чело — горло печи.

Черестретей — шито, как попало, вместо двух шагов шва — один.

Черчихан — кушанье из печёной икры.

Чирел — рогожа, плетённая из соломы.

Чируч — садок для лова рыбы.

Чишкать — мочиться.

Чуман — берестяная посуда с сужающимся горлом.

Чугунка — чугунный котёл.

Чулан — кладовая в сенях (коридоре).

Чупа — кушанье приготовленное из поджаренной муки с жиром, она же «тихтер».

Чупарги — 1) пересохшие кожаные изделия, 2) пересушенная, пережаренная еда.

Чум — грубая ткань размером три на четыре метра, служившая для укрытия грузов в бату и на нарте.

Чупахи — меховые шаровары из кожи оленя.

Шабарчит — издаёт шорох.

Шабушится — возмущается.

Шагла — нижняя челюсть рыбы.

Шарга — поперечина на корме и носу бата, удерживавшая его от раскалывания.

Шаньги — творожники.

Шахма — признаки прежней дороги, занесённой снегом.

Шайба — хранилище для продуктов или корма в виде сруба.

Шельма — не матерное ругательство.

Шерба — уха.

Шеромыга — побирушка. Наверное, произошло от французских слов «шер мыг», оставшихся со времён изгнания войск Наполеона из России.

Шепеток — бабочка.

Шеститься — толкаться шестами.

Шесток — передняя, начальная часть печи.

Шимила — трёхгранная палочка для фиксации граней иголки при её заточке.

Шибко — сильно, очень. Употреблялось как «шибко быстро», «шибко медленно», «шибко тяжело» и т. д.

Шивера — перекат, россыпь камней в воде.

Ширикать — поточить слегка, наспех о камень, напилок или другой предмет.

Шолкунцы — мелкие всплески воды от быстрого течения или множества рыбы.

Юкола — сушеная рыба, преимущественно для корма собакам.

Юкши — ремни на лыжах.

Юрта — землянка. Обычно землянки обязательно строились на отрезке длинного и безлюдного пути.

Юхала — непросохшая юкола, обычно осенней заготовки, когда мало тепла.

Ябедник — доносчик.

Якшаться — иметь касательство.

Яр — обрывистый берег.

2. Перечень расстояний между отдельными точками Большерецка (в метрах). Составлен по памяти для построения плана села

1. Длина села Большерецк:

1.1. По прямой с востока на запад от устьев рек Роговой и Гольцовки до усадьбы Александра Максимовича Селиванова — 500.

1.2. От этой крайней усадьбы до восточного берега реки Паранчиновой — 800.

1.3. Ширина реки Паранчиновой — 50.

1.4. От западного берега реки Паранчиновой до восточного берега реки Мостовой — 600.

1.5. Ширина реки Мостовой — 30.

1.6. От западного берега реки Мостовой до усадьбы Петра Алексеевича Бречалова — 100.

Итого: 2 080, округлённо — 2 100.

1.7. От параллели начала усадьбы П. А. Бречалова до параллели начала ключика, вытекавшего из-под земли за стайкой Константина Петровича Логинова — 200.

Итого 2 300.

В том числе: а) протяжённость русла реки Манаковой от устья рек Гольцовки и Роговой до конца острова — 350, б) длина острова — 350, в) длина русла реки Манаковой от западной оконечности острова до устья реки Паранчиновой (берега) — 200, г) длина русла реки Манаковой от устья реки Паранчиновой (берега) до стайки К. П. Логинова — 1 200, д) от стайки К. П. Логинова до начала ключика — 200.

2. Ширина села Большерецк:

2.1. От северного берега реки Манаковой на устьях Гольцовки и Роговой до усадьбы Александра Максимовича Селиванова — 500.

2.2. По прямой с юга на север от усадьбы А. М. Селиванова до параллели самой крайней на западе усадьбы Корюкина — 750.

2.3. Ширина реки Манаковой на устьях рек Гольцовки и Роговой — 200.

Итого ширина села округлённо — 1 500, в том числе: а) островок, стоявший посреди реки Манаковой в его самой широкой части — 150, б) рукава русла реки Манаковой, омывающих островок с северной стороны — 150, с южной — 50, в) ширина реки Манаковой после слияния рукавов, омывавших вышеупомянутый остров — 300.

3. Список лиц, владевших усадьбами в Большерецке в 1920—1925 гг. (Составлен по памяти. Числа показывают места расположения изб каждой усадьбы)

С востока на запад на расстоянии 50—100 метров от реки Манаковой:

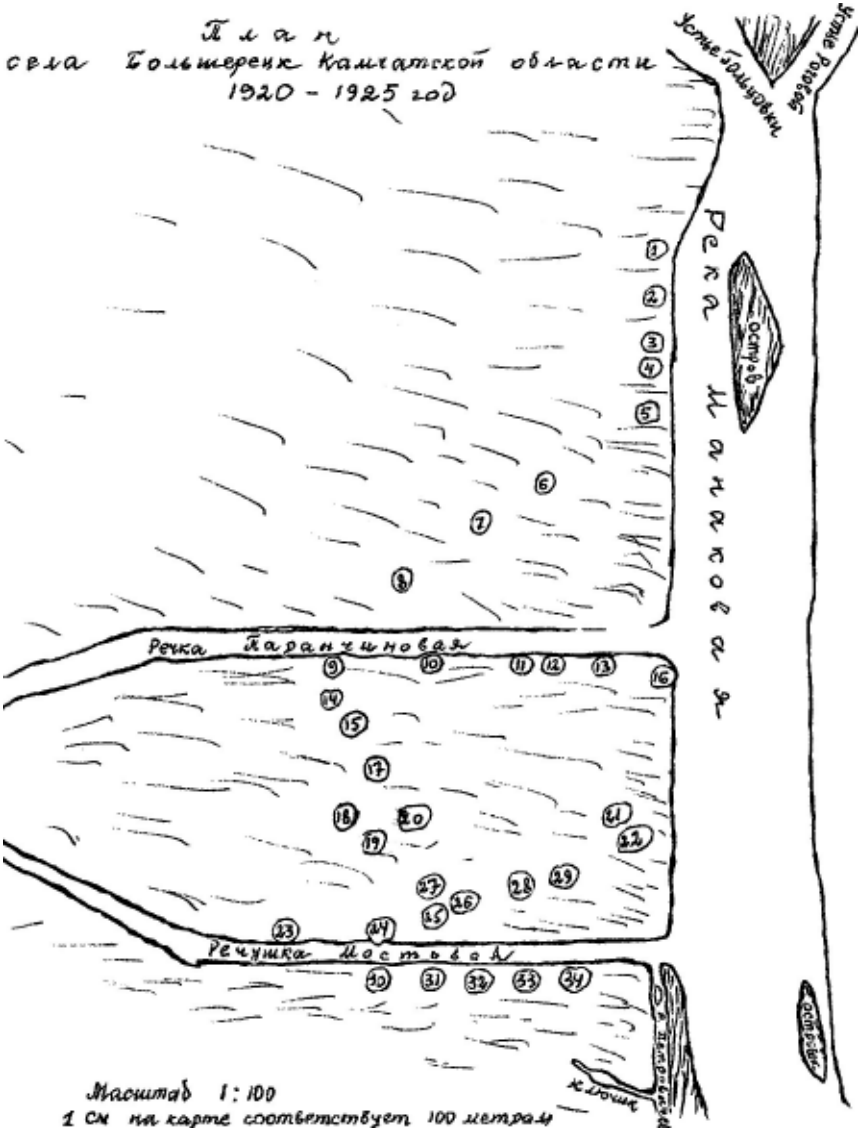
1. Александр Максимович Селиванов — 0.
2. Павел Максимович Селиванов — 100.
3. Василий Максимович Селиванов — 100.
4. Иван Максимович Селиванов — 50.
5. Николай Иванович Селиванов — 100.

На расстоянии 350—400 метров от реки Манаковой:

5. Здание больницы, а в последнее время школы — 250.
7. Григорий Коллегов (священник) — 150.
8. Селиванов Александр Александрович — 150.

Возле восточного берега речки Паранчиновой:

До восточного берега р. Паранчиновой — 150.



План села Большерецк, 1920—1925 гг.:
числа, взятые в кружок, обозначают порядковые номера, приведённые в приложении 4. По ним можно узнать фамилию любого владельца усадьбы. Например, № 1 — А. М. Селиванов, № 6 — больница, № 33 — П. К. Логинов

Отсчёт от самой крайней избы, стоявшей на западном берегу реки Паранчиновой, начиная с севера, по направлению на юг к реке Манаковой:

9. Георгий Михайлович Коллегов — 0.

10. Гавриил Иванович Кравченко — 200.

11. Пётр Иванович Евстафьев — 200.

12. ? Игнатий Варфоломеевич (слепой) — 20.

13. Пётр Иванович Кравченко — 100.

Второй ряд, отстоящий от избы Гавриила Ивановича Кравченко на запад на 100 метров и продолжавшийся на юг к северному берегу реки Манаковой:

14. Иван Николаевич Селиванов — 0.

15. Николай Ильич Селиванов — 20.

16. Иван Иванович Игнатьев — на самом берегу Манаковой.

Третий ряд от Гавриила Кравченко на запад от Ивана Николаевича Селиванова на 100 метров:

17. Павел и Пётр Алексеевичи Сторожевские — 0.

Четвёртый ряд от Гавриила Кравченко на запад от дома Сторожевских на 100 метров:

18. Бывший дом священника, переоборудованный в новую церковь после пожара прежней, сгоревшей в 1918 году — 0.

19. А. И. Дивеев, учитель. Дом позже переоборудован в школу — 50.

20. Прежняя церковь, сгоревшая в 1918 году — 30.

21. Власий Иванович Кравченко (берег реки Манаковой) — 30.

22. Алексей Иванович Кравченко (берег реки Манаковой) — 30.

Пятый ряд от Гавриила Кравченко, отстоящий от четвёртого на 200 метров:

23. Алексей Корюкин (первая изба на восточном берегу реки Мостовой) — 0.

24. Горошкин и Марфа Ивановна Бречалова (вторая изба на восточном берегу Мостовой) — 200.

25. Александр Александрович Ворошилов — 100.

26. Здание на каркасной основе из оцинкованного железа, в разное время занимаемое под мастерскую, кооператив, кузницу и впоследствии пустующее — 20.

27. Пётр Иванович Бречалов — 150.

28. Андрей Бречалов — 30.

29. Илларион Бречалов. В большей части этого дома жил пристав Л. Л. Шикер — 40.

По западному берегу речки Мостовой, начиная с севера и по направлению на юг к реке Манаковой:

30. Константин Павлович Уксусников — 0.
31. Иван Петрович Игнатьев — 100.
32. Пётр Алексеевич Бречалов — 100.
33. Павел Константинович Логинов — 100.
34. Константин Петрович Логинов — 100.

4. Перечень движимого и недвижимого имущества жителей Большерецка в 1920—1925 гг., кроме жилых домов (Составлен по памяти 23 января 1979 г.)

Шифр усадьбы по плану	Ф. И. О. владельца усадьбы, или главы семьи	Амбаров	Балаганов	Бань	Упряжек собак	Коров дойных	Лошадей
I	2	3	4	5	6	7	8
01	Селиванов И. М.	I	I	-	I	I	I
02	Селиванов П. М.	I	I	I	2	3	I
03	Селиванов В. М.	-	I	-	I	2	-
04	Селиванов И. М.	I	I	-	2	2	I
05	Селиванов Н. И.	I	I	-	I	2	-
06	Здание лечебницы, а впоследствии школы.						
07	Коллегов Г.	I	с в я щ е н и к				
08	Селиванов А. А.	-	-	-	I	-	-
09	Коллегов Г. М.	I	I	-	I	2	I
I0	Кравченко Г. И.	-	I	-	I	I	-
II	Евстафьев П. И.	-	-	-	I	-	-
I2	? Игнатий В.	-	-	-	-	-	с л е п о й
I3	Кравченко П. И.	2	I	I	I	2	I
I4	Селиванов И. Н.	1	0,5	0,5	I	2	I
I5	Селиванов Н. И.	2	0,5	0,5	I	2	I
I6	Игнатьев И. И.	-	I	-	I	I	-
I7	Сторожевский П. А.	I	0,5	0,5	I	2	I
I7	Сторожевский Пётр А.	I	0,5	0,5	I	I	-
I8	Дом священиков, впоследствии переоборудованный под церковь						

I	2	3	4	5	6	7	8
I9	Дивеев А. И.	Учитель. Небыло ничего кроме огорода.					
		Дом впоследствии переоборудован под школу.					
20	Прежняя церковь, сгоревшая в I9I8 году.						
2I	Кравченко В. И.	I	I	0,5	I	2	I
22	Кравченко А. И.	I	I	0,5	I	2	I
23	Корюкин А.	I	I	I	I	2	-
24	Горошкин. Бречалова М.	I	I	I	I	I	-
25	Ворошилов А. А.	2	I	I	I	2	I
26	Вразное время:	мастерская, кооперативный магазин, кузница.					
27	Бречалов П. И.	I	I	-	2	2	I
28	Бречалов Андрей	I	I	I	I	I	-
29	Бречалов Иларион	I	I	I	I	2	I
29	Шикер Людвиг Леонтьевич.	Проживал в половине дома Бречалова					
		Илариона, имущества не имел, ПРИСТАВ.					
30	Уксусников К. П.	I	I	I	I	I	-
3I	Игнатьев И. П.	I	I	-	I	I	-
32	Бречалов П. А.	I	I	I 0,5	2	2	I
33	Логинов П. К.	I	I	0,5	2	2	I
34	Логинов К. П.	2	I	0,5	2	5	I
	И Т О Г О	28	24	13	34	48	16

Примечания:

1. Против чьей фамилии наличие бани не проставлено, те являлись совместными владельцами других таких же сооружений родственников или соседей.

2. Графа «дойных коров», за исключением Логиновых, заполнена старшим братом, как он выразился «оринтировочно», и, надо полагать, с указанием весьма заниженного количества. На мой взгляд, у остальных жителей, упомянутых в перечне, кроме Логиновых, число этих животных можно смело увеличить вдвое.

3. Огороды были у каждого владельца усадьбы, кроме пристава Л. Л. Шикера и слепого Игнатия Варфоломеевича.

4. Батов в каждом хозяйстве имелось от одного до двух за исключением Г. Коллегова, священника, Л. Л. Шикера, пристава и А. А. Дивеева, учителя.

5. Кто владел рогатым скотом, тот имел стайку — коровник, лабаз — хранилище сена, состоявшее из столбов, слег на них и настила из жердей по ним же.

6. В графу 7-ю быки-производители и молодняк не включены.

5. Численность населения Большерецка в 1920—1925 гг. (номер дома, фамилия главы семьи, число взрослых и детей в семье, образование и род занятий детей)

1. А. М. Селиванов. Взрослых — 1.

1.1. И. А. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 1, образование до четырёх классов.

2. П. М. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 1, образование до четырёх классов.

2.1. Е. Черных. Взрослых — 2. Сыновей — 2, образование до четырёх классов.

2.2. И. Пшенников. Взрослых — 2. Дочерей — 1, образование до четырёх классов.

3. В. М. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 3, дочерей — 2, образование до четырёх классов — 4, от четырёх до девяти классов — 1. Из числа детей впоследствии один работал учителем.

4. И. М. Селиванов. Взрослых — 2.

4.1. Я. Ф. Никитин. Взрослых — 1.

5. Н. И. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 1, образование от четырёх до девяти классов.

7. Г. Коллегов. Взрослых — 2.

8. А. А. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 1, дочерей — 3, образование всех до четырёх классов.

9. Г. М. Коллегов. Взрослых — 2. Сыновей — 3, дочерей — 2, образование до четырёх классов — 1, от четырёх до девяти классов — 1, высшее — 3. Впоследствии двое детей работали инженерами, один — врачом.

10. Г. И. Кравченко. Взрослых — 2. Сыновей — 1, дочерей — 4, образование до четырёх классов.

11. П. И. Евстафьев. Взрослых — 2.

12. ? Игнат Варфоломеевич. Взрослых — 1.

13. П. И. Кравченко. Взрослых — 2. Сыновей — 3, дочерей — 2, образование до четырёх классов — 3, от четырёх до девяти классов — 2. Впоследствии один работал учителем и один — инженером.

14. И. Н. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 2, дочерей — 1, образование от четырёх до девяти классов — 1, от четырёх до

девяти классов — 2. Впоследствии двое были административными работниками, один — метеорологом.

15. Н. И. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 2, дочерей — 2, образование до четырёх классов — 2, от четырёх до девяти классов — 2. Впоследствии двое работали учителями.

15.1. Ин. Н. Селиванов. Взрослых — 2. Сыновей — 2, дочерей — 2, образование от четырёх до девяти классов — 2, высшее — 2. Впоследствии один из детей был учителем, один врачом, двое — административными работниками.

16. И. И. Игнатьев. Взрослых — 2. Сыновей — 1, дочерей — 2, не учились.

17. Павел Алексеевич Сторожевский. Взрослых — 2. Сыновей — 2, образование от четырёх до девяти классов. Впоследствии один погиб на Великой Отечественной войне, второй служил офицером Советской Армии.

17.1. Пётр Алексеевич Сторожевский. Взрослых — 2. Сыновей — 1, дочерей — 1, образование высшее. Впоследствии работали врачами.

17.2. Пётр ?. Сторожевский. Взрослых — 1.

19. А. И. Дивеев. Взрослых — 2. Сыновей — 2, дочерей — 2, образование до четырёх классов — 1, от четырёх до девяти классов — 3. Впоследствии двое работали учителями, один — на административных должностях, один служил в Советской Армии.

21. В. И. Кравченко. Взрослых — 2. Сыновей — 1, дочерей — 1, образование до четырёх классов — 1, высшее — 1. Впоследствии сын служил в Советской Армии.

22. Ал. Ив. Кравченко. Взрослых — 2. Сыновей — 2, дочерей — 2, образование до четырёх классов — 3, от четырёх до девяти классов — 1. Впоследствии один работал учителем.

23. А. ?. Корюкин. Взрослых — 3. Сыновей — 1, дочерей — 1, образование от четырёх до девяти классов. Впоследствии оба работали учителями.

24. Горошкин — Бречалова. Взрослых — 2. Дочерей — 2, образование до четырёх классов. Впоследствии одна работала на административных должностях.

25. А. А. Ворошилов. Взрослых — 2. Сыновей — 2, дочерей — 3, образование от четырёх до девяти классов. Впоследствии все трудились на административных должностях.

27. П. Ив. Бречалов. Взрослых — 2. Сыновей — 4, образование до четырёх классов — 2, от четырёх до девяти классов — 2. Один работал бухгалтером.

27.1. Н. П. Бречалов. Взрослых — 2. Дочерей — 4, образование до четырёх классов — 2, от четырёх до девяти классов — 2. Впоследствии один работал учителем, двое — бухгалтерами и один — фельдшером.

28. А. ?. Бречалов. Взрослых — 2. Сыновей — 3, образование до четырёх классов — 1, от четырёх до девяти классов — 2. Впоследствии один работал учителем, один — бухгалтером.

29. Илларион ?. Бречалов. Взрослых — 1.

29.1. Иван Илларионович Бречалов. Взрослых — 2. Сыновей — 1, образование до четырёх классов.

29.2. Л. Л. Шикер. Взрослых — 1.

30. К. П. Уксусников. Взрослых — 1. Сыновей — 3, образование до четырёх классов — 2, от четырёх до девяти классов — 1. Впоследствии один работал учителем, один — на административных должностях.

31. И. П. Игнатьев. Взрослых — 2. Сыновей — 3, дочерей — 1, все с образованием до четырёх классов. Впоследствии один трудился на административных должностях.

32. П. А. Бречалов. Взрослых — 2. Сыновей — 3, дочерей — 4, все с образованием до четырёх классов. Впоследствии один трудился на административных должностях, один — бухгалтером.

33. П. К. Логинов. Взрослых — 2. Сыновей — 4, дочерей — 1, образование до четырёх классов — 2, от четырёх до девяти классов — 3. Впоследствии четверо работали бухгалтерами.

34. Константин Петрович Логинов. Взрослых — 2. Дочерей — 2, образование до четырёх классов.

34.1. Н. К. Логинов. Взрослых — 2. Сыновей — 4, дочерей — 2, образование до четырёх классов —3, от четырёх до девяти классов — 3. Один погиб в Великой Отечественной войне, один впоследствии трудился на административных должностях, двое — бухгалтерами.

34.2. Алексей ?. Логинов. Сыновей — 1, образование от четырёх до девяти классов, впоследствии работал бухгалтером.

34.3. А. Г. Коллегова. Сыновей — 1, дочерей — 1, образование от четырёх до девяти классов. Впоследствии один работал учителем, один — фельдшером.

Итого: взрослых мужчин — 41, взрослых женщин — 35, детей мужского пола — 61, детей женского пола — 47. Детей, получивших образование до четырёх классов, — 57, детей, получивших образование от четырёх до девяти классов, — 40, получивших высшее образование — 8. Погибло в годы Великой Отечественной

войны — 2. Впоследствии работало учителями — 14, экономистами — 1, инженерами — 3, врачами — 4, на административных должностях — 15, метеорологами — 1, служило в командном составе Советской Армии — 2, трудилось бухгалтерами — 13, фельдшерами — 2.

6. Мои родители и предки

Сколько мать родила детей в общей сложности, мне доподлинно не известно. По рассказам старшего брата, их было, вероятно, с десяток, из которых только половина осталась в живых, родившихся в следующих годах: Николай — 1904, Марфа — 1906, Дмитрий — 1910, Михаил — 1913, Павел — 1914.

Кроме Михаила, неизвестно куда потерявшегося на материке в 1930 году, остальные трое мужского пола, работая главными бухгалтерами в разных отраслях народного хозяйства, дожили до пенсионного возраста и так же, как и их сестра, продолжают пребывать сейчас, в канун 1979 года, в добром здравии.

Заботы о воспитании нас в основном лежали на матери, Неониле Ивановне, женщине с прямыми, жёсткими и чёрными волосами на голове и заплатами веснушек на смуглой коже лица, которые, к счастью, слабо замечались на её слегка скуластом облике.

Кроме многих домашних забот, как-то уходе за скотом, разделке рыбы и заготовке летом сена, она в свободное от уличных работ время, усевшись возле оконца с четырьмя четвертушками, сучила жильные и крапивные нитки, которыми шила на руках для всех одежду и торбаса.

Родилась моя матушка, вероятно, в 1880 и скончалась в 1934 году, так и не научившись грамоте. Её отца с матерью, по фамилии Кравченковых, я не помнил, а знал только лишь старшего брата Власия, большого шутника и просмешника, служившего в молодые годы, кажется, казаком.

Кроме Власия, хорошо знал его сестру, а мою тётушку Марфу, отличавшуюся с упомянутым братом от младшего Алексея копной чёрных и курчавых волос на голове. Такие шевелюры унаследовали и все мы четверо, за исключением сестры.

Отец мой, Павел Константинович Логинов, родившийся, очевидно, в 1869—1870 году, как глава семьи кроме забот около домашнего хозяйства часто отлучался на промысел зверя, совершал поездки зимой на северо-запад Камчатского полуострова, за село Соболево к корякам за оленьим мясом и их выделками из кожи

и в город Петропавловск для реализации там добытой за зимний сезон пушнины и приобретения необходимых товаров.

Ежегодно летом почти весь июль вместе с остальными жителями села из числа взрослого мужского населения отец работал на рыбном промысле, где он и артельные вылавливали неводом горбушу и сдавали её владельцу консервного завода, рыбопромышленнику Еновскому, зарабатывая на привозимые с материка продукты первой необходимости.

Наш кормилец имел образование, по всей видимости, свыше четырёх классов. В период русско-японской войны 1904—1905 годов участвовал в дружине, боровшейся с японцами, пытавшимися высаживаться со шхун в устьях камчатских рек, за что наравне с другими односельчанами получил от правительства медаль. Умер в 1923 году.

Заслуживают внимания родители и родственники моего отца. Они жили от нашей избы в пятидесяти метрах. Их семья была весьма многочисленной и в сравнении с нашей и многими другими жителями Большерецка считалась по меркам тогдашней культуры села необычно просвещённой.

Дедушка, Константин Петрович Логинов, надо полагать, имел образование более четырёх классов, так как был псаломщиком. Но эта церковная специальность, позволявшая руководить на клиросе певчим хором, от хозяйских работ дедушку не освобождала, поэтому он работал по дому так же, как и всякий сельский труженик. А вот его брат Харлампий, по свидетельству моего брата Николая, был священником, и в нашу детскую пору жил где-то на материке, кажется, в Приморье.

У Константина были братья, как я уже упоминал, Харлампий, Александр, проживавший на северо-западе Камчатском полуострова в селе Тигиле, и Пётр. Были ли сёстры, установить не удалось.

После смерти первой жены, то есть нашей бабушки Ассенефы, почтенный прародитель, оставшись с четырьмя детьми — Ульяной, Егором, Ольгой и моим отцом Павлом, вынужден был жениться повторно, взяв в жёны слегка светловолосую Любовь, сестру местного аборигена Николая Ильича Селиванова, от которой имел совместных детей Домну, Антониду, Николая, Веренею, Марию и Елену.

Может быть, и не следовало знакомить читателя со всеми подробностями моей родословной, но мне думается, что человек любознательный и мыслящий найдёт в упомянутых мною фактах некоторые сведения для сравнений и анализа.

Например: сравнивая с прошлым осведомлённость в медицине современных родителей, заботу государства о роженицах и их детях, соответствующее питание и досмотр за ними, невольно даёшься диву, как это моим «невежественным» прародителям удалось вырастить и воспитать своих десятерых отпрысков?

Посудите сами. Все чёрноволосые смугляшки совершенно не имели понятия о современных форточках и ходили в течение всего года по избе только босиком, не употребляли специальных витаминов и тому подобных тонизирующих снадобий, питаясь исключительно мясом, рыбой и картофелем. Даже такие необходимые компоненты рациона, как овощи и фрукты, без которых современный человек и тем более ребёнок просто не мыслят существование, им тогда совершенно не были ведомы, а молоко и его продукты, имевшиеся в изобилии только летом, употреблялись весьма воздержанно.

Из числа детей дедушки наиболее колоритной личностью, запомнившейся мне, был дядя Николай Константинович, который, будучи юношей, какое-то время жил на материке у Харлампия, брата своего отца, получив там, по всей видимости, соответствующую грамотность, начитанность и бытовые навыки, присущие культурному семейству. Он с пользой для дома перенимал положительные новшества, к которым, глядя на него, приобщались и многие другие односельчане.

В мою бытность этот дядя, единственный в селе, раза два или три ставил под Новый год ёлку для всех ребят. Он умел готовить мороженое, пробовал разводить свиней и капусту. В их огороде росли кроме картофеля, репы и лука, обычных для всех жителей Большерецка, ещё и свёкла, морковь, укроп и салат. За грамотность, рассудительность и культурное поведение Николая обычно выбирали артельщиком на рыбных промыслах, где ему поручалось вести переговоры с рыбопромышленником Еновским.

Перед приходом советской власти в городе Петропавловске его посвятили в дьяконы. В 1933 году, наравне с частью жителей, он был репрессирован, и его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Отношения нашей семьи, считавшейся по достатку средней, с многочисленными жителями дедушкиного очага, приравнивалась к взаимозависимости бедных и не таких уж культурных родственников. Их состоятельность определялась наличием скота и прочего, а также совершенно не товарного имущества, упомянутого в одном из приложений.

Где начинается родословная моих предков далее дедушки Константина Петровича, истинно установить не удалось и лишь можно догадываться.

В четвёртом томе учёных записок Хабаровского государственного педагогического института, в «Диалектологическом очерке Камчатки» за 1968 год на 59-й странице написано: «Затем в результате активной миссионерской деятельности Хотунцевского школы были открыты 23 августа 1745 года в трёх острожках — Нижнекамчатском, Верхнекамчатском и Большерецком, где к тому времени "утвердилось" христианство. Обучать малолетних камчатских отроков поручено было выпускникам Московской славяно-греко-латинской академии Грязнову, Камшигину, Серебрякову и Логинову». Далее в сноске говорится: «Пётр Логинов... родом Новгородского уезда, попа Михаила Романова сын, от роду ему двадцать три года и шесть месяцев».

Принимал во внимание причастность дедушки, его брата и дяди к духовенству, часто повторявшееся среди моих предков имя Пётр, невольно напрашивается вопрос: а не является ли тот самый учитель Пётр Логинов моим дальним предком по мужской линии? От его брака с местной ительменкой, возможно, произошли и мы, являющиеся, по существу, метисами.

Законно могут возразить, что в то не христианское время, согласно сенатскому указу от 2 января 1742 года, в пору массового крещения аборигенов и восприятия ими Христовой веры, бывшие иноверцы Камчатского полуострова за отсутствием своих фамилий присваивали русские, от чего, мол, и получились Логиновы. Если рассуждать так, то откуда же тогда взялась в нашем роду тяга к известной нам интеллигентности многих вышеупомянутых Логиновых?

В данное время наследники моих тётушек и дядей разбрелись по всей стране так же, как и мои родственники, и лишь ограниченное число лиц живёт на Камчатке в основном в городе Петропавловске.

7. Схема рек возле Большерецка

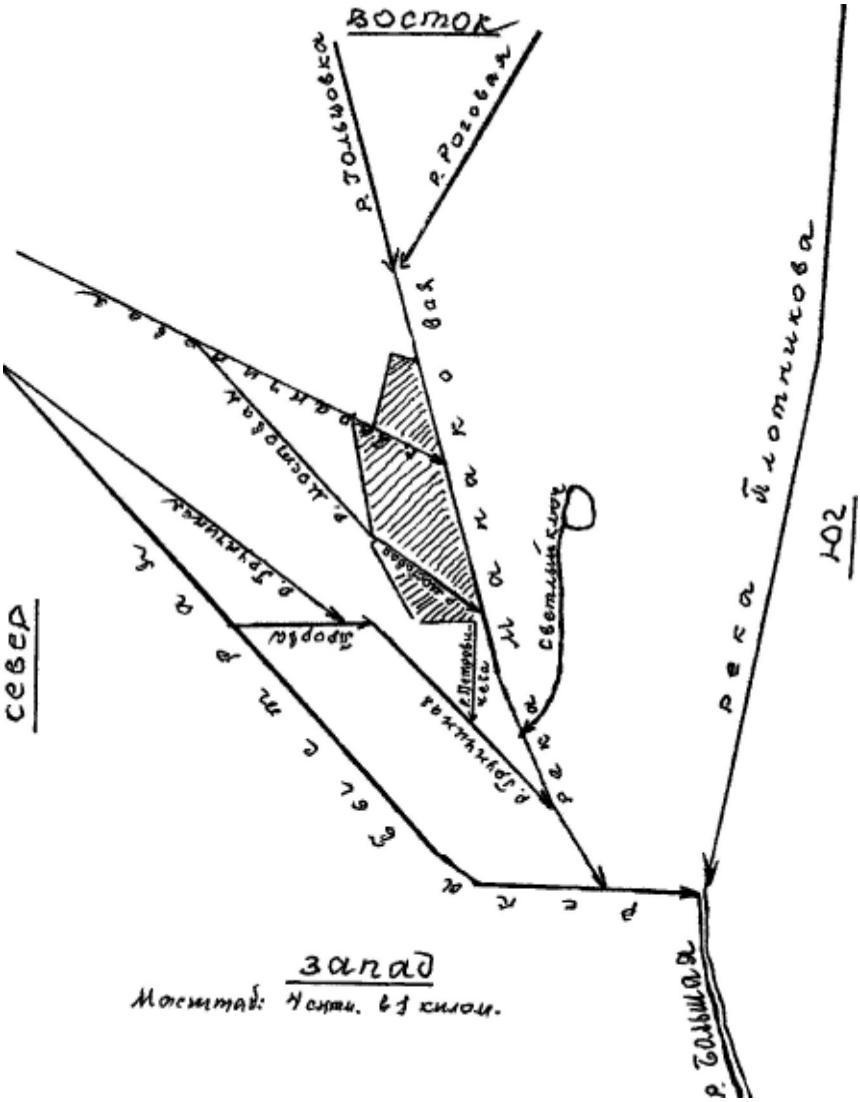
Расположение села обозначено штрихами.

При нанесении схемы рек принято примерное расстояние от Большерецка (в километрах) до:

— реки Быстрой на север — 2;

— реки Быстрой на запад — 1,5;

— реки Быстрой до её устья — 1,5;
— реки Плотниковой на юг — 2;
— реки Плотниковой до её устья — 2;
— устья реки Гольцовки — 0,5.



8. Реестр литературы, касающейся истории села Большерецка
(находится в моей домашней библиотеке, подлежит вечному хранению и передаче её из поколения одной семьи Логиновых в другую, наследственную)

1. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки, издание 1949 года.

2. Диалектологический очерк Камчатки, издание Хабаровского педагогического института 1968 года. На странице 59 сказано о роде Логиновых.

3. *Смирнов Н. Г.* Государство солнца, издание 1972 года.

4. *Белов М. И.* Подвиг Семёна Дежнёва, издание 1973 года.

5. *Окладников А. П., Василевский Р. С.* По Алеутским островам, издание 1976 года. На странице 55 сказано о восстании в Большерецке.

6. *Пушкин А. С.* Том 6, издание 1948 года, страницы 329—359.

7. *Щедрин Г. И.* Петропавловский бой, издание 1975 года.

Кроме вышеупомянутой литературы, крайне необходимо прочесть о «скасках» Атласова книгу, находящуюся в Хабаровской краевой библиотеке в краеведческом отделе под шифром «№ 5, ДВ91, К613» — «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в восемнадцатом веке. Сборник архивных материалов под редакцией Я. А. Алькора и А. К. Дрезена», издание Института народов Севера ЦИК СССР 1935 года.

9. Статьи о Большерецке в газете «Полярная звезда» за 1928 год
(из фондов КГБУ ККОМ)

Рыбопромысловая кооперация

В 1925 году в районе были организованы две артели, объединяющие рыбаков по рекам Большой и Воровской. Уже в 1926 году одна из артелей (Соболевская) перешла на обработку рыбы и икры. В результате работы к настоящему времени артель имеет оборот в 50 тысяч рублей и членов — 107 человек.

Из артели на реке Большой образовалось устьбольшерецкое товарищество, объединяющее рыбаков всей бывшей Большерецкой волости. За последний год число членов Товарищества выросло с 273 до 376, не охвачено только 76 человек... В этом году улов рыбы был незначительный. Шла главным образом крупная

рыба — красная, кета. Заработок рыбаков колебался. Так, по реке Большой на рыбака пришлось от 70 до 75 рублей... Приёмные цены на рыбу: рыба-сырец крупная по 19 копеек, горбуша — одна-две копейки...

Полярная звезда, 15 января 1928 г., № 3

Что происходит в доме Ефима Черных в Большерецке

В селении Большерецке есть распивочная станция в доме Ефима Черных. В этот дом заезжают проезжающие из села Хайково со спиртом. Хозяин приглашает их.

— Заезжайте, милости просим!

Ну, и начинается там ухарская гулянка. На эту гулянку являются без приглашения и дамочки разные, как мухи на помойную яму, не говоря уже о других мужчинах. А при пьянке ведь хорошего можно мало ожидать. Хоть бы учитель разъяснил им, насколько вреден алкоголь. Ведь это губит крестьянское хозяйство и человека губит.

Проезжий

Полярная звезда, 22 марта 1928 г., № 24

«Большерецкие обычи»

В каждой местности свои обычаи, но не в каждом селе, а вот Большерецк в этом исключение. Там своя, большерецкая, жизнь, свои обычаи. А насколько они хороши, это судить не нам. Беда там быть именинником, так и зная, что по миру пустят. Добро ещё, что село небольшое.

В других сёлах — именинник, ну и хорошо, кому какое дело, а здесь не так. Как только узнали, что скоро Пётр или Иван именинник, так безо всяких приглашений собираются к нему в гости.

В день именин всё село с чадами и домочадцами вваливается к имениннику с поздравлением и, конечно, с желанием угоститься, а уж тут, что в печи, всё на стол мечи.

Зная это, каждый именинник заранее едет в «Госвино», запасается чем следует. В день именин гулящее село развёртывается во всю ширь своей натуры.

Клык

Полярная звезда, 19 марта 1928 г., № 26

Секции большерецкого сельсовета

Секции при большерецком сельсовете организованы в апреле 1927 года. Первое время секции работали по плану, а потом работа пошла так — без плана. В работе секций председатель и секретарь участия не принимали, также почти никакого участия не принимали и женщины.

Всё же кое-что было сделано. Так, по почину сельхозсекции был приобретён племенной бык, переданный потом селькрестькому, прорабатывался вопрос об устройстве тёплых стай для скота, но дело не вышло, так как встал вопрос о переезде всего населения на новое место, был проработан вопрос об установлении мест заказников на пушного зверя и нерестилищ для рыбы.

Секция местного хозяйства. По её указаниям ремонтировались мосты, устанавливались вехи, отремонтировали помещение под школу и красный уголок и проведён субботник для исправления дороги.

Не была забыта и санитария деревни. По представлению секции было отведено место для кладбища павших животных; собаки выведены из селения. Кроме того, секцией проведена распланировка места, отведённого на реке Кавалерской, чтобы селились и строились, не как кому вздумается, а по плану.

Работа культсекции заключалась в устройстве спектаклей, организации красного уголка, проведении революционных праздников и выпуске стенгазеты.

Если учесть, что работа была для всех новая, люди только начинали пробовать силы на общественной работе, надо признать, что со своими задачами они справились довольно хорошо.

В 1928 году оставлено только две секции: первая — сельского хозяйства и коммунальная, вторая — культурно-просветительская и санитарная. Все члены сельсовета принимают участие в работе, кроме того втянуто восемь человек граждан. Из женщин в секциях работают три человека. Секции работают по плану, заседания посещаются аккуратно.

Что сделано секциями. Сельскохозяйственная: установлены нормы ездовых собак и поставлен вопрос об улучшении породы. Решено выписать хорошего производителя из Анадыря, а своих слабых кастрировать.

Затем секция учла всех бедняков, до сего времени не кооперированных, и по согласованию с сельсоветом передала список в селькрестком, чтобы последний снес за бедноту членские взносы.

Большое внимание секция, как и раньше, уделяла сельскому хозяйству, в частности скотоводству. Посмотрела секция на деревенский табун, и видит, что дело не совсем ладно. Производитель как будто и есть, а толку от него мало — слишком вялый какой-то. Покрутили мужчины головой — нового быка покупать — дорого. Решили обойтись своими силами: ведь есть приплод от табуна, вот и решили отобрать хороших бычков и их растить, а захудалых кастрировать. И сделали самый верный подход к делу — ведь всякое улучшение табуна только тогда будет, когда сами хозяева будут на племя оставлять только лучшие экземпляры, как тёлок, так и бычков. Только таким путем создались все современные знаменитые молочные породы скота. Примеру Большерецка надо следовать и остальным селениям. Жаль только что ветеринар всего один на район и не успевает провести своевременно кастрацию.

Для борьбы с хищничеством на пушнину и рыбу секция решила принять меры морального характера, разъясняя населению необходимость сохранения естественных богатств. Иных мер секция применить и не могла, так как при отсутствии надзора бороться с хищничеством можно только путём контроля самих охотников и через убеждение несознательных граждан.

Работе секций в этом году много вредит переселение деревни на новое место. Часть дворов уже выселилась, часть ещё остаётся на старом месте. Заседания секций приходится приурочивать к тем моментам, когда все члены соберутся вместе.

Участвующий

Полярная звезда, 22 июля 1928 г., № 58

Большерецк переселяется

В августе месяце 1927 года жители села Большерецка надумали переходить на протоку Кавалерскую (шесть вёрст от Большерецка) вниз по реке. Причины перехода таковы: наше селение находится на островах, и речки, протекающие по селению, с каждым годом становятся всё больше и больше. Речки эти не дают нам совершено заготавливать необходимое для хозяйства: лес, сено, дрова и прочее.

Осенью нельзя совершенно выехать на охоту, ибо во время шуги невозможно перебраться через реки. Само село находится на низменном месте, бывают случаи, что в половодье село в иных местах заливается водой, причём припасы, находящиеся в земле — погребах и ямах, — сгнивают.

О переходе было возбуждено ходатайство перед райисполкомом, откуда и пришло разрешение, после которого немедленно организовался коллектив из переходящих на протоку Кавалерскую в составе двенадцати человек.

Этот коллектив нынче, весной 1928 года, перебросил уже три дома, где уже живут хозяева домов, и на два дома навозили лес, где тоже идёт оживлённая работа. Коллектив предполагает, что за два года он полностью будет на новом месте.

Любо посмотреть на этот коллектив, в котором каждый друг другу помогает, — и мигом на новом месте вырастают деревенские домики.

В настоящее время на потоке Кавалерской находятся семь хозяйственных дворов.

Работа большерецкой ячейки ВЛКСМ

Наша ячейка организовалась в ноябре месяце 1927 года, существует восемь месяцев. Ячейка ещё молодая, и потому имела в своей работе некоторые ошибки. Но всё же в работе ячейки есть и большие достижения.

Посещаемость комсомольцами собраний аккуратная, дисциплина сравнительно хорошая. Ребята-комсомольцы разработали совместно с пионерами площадку, устроили качели, красный уголок. Теперь комсомольцы также совместно с пионерами разработали огородную площадь.

Наши комсомольцы выдвинуты в секции сельсовета, где также проявляется активность в работе. В будущем наша работа должна ещё больше наладиться.

Г. Уксусников

Полярная звезда, 26 июля 1928 г., № 59

Большерецкая культурно-просветительная секция

Наша секция начала проводить работу с апреля месяца сего года. В секции имеется всех членов восемь (членов сельсовета четыре человека и не члены сельсовета четыре человека), из них три женщины.

Собрания секции как её членами, так и гражданами посещаются аккуратно. Секция работает по полугодичному плану.

С апреля по июнь включительно выполнено секцией следующее: провели празднование Первого мая, провели учёт всех детей

школьного возраста с уведомлением родителей о необходимости учить их в следующем году (в связи с декретом о всеобщем обучении), также проведён целый ряд различных обследований.

Культсекция проводила в избе-читальне вечера, создала драмкружок, в котором принимает активное участие комсомольская организация.

Георгий Селиванов

Полярная звезда, 29 июля 1928 г., № 60

Гибнет селёдочка

Из Большерецка сообщают, что на японских рыбалках вылавливают только лосося, а сельдь, попадающую в невода в значительном количестве, выбрасывают.

Ясно, селёдочка гибнет.

Для использования такого ценного продукта возбуждено ходатайство о разрешении беспрепятственного сбора выбрасываемой сельди Большерецкому рыболовецкому товариществу с правом обработки на своём участке для вывоза на Владивостокский рынок.

Голец

Полярная звезда, 26 августа 1928 г., № 66

КОММЕНТАРИИ

[1] Архимандрит Мартиниан, первый камчатский православный священнослужитель. Прибыл на Камчатку в 1705 году, начал своё пастырское и миссионерское служение среди камчадалов Большерецка. Окрестил около ста ительменов-язычников. Убит восставшими аборигенами в 1718 году.

[2] Рыбопромышленник Гурин провёл свой последний сезон в Большерецке в 1924 году.

[3] Скорее всего, Еновский (в тексте рукописи встречается и другое написание фамилии — Яновский) был не владельцем, а наёмным управляющим промысла, расположенного на «шестой версте». В «Сведениях об уловах в 1912 году русско-подданных в реках и бухтах, изъятых от действия русско-японской рыболовной конвенции» указывается, что в Западно-Камчатском рыбопромысловом районе в районе реки Большой действовали два промысла, арендованные крупнейшей отечественной фирмой «Товарищество на вере “Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и К°”». Главная контора фирмы размещалась в Санкт-Петербурге. В сезон 1912 года промыслы Грушецкого добыли 1 627 чавыч, 24 603 кетины, 2 756 нерок, 376 242 горбуши, 1 895 кижучей и 15 750 гольцов. Из этого улова для отправки на европейские рынки были приготовлены 43 397 пудов солёной рыбы и 1 440 пудов икры. Одновременно на морском побережье в окрестностях устья реки Большой действовали 25 морских участков, из которых лишь два были арендованными русскими рыбопромышленниками, а остальные — японцами.

В 1911 году Товарищество трижды (30 сентября, 12 октября и 5 декабря) обращалось к правительству с ходатайством о сдаче ему в долгосрочную аренду рыболовного участка на реке Большой. 28 января 1912 году его просьбы были удовлетворены. С 1 января этого года Товариществу в двенадцатилетнюю аренду без торгов передавался участок на условиях, определенных законом от 21 июня 1910 года [*Гаврилов С. В.* Вдоль камчатских берегов (транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2003. — С. 423—434].

[4] Созданная в 1909 году Камчатская область в административном отношении была разделена на шесть уездов. Большерецкая волость входила в состав Петропавловского уезда. Во главе уездов стояли уездные начальники и их помощники. В некоторых

уездах, в том числе и Петропавловском, были учреждены приставские станы. В соответствии со «Списком служащих Министерства внутренних дел по Камчатской области на 1 января 1915 года», приставом третьего стана Петропавловского уезда был Людвиг Леонтьевич Шикер [РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 109]. Помимо чисто полицейских, во время рыболовного сезона он выполнял обязанности промыслового пристава. Так, 8 июня 1913 года Л. Л. Шикер присутствовал на сходе жителей селения Унтербергеровки (Запорожье), обсуждавшем вопрос «о спорном участке земли общества с товариществом “С. Грушецкий и К°”».

[5] Видимо, автор имеет в виду Российско-Американскую компанию, прекратившую деятельность после продажи Россией в 1867 году Аляски Северо-Американским Соединённым Штатам. В бытность автора ребёнком и подростком в Большерецке, кроме заезжих купцов, до 1924 года действовала пушная фактория английской (канадской) фирмы «Гудзон Бей», скупавшая пушнину и снабжавшая население. Советское правительство начало осуществление «пушной монополии», задавшись целью вытеснить иностранных и частных торговцев с Камчатки.

Для этого созданное с государственным участием в мае 1924 года Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (ОКАРО) открыло на западном побережье Камчатки шесть пушных факторий, в том числе одну в Большерецке. Весной на пароходе «Эривань» сюда приехали служащие фактории, с судна выгрузили товаров на 55 220 рублей по продажной стоимости. Имущество «Гудзон Бея» было принято на комиссию, в том числе товары, оценённые в 44 000 рублей.

«При осмотре выяснилось, что все товары представляют собой остатки от прежних лет, из которых всё нужное извлечено, а оставлена лишь заваль, которая может быть используема только в случае острой и крайней необходимости... В ассортименте товаров очень много мануфактуры весьма низкого качества. Дробовики, порох, дробь, торбаса и другое могли бы быть признаны ходовыми лишь со скидкой до 75 %. Некоторые продовольственные продукты: мука, крупа, чай байховый разных сортов от долгого хранения на складе отчасти испортились, отчасти потеряли в качестве». Большерецкой пушной факторией ОКАРО заведовал некто Деулин, до этого бывший руководителем местного отделения «Гудзон Бея» [Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. — Вып. 8. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 5—29].

[6] По сведениям флотского историка А. С. Сгибнева, в Большерецке было построено лишь одно морское судно — упомянутый автором восемнадцативёсельный шлюп «Большерецк», действительно, срубленный из берёзового леса. Его даже называли «берёзовкой». В 1745 году он «по окончании навигации сдан по негодности к порту». С 1737 по 1841 год в районе устья реки Большой потерпели крушение десять морских судов, построенных на других верфях: шитик «Фортуна» (1737), гальот «Охотск» (1748), пакетбот «Святой Иоанн Креститель» (1753), бригантина «Святая Екатерина» (1766), бот «Николай» (1787), гальот «Святая Надежда» (1792), бригантина «Святая Екатерина» (1809), катер «Святой Зотик» (1812), бриг «Александр» (1827), бриг «Камчатка» (1841) [*Сгибнев А. С.* Ведомость судам Сибирской флотилии с 1714 по 1853 год // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 102—107]. Вполне возможно, что какие-то из них, а также другие, ремонтировались при участии большерецких «корабельщиков», то есть плотников.

[7] По окончании промыслового сезона 1912 года «Товарищество на вере “Тихоокеанские морские промыслы С. Грушецкий и К°”» ходатайствовало перед правительством о выделении ему на реке Большой второго участка. Приамурское Управление государственных имуществ высказывалось против этого, полагая, что его открытие может подорвать рыбные запасы реки. Для недопущения этого было необходимо вместе с открытием нового участка устроить рыборазводный завод, рассчитанный на ежегодный выпуск трёх-пяти миллионов мальков лосося. Работать завод начал в 1916 году [РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 62, л. 129—130об.].

[8] Последним промысловым сезоном для большерецкого рыбоконсервного завода фирмы Грушецкого стал 1923 год. Одной из задач ОКАРО было постепенное вытеснение из рыбной промышленности частного капитала. Способом достижения этого могло явиться акционирование. Представитель С. Грушецкого внёс правлению ОКАРО предложение о совместной эксплуатации заводов, но договориться об этом не удалось.

По замечанию председателя правления ОКАРО В. Л. Бурыгина, акционирование необходимо было проводить так, «чтобы фактическими хозяевами были мы, а не частный капитал. Условия же Грушецкого говорят совершенно противоположное. Кроме того, завод Грушецкого на р. Большой не представляет ценности ввиду необходимости строить его заново...» Член правления ОКАРО К. И. Воронов, осмотревший его, нашёл, что «общее состояние

построек завода в данное время весьма неудовлетворительное. В течение истекшей зимы, благодаря обильным снежным осадкам, крыши в некоторых местах сломались и кое-как наскоро подремонтированы. Кое-где стропила также надломились, и в наступающую зиму, даже при незначительном снежном покрове, крыша в этих местах провалится. При таких условиях, чтобы в будущем сезоне завод пустить в ход, потребуется капитальный ремонт построек. Вообще же самое здание завода не производит солидного впечатления. Крыши по большей части деревянные и только кое-где железные. Опорные столбы внутри здания слабые, стены из полудюймовых досок и везде просвечивают».

Главное деревянное здание завода имело площадь около шестисот квадратных саженей. В нём могли поместиться три консервные линии, остальное пространство использовалось как склад.

Оборудование предприятия состояло из шести автоклавов вместимостью по 4 000 банок, трёх паровых ящиков, стольких же моек, четырёх закаточных станков, охладителя консервов. Каждая линия была снабжена автоматическими весами и набивочными машинами. Разделывали и резали рыбу два станка, приводившиеся в действие паровым двигателем. Завод снабжался паром от трёх котлов.

Похоже, что ОКАРО сознательно занижало ценность предприятия, дабы облегчить овладение им. Вот описание, отличное от приведённого выше, датированное 1925 годом: «Несмотря на то, что в течение двух лет завод не работал, всё же носит на себе отпечаток образцового предприятия заводского типа. Усовершенствованные и прочные корпуса, лучший туковый завод, оборудование и содержание за счёт предприятия рыбоводного завода, всё это свидетельствует о стремлении поставить дело на экономически правильных и прочных началах» [*Гаврилов С. В.* Вдоль камчатских берегов (транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2003. — С. 423—434, 453—456].

[9] Шведская научная экспедиция работала на Камчатке с лета 1920 по осень 1922 года. В её состав входили руководитель Стен Бергман, его жена Дагни, ботаник Эрик Гультен, его жена Эльза, зоолог Рэне Малэз и препаратор Эрнст Хедстрем. Весной 1922 года экспедиция, следуя в Петропавловск, посетила Большерецк. Путешествие руководитель экспедиции С. Бергман описал в книге «По дикой Камчатке» (Петропавловск-Камчатский, 2000).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
От автора 18
Среди рек и хребтов 18
Нераскрытая тайна 22
Строительство острога 23
Измены и бунты 25
Спустя два столетия 38
Устье, кошка и война 40
Последствия войны 43
Во время двух новых войн 47
Власти и обязанности 51
Интеллигенция и источники культуры 53
Очаги культуры 64
Вечёрки, праздники, свадьбы и именины 68
Носители моды и одежда 75
Продукты и приготовление пищи 79
Строения и сооружения 86
Кухонные принадлежности, инвентарь и инструменты 91
Охотничье и рыболовное снаряжение 94
Заготовка рыбы и её значение 105
Промысел зверя 116
Пернатые и их отстрел 130
Содержание собак, езда на них и устройство сбруи 142
Изготовление батов и ходьба на них 156
Заботы разных времён года 160
Игрушки, детские игры и забавы 163
Леса и их значение 164
Насекомые и грызуны 166
Вера в нечистую силу 168
О климате и некоторых растениях 172
Болезни и их лечение 175
Взаимоотношения между людьми, поверья и поговорки 176
Отношения с соседними странами, селами
и проезжими людьми 178
Происхождение названий рек 182
Разговорная речь 184
Где делать раскопки? 185
После бури 196
Конец бывшего острога 197
Последнее свидание и расставание 199
Приложения 205
Комментарии 235